

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт Дальнего Востока Российской академии наук

Е. И. Сафронова

**КНР – РАЗВИВАЮЩИЕСЯ
СТРАНЫ:
ИСТОРИЯ И КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ
БАЗА ОТНОШЕНИЙ
(1949 – 2013)**

НА ПРИМЕРЕ
АФРИКИ
И ЛАТИНСКОЙ
АМЕРИКИ

Москва
ИДВ РАН
2017

УДК [327+339.5](510+1-773)"1949/2013"
ББК 65.5(5Кит)'8+66.4(5Кит)'8
С21

Рецензенты:

д.и.н. Н.Л. Мамаева, к.и.н. А.О. Виноградов, к.и.н. А.А. Козлов

Ответственный редактор

д.и.н., проф. С.Г. Лузянин

Сафронова Е.И.

С21 КНР — развивающиеся страны: история и концептуальная база отношений (1949—2013) на примере Африки и Латинской Америки : монография / Е.И. Сафронова. — М. : ИД «ФОРУМ», 2017. — 130 с.

ISBN 978-5-8199-0685-9

В монографии рассматривается ряд важных вопросов истории, концептуальной базы и практики контактов по линии «КНР — развивающиеся страны» (на примере стран Африки и Латинской Америки) со времени образования Китайской Народной Республики до 2012—2013 гг., увенчавшихся приходом к власти 5-го поколения руководителей Китая. Особое внимание уделено теоретическому обоснованию отношений сторон, поскольку оно, в силу приводимых в работе причин, оптимальным образом определяло характер и особенности указанных связей.

В работе представлен авторский взгляд на дефиниции «развивающаяся страна», «развивающийся мир», а также на факторы, обусловившие оформление развивающегося мира как великого мирового феномена. Рассматривается и вопрос вызревания и нюансировки статуса КНР как развивающейся страны, от которого Китай не отказывается и донныне.

Ключевые слова: Китай, КНР, развивающиеся страны, развивающийся мир (РМ), международные отношения, внешняя политика КНР, Африка, Латинская Америка, теория «трех миров», сотрудничество «Юг—Юг», внешняя политика РФ.

УДК [327+339.5](510+1-773)"1949/2013"
ББК 65.5(5Кит)'8+66.4(5Кит)'8

ISBN 978-5-8199-0685-9

© Сафронова Е.И., 2017
© ИДВ РАН, 2017

Оглавление

Введение	5
Глава I. «ТРЕТИЙ МИР» И «РАЗВИВАЮЩИЕСЯ СТРАНЫ»: ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЙ ДИСКУРС	8
1.1. «Третий мир»: терминологические и теоретические истоки	8
1.2. Новые термины для новых реалий	12
1.3. Концепция «Север—Юг»: неожиданная жизнеспособность	17
Глава II. «РАЗВИВАЮЩИЙСЯ МИР»: НЕ ТЕРМИН, НО ЯВЛЕНИЕ	21
2.1. «Развитость резервного уровня»: ключевые критерии оценки	21
2.2. Ситуативные критерии «развитости резервного уровня»	24
Глава III. КИТАЙ — РАЗВИВАЮЩИЕСЯ СТРАНЫ: ИСТОРИЯ И ЛОГИКА ДИАЛОГА (С 1950-х ГОДОВ ДО 2013 г.)	28
3.1. Первые годы после образования КНР: становление отношений	29
3.2. Конец 1950-х годов — новые акценты внешнеполитического курса КНР	31
3.3. 1960-е годы: развивающиеся страны как полигон китайских «антигегемонистских» усилий	33
3.4. Конец 1960-х — начало 1970-х годов: «особый курс» КНР, «третий мир» и проблематика «Север—Юг»	42
3.5. Конец 1970-х — начало 1990-х годов: китайская политика «открытости» и развивающийся мир	48

3.6. 1990-е годы — «доводка» старых концепций и появление новых	50
3.7. 2000-е годы — время резкой активизации отношений Китая с РМ	53
3.8. 2010-е годы — новая роль развивающихся стран во внешнеполитических концепциях Китая	69
3.9. Проблемы в диалоге «Китай — развивающийся мир»	72
Глава IV. «КИТАЙ — РАЗВИВАЮЩАЯСЯ СТРАНА»: ИСТОРИЯ И ОБОСНОВАНИЕ ТЕЗЫ	84
4.1. Экономическая аргументация статуса Китая как развивающейся страны	84
4.2. Статус развивающейся страны как политический дивиденд	88
4.3. «Апгрейд» международного статуса КНР: «молодое вино в старые мехи»?	92
Заключение. Выводы и обобщения	105
Список использованных источников и литературы	117
Summary	127

Введение

Все время существования КНР — это эпоха драматических поворотов истории, трагических, но и великих событий, обретших страновое, региональное и мировое звучание. Внешняя политика послереволюционного Китая как эманация надстройки общественно-экономической формации стала не только отображением, но и фокусом внутренних политических и экономических событий, оплетающих ткань новейшей истории КНР.

То, что внешняя политика является продолжением политики внутренней, осознано давно, но чьи именно интересы она реализует? Слишком часто внешняя политика любого государства отражает не столько интересы жизнеобеспечения населения и/или нации, сколько установки, заданные руководством страны.

Автор полагает, что национальные и государственные интересы — понятия не тождественные, посему логично утверждать, что внешняя *государственная* политика, не защищающая интересы *нации* как социально-демографического организма и выстроенная под интересы правящей страты, рискует стать бесплодной и даже деструктивной.

Да, интересы *нации* способны противоречить внутреннему и внешнему курсу *государства*, ибо могут быть совершенно неадекватно трактуемы и даже не поняты управленческой верхушкой. Но они, в отличие от внутренней *государственной* политики, складываются объективно, вне зависимости от личностного фактора, привносимого теми или иными персоналиями текущей политической жизни.

В контексте вышеизложенного можно сказать, что внешняя политика КНР, будучи всегда фундированной внутренним *государственным* курсом, приводила к контрпродуктивным результатам тогда, когда этот курс входил в противоречие с объективными национальными (именно национальными, а не государственными) интересами страны.

И наоборот: когда управленческая надстройка становилась настолько компетентной, что умела правильно расставить приоритеты и выявить интересы национального социально-экономического строительства, то тогда и внешний курс государства обретал характер действенного инструмента странового развития.

Если исходить из тезиса о взаимосвязанности и взаимообусловленности внешней и внутренней политики КНР на всех этапах ее истории, то можно проследить логику формирования международного курса КНР, в частности, относительно развивающихся стран.

Выявление этой логики видится небесполезным в плане возможного прогнозирования аналогичных явлений в мировой жизни при параметрах, пригодных для сравнения.

* * *

Итак, практически с первых лет существования КНР ее руководство неуклонно декларирует тезис о том, что отношения с развивающимися государствами являются «краеугольным камнем» внешней политики страны. По словам Си Цзиньпина, сплоченность и сотрудничество с развивающимися странами — «непоколебимая основа» внешнеполитической деятельности КНР. Китай, будучи одной из развивающихся стран, «тесно свяжет собственное развитие с развитием развивающихся государств, а китайскую мечту с мечтой их народов о лучшей жизни и совместными усилиями выйдет на путь общего развития и процветания»¹.

В силу того, что после распада СССР внимание мировой общенности было отвлечено подвижками на европейском континенте и позже — борьбой с мировым терроризмом, существенный рост китайского влияния по всему развивающемуся миру — от Африки до Латинской Америки (ЛА) — долгое время оставался практически незамеченным.

Только с конца 1990-х — начала 2000-х годов международная общественность стала обращать серьезное внимание на активность формирующегося нового глобального лидера — Китая в мировом развивающемся «кластере».

Контакты КНР с развивающимися странами прошли очень непростой и политологически интересный путь, характеристике основных вех которого и будет посвящена данная работа.

Однако вначале, дабы откорректировать понятие об объекте исследования и четче обосновать наличие специфики в отноше-

ниях КНР с развивающимися странами, видится справедливым остановиться на характеристике самой категории «развивающийся мир».

Примечания

¹ Си Цзиньпин подчеркивает необходимость вывести сотрудничество по линии Юг—Юг на более высокий уровень. URL: http://russian.news.cn/2015-09/27/c_134664858.htm

Глава I

«ТРЕТИЙ МИР»

И «РАЗВИВАЮЩИЕСЯ СТРАНЫ»: ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЙ ДИСКУРС

До сих пор в мировой политологии и политике развивающиеся страны концептуально объединяются в явление, получившее название «Юг» или «глобальный Юг», субиндустриальные (и даже неиндустриальные) страны, «мировая периферия», страны догоняющего развития, экономически слаборазвитые страны, страны восходящей/формирующейся экономики, развивающийся мир и т. д. Для их обозначения все еще, хотя и редко, применяется и термин-основоположник — «третий мир» (ТМ).

1.1. «Третий мир»: терминологические и теоретические истоки

В термин «третий мир» вошел в мировую политологию благодаря французскому леворадикальному демографу Альфреду Сови, который ввел его в исследовательский оборот в 1952 г. по аналогии с таким явлением французской социоистории, как «третье сословие» — это простой люд времен Французской революции, оппозирующий духовенству и аристократии, составлявших первое и второе сословие соответственно.

По мнению Сови, «третий мир», как и некогда «третье сословие», — это «ничто, которое желает стать чем-то»¹. Такая трактовка подразумевает, что «третий мир» является эксплуатируемым, как и «третье сословие», и его путь, как и путь «третьего сословия», — это революция. В силу этого, рассуждения Сови наводят на еще одну принципиальную идею — о невозможности единения «третьего мира» ни с индустриальными капиталистическими странами, ни с «индуст-

риально развитым Коммунистическим блоком» в силу разновекторности их интересов².

Очевидно, что исходная концепция А. Сови отличалась всей той политизированностью, присущей международным отношениям начала и разгара холодной войны, а также свойственной устрою китайского руководства, выдвинувшего в 1960-е годы собственную теорию деления стран Земли на три мира и придавшего ей завершённый вид в 1974 г. (о чем будет сказано далее).

Терминологическое словосочетание «третий мир» было впервые официально применено на Бандунгской конференции 1955 года, а к концу 1950-х — началу 1960-х годов оно получило распространение и в *западных* СМИ для обозначения экономически отстающих стран Азии, Африки, Океании и Латинской Америки³.

Практическое и исследовательское осознание реалий «третьего мира» (впоследствии получившего более учтливое определение «развивающийся мир»), признание его как глобального социально-политического явления происходили в условиях крайней идеологизированности международных отношений — в период выхода на мировую арену новых субъектов международного права в лице бывших колоний, обретших независимость параллельно или в результате национально-освободительного движения (НОД).

В силу этого обстоятельства, *советская наука* 1960-х—1980-х годов, хоть и не жаловавшая сам термин «третий мир», все же исходила из положения, что неотъемлемым атрибутом и системообразующим стержнем ТМ (как международного актора), является общность исторического прошлого составляющих его стран, выражавшаяся в их зависимости, политической подчиненности и экономической эксплуатации со стороны мирового империализма.

Согласно идеологемам того времени, решающим фактором формирования «третьего мира» как специфической общности являлась конфронтация между мировыми системами⁴, поскольку именно она стала основным стимулом НОД. То есть, фактически, и в СССР, и в Китае в 1960-е — 1980-е годы⁵ феномен «третьего мира», процессы, происходившие в нем, рассматривались как продукт и продолжение политико-идеологического противостояния двух мировых социально-экономических систем.

Конечно, были и политологи (в основном, западные), уже тогда не придававшие определению «третий мир» политизированного звучания. Они по-иному аргументировали свои взгляды на это сложно-составное явление как на единое целое. Они оперировали совершен-

но разнотипными признаками, такими, как степень развитости производственных отношений и/или производительных сил, зрелость политических и социальных институтов, многоукладность, переходность, включенность в инациональные системы, подчиненность, экономическая периферийность и т. д.⁶ Эти исследователи, как представляется, так и не пришли к единой парадигме в определении системообразующего стержня, «клеточки» феномена «третьего», ныне развивающегося мира.

С начала 1990-х годов *политики и ученые в КНР* (а также, во многом, и российская наука) отказались от идеологизированной интерпретации сопряженных с развивающимися странами явлений и событий. Поэтому в российской политологии употребление термина «третий мир» практически сошло на нет, хотя лет 6 назад он еще пребывал в обиходе и зачастую использовался для обозначения хорошо знакомой, определенной данности и по сему именуемой торжественно и уважительно Третий мир (с большой буквы и без кавычек)⁷.

В китайской дипломатической практике термин «третий мир» сейчас встречается крайне редко и применяется в качестве синонима «развивающиеся страны» при контактах с теми международными партнерами КНР, которые эту дефиницию продолжают употреблять.

В целом же, «третий мир» перерос в «мир развивающийся» тогда, когда в мировой политологии (включая китайский и российский сегменты) стали уделять большее внимание не факту прошлой зависимости группы стран от государств-«эксплуататоров», а текущей общности стоящих перед этими странами внутренних и внешних экономических задач, а главное — сходству их положения в мировом разделении труда (МРТ).

Именно в такой общности, по всей видимости, руководство КНР на настоящий момент и усматривает то объединяющее начало, которое делает разнородный массив развивающихся государств единым «миром».

В отличие от российского и китайского исследовательских сообществ, *западные специалисты* и сейчас не смущаются использовать термин, предшествовавший дефиниции «развивающиеся страны», — «третий мир», аргументируя это тем, что он применяется всего лишь для номинации наиболее экономически «бедных» стран и регионов мира и служит общим именованием государств Африки, Азии и Латинской Америки, не нося политизированной окраски.

Однако на Западе все же задумываются о целесообразности термина «третий мир», признавая, что политически он является архаич-

ным, доставшимся от времен «холодной войны» с ее делением противостоящих лагерей на «первый» и «второй» миры (в лице США и их союзников и «коммунистического блока» соответственно) и отнесением неприсоединившихся стран к «третьему миру». Там соглашаются, что в реалиях XXI в. указанный термин не отличается и экономической точностью, поскольку в развитых государствах можно найти примеры вопиющей «третьемировской» бедности, когда как ряд развивающихся стран постепенно занимает позиции ключевых «игроков» на мировых товарных и технологических рынках (Китай, Индия, Бразилия, страны ЮВА).

Фактором устаревания и термина, и понятия «третий мир» называют и неспособность относимых к нему государств преодолеть межстрановые разногласия и выработать общую программу эффективной международной экономической и политической реформы (создания нового международного порядка), достойной XXI в.⁸

В качестве альтернативы западные политологи охотно употребляют термин «развивающиеся» страны, хотя и признают, что, будучи пригодными для «неотложной», самой общей характеристики социально-экономического «лица» той или иной страны или группы стран, дефиниции «развитые» и «развивающиеся страны» не могут исчерпывающе отражать положение дел на мировой социально-экономической арене.

В силу этого, западные политологи предлагают «там, где это возможно» отказаться от «обобщающих терминов и метафор» и сравнивать развитие стран путем задействования адресных показателей: «высокий доход» против «низкого дохода», свободная рыночная экономика против командной, демократический режим правления против авторитарного и т. д.⁹

На взгляд автора, подобная постановка вопроса не способствует достижению общепонятного решения, ибо и она не подразумевает индивидуально точной оценки развития и не определяет, что именно при характеристике страны является приоритетным: политические ли ее особенности или же экономические показатели. Да и применение адресных показателей делает малопригодными для четкого изложения многие темы, связанные с проблемой политико-экономического развития как такового.

Тем не менее, звучат мнения о том, что термин «третий мир» и доньше не утратил своей актуальности и даже полезности, поскольку на геополитическом уровне он продолжает служить ссылкой-ориентировкой для обозначения глобальных секторов отстающего или от-

ложенного социально-экономического развития и для вычленения тех субъектов МО, которые не вписываются в понятие «глобальная современность»¹⁰.

Кроме того, это понятие может-де нести заряд некоего консолидирующего и организующего начала: хотя категория «третий мир» не оптимальна для сравнения политики различных стран, однако она остается информативной при дифференциации международного статуса страновых экономик. Она позволяет четко вычленить те страны, которые не относятся к глобальной экономической «оси», и высветить факт экономического неравенства и неравномерности в мировом развитии.

1.2. Новые термины для новых реалий

Ныне *в российской науке* получает серьезное обоснование мнение о том, что в условиях интенсификации процессов глобализации и энергичного развития целого ряда новых крупных экономик, до сих пор называемых «развивающимися» (Китая, Индии, Бразилии, Южной Африки и др.), дискуссия в категориях не только «первого» и «третьего» мира, отношений «центр — периферия» в духе мир-системного подхода, но даже «развитых» и «развивающихся стран» утрачивает смысл¹¹. Это объясняется целым рядом обстоятельств, среди которых:

1. Возникновение различных альтернативных, но взаимодействующих друг с другом социально-политических моделей рыночного развития вследствие роста активности транснациональных корпораций (ТНК) и расширяющегося доминирования глобальной финансовой системы над реальным производством (формированию «финансомики»)¹². В силу этого, прежнее деление на центр и периферию, «развитый мир — развивающиеся страны» в политическом плане стало недостаточно гибким.

Хотя термин «развивающиеся страны» в научной литературе продолжает широко употребляться, он, как видится этим ученым, тоже уже не соответствует современным реалиям. И не столько потому, что большинство развивающихся стран практически «не развиваются» (имеются в виду в основном страны Тропической Африки. — *Е.С.*), сколько в силу того, что особенности указанных государств уже трудно привести к некоему общему знаменателю. Этим и объясняется периодическое появление различных уточняющих дефиниций — «но-

вые индустриальные страны» (НИС), «наименее развитые страны», «традиционный Юг», «глубокий Юг» и др.¹³

Соглашаясь с тем, что складывающийся ныне мировой ранжир субъектов международных отношений (МО) сложнее иерархии, существовавшей во времена биполярности, следует отметить справедливость мнения В.Г. Барановского, полагающего, что «произошло и продолжает происходить перераспределение удельного веса между различными существующими и возникающими центрами влияния, в частности в том, что касается их способности оказывать воздействие на другие государства и мир в целом. *Главная интрига в формирующейся международной системе развертывается по линии отношений между развитым и развивающимся миром...* (выделено мной. — Е.С.). Мир уже не делится на относительно небольшую индустриальную часть и множество слаборазвитых стран. Теперь сложилась другая формула: группа традиционно высокоразвитых стран и все более тяготеющая к ним группа стран с динамичной переходной экономикой»¹⁴.

У ряда российских исследователей вызывает сомнения также и категория «догоняющего развития», но не потому, что достичь уровня техники и обустройства жизни стран Запада невозможно (пример Японии, Южной Кореи и Сингапура свидетельствует об обратном). Данные ученые полагают, что особый опыт сравнительно небольших стран (причем стран административно сильных, где фактор адекватного государственного управления играет определяющую роль. — Е.С.), успехам которых благоприятствовали особые исторические предпосылки, не может быть экстраполирован на другие страны.

Вряд ли возможно достижение Китаем или Индией с их полуторамиллиардным населением уровня жизни США: для этого просто не хватит мировых ресурсов. А главное, вестернизация уровня жизни и не нужна, так как «заданный западными стандартами культ избыточного потребительства изживает себя»¹⁵. В.Г. Хорос задается вопросом: «Сможет ли какая-либо страна Юга или Востока предложить иную модель общества, альтернативную западной?»¹⁶ Он справедливо полагает, что Китай, похоже, претендует на это, но реальность пока не сложилась благоприятным для этого образом.

2. Успешное экономическое становление Южной Кореи, других «тигров» Восточной Азии, а также растущих Китая, Индии и иных энергично прогрессирующих стран, пока не претендующих на принадлежность к развитому «центру», но порой «по старинке» относимых к мировой периферии. И все это — на фоне экономического спада

ряда стран Южной Европы, претерпевших на рубеже веков фактическую деиндустриализацию¹⁷. Эти два разнонаправленных встречных явления ведут к размыванию и так спорных границ между состоявшейся развитостью и просто стремлением к ней.

Вышеприведенные доводы можно контраргументировать мнением тех исследователей, кто не считает, что глобализация сметает границы развития и превращает мировую арену в единый планетарный рынок. Автор согласен, что хотя общая доля экономики незападного мира растет (уже сейчас, например, объем производства азиатских экономик превышает показатель стран Организации экономического сотрудничества и развития, к членам которых принято относить представителей «развитого мира»), однако этот рост происходит за счет немногих стран-гигантов (прежде всего Китая). При этом технологический разрыв между ними и Западом сохраняется¹⁸.

Так, по мнению С.И. Лунева, Китай и Индия, хотя и демонстрируют собственные закономерности развития, однако по таким параметрам, как уровень производительности труда, темпы прироста населения, уровень грамотности и доходов, немногим отличаются от других стран «глобального Юга». Но их огромные абсолютные масштабы ВВП, высокие темпы роста, наличие порой узкой, но заметной прослойки высококвалифицированных кадров — вот то, что все-таки выделяет их из основной массы развивающихся стран¹⁹.

Проблематичным остается общее состояние внешнеэкономических связей развивающихся государств. Хотя на них и приходится 38 % мирового ВВП в номинальном значении или 52 % — по паритету покупательной способности, однако если в 2010 г. доля стран БРИК (т. е. Бразилии—России—Индии—Китая без ЮАР) в мировой торговле составила 8 %, в других развивающихся стран — 2 %, то в 2015 г. вклад БРИК стал негативным (–1 %) (в основном из-за обострения экономической обстановки в Бразилии и серьезном спаде внешней торговли РФ. — *Е.С.*), а остальных стран — нулевым.

Курсы национальных валют практически всех развивающихся государств не имеют свойства расти относительно доллара. Часто это объясняется необходимостью подстегнуть экспорт. Валюты ряда ведущих развивающихся стран-экспортеров — Колумбии, Бразилии, Турции, Мексики — в 2015 г. потеряли от 20 % до 50 % своей стоимости относительно доллара. Даже Китай — вторая экономика мира — девальвировал юань на 3–4 %²⁰.

Что же касается других параметров, в частности, такого ключевого показателя, как темпы роста валового национального дохода рег

capita, то, по мнению А.Я. Эльянова, несмотря на его постоянный рост во многих развивающихся странах, особенно в КНР, разрыв между развивающимися и развитым миром за прошедшие десятилетия практически не изменился. Исследователь подчеркивает, что если Китаю еще что-то «светит», то отставание остальных стран развивающегося мира представляется едва ли преодолимым²¹.

Помимо внешних факторов, рост в развивающихся странах тормозится медленным формированием *среднего класса*, способного стать «наиболее влиятельной силой» любого незападного общества (А.Г. Володин)²²; значительными масштабами неформальной занятости в странах Юга при отсутствии методов решения этой проблемы из-за сохраняющихся высоких темпов роста населения и падающего спроса на неквалифицированную рабочую силу (Е.А. Брагина)²³; экологической проблемой, особенно в странах с уязвимой окружающей средой (Н.Г. Рогожина)²⁴ — тех, где разворачивается индустриализация экстенсивного типа, подразумевающего усиленную эксплуатацию природного фактора (Китай, Индия, Бразилия) и др.

Автор полагает, что если не возводить в абсолют политико-идеологический принцип деления планетарного сообщества на «миры», сохраняя при этом все уважение к многоцветию социально-экономической палитры в лице субъектов МО разного уровня международного авторитета и хозяйственного развития, то термин пусть не «третий», но хотя бы «развивающийся мир» (РМ) вполне пригоден для применения. Ибо, какие бы события ни происходили на международной арене, «развитый мир» в лице одного или более государств, несомненно, останется, причем надолго, ибо на Земле всегда будут страны, приобретшие большее политико-экономическое влияние и посему обладающие правом «первого голоса» в международном сообществе.

Скажем так, «пороговый мир», состав которого также может варьироваться с изменением исторических реалий, тоже продолжит свое существование, поскольку всегда есть и будут страны средней мировой степени экономической развитости и промежуточного политического влияния. Глядя на вещи под этим углом, можно сказать, что «развивающемуся миру» (состав коего тоже может меняться) уготовано длительное будущее. Отдельные страны могут перемещаться из «мира» в «мир», но «миры» как таковые, похоже, будут существовать всегда.

Возникает вполне логичный вопрос: а не слишком ли незамысловата эта структуризация мирового сообщества? Отвечая на него, заме-

чу, что при всей ее видимой непритязательности она способна наиболее точно отражать состояние дел не только в настоящее время, но и на длительную перспективу. Существование иерархии «эшелонов» развития и мирового влияния, видимо, продлится до тех пор, пока мировое сообщество не станет «единым человеческим общежитием» с общим правительством и унифицированным образом и уровнем жизни (что если и случится, то не в обозримом будущем, как бы ни «свирепствовала» глобализация). Или же не прекратит свое существование вообще (о чем, право же, не хочется думать)²⁵.

В пользу приемлемости терминов «развивающиеся страны», «развивающийся мир» говорит и тот факт, что в международном понятийно-категориальном аппарате (в научных исследованиях, документах ООН и иных международных организаций) для обозначения менее экономически успешных государств (по сравнению с развитыми странами Европы, Северной Америки, Японией и Австралией) эти термины устойчиво и широко используются. (И даже дефиниция «третий мир» еще не ушла в запасники политологического архива международных организаций.)

Так, по классификации Международного валютного фонда, для которого ключевыми являются такие показатели, как ВВП на душу населения, степень диверсификации экспорта и уровень интеграции в глобальную финансовую систему, страны распределяются по следующим категориям:

- развитые (помимо США, Канады, Западной Европы, Японии и Австралии в их число включены аравийские монархии Персидского залива, НИС ЮВА);
- развивающиеся;
- переходные (транзитные, «промежуточные») — те, которые не относятся ни к первой, ни ко второй категории (страны Восточной Европы, бывшего Советского Союза, Монголия).

Всемирный банк распределяет все страны по уровню ВНД (валового национального дохода) на душу населения на четыре группы (с низким уровнем доходов, с уровнем доходов ниже среднего, с уровнем доходов выше среднего и высоким уровнем доходов), причисляя к категории «развивающихся» те страны, которые относятся к первой и второй группам²⁶.

Итак, «третий мир» стал именоваться более милым современному политологическому уху термином «развивающийся мир» именно тогда, когда он стал не идеологическим, а социально-экономическим понятием.

1.3. Концепция «Север—Юг»: неожиданная жизнеспособность

Экономико-географическое деление мира на «богатый Север» (экономически развитые страны) и «бедный Юг» (хозяйственно неорганизованные страны догоняющего развития) и увеличивающийся разрыв между ними были осознаны как глобальная проблема в 1960-х гг. после широкой волны деколонизации (особенно в Африке), резкого всплеска самосознания молодых освободившихся государств, приведших к поиску ими нового международного экономического порядка (НМЭП) и движению за его установление.

Терминология *координатной концепции деления* мира на «глобальный Юг» и «глобальный Север» и донныне не отвергается ни в западной, ни в «незападной» политологии, причем ее исходный политический подтекст признается практически всеми. Исходными ключевыми идеями концепции были:

во-первых, создание для развивающихся стран льготного режима участия в международных экономических отношениях;

во-вторых, оказание развитыми государствами помощи развивающимся странам на стабильной основе, а также облегчение их долгового бремени.

Идея формирования для развивающихся стран льготного режима участия в МЭО возникла как реакция на неудовлетворенность государств «Юга» системой международной торговли, при которой доходы от экспорта обработанных товаров превышали (в силу присутствия в этих товарах большей добавленной стоимости) доходы от экспорта сырья.

Развивающиеся страны трактовали это как проявление неэквивалентности и несправедливости в отношениях по линии «Север—Юг». А идея оказания «помощи развитию» напрямую увязывалась с социально-экономическими последствиями колониального угнетения и моральной ответственностью бывших метрополий за отставание в развитии освободившихся государств²⁷.

Координатная концепция иллюстрируется тем, что 23 % населения Земли, проживающее на «глобальном Севере», обладает 85 % мирового дохода, в то время как 77 % жителей планеты (население Юга) обходятся только 15-ю²⁸. Поэтому можно допустить, что традиционный дух «глобального Юга» способен и ныне нести положительный потенциал в деле сплочения менее экономически успешных стран (хотя бы на уровне дипломатической риторики).

Сейчас «координатная» терминология тоже может казаться ограниченной (поскольку ее основной «адресат» — именно хозяйственный аспект мировой жизни) и расплывчатой, ибо бурное развитие целого ряда «южных» стран обостряет вопрос об их социально-экономической дуалистичности. Тем не менее, она продолжает свое существование, хотя бы в силу особой терминологической компактности и понятийной доступности.

* * *

Суммируя изложенное выше, можно заключить, что при любых терминологических предпочтениях в той отрасли мировой науки, объектом исследований которой является «развивающийся мир», сохраняется обычай расценивать соответствующий феномен не просто как генератора и носителя проблем сугубо регионального или странового характера, но и как целостную, пусть и противоречивую в своей вариативности и разноуровневости общность²⁹. Как ни называй, но все приведенные выше дефиниции подразумевают особую совокупность субъектов международных отношений, обладающую рядом характеристик, свойственных только ей.

Поэтому в следующем разделе освещается подход автора настоящей работы к трактовке «развивающегося мира» как понятия и реального явления.

Примечания

¹ Цит. по: *Chaliand G.* Third World: definitions and descriptions. URL: http://www.thirdworldtraveler.com/General/ThirdWorld_def.html

² Ibidem.

³ *Chaliand G.* Op.cit.

⁴ *Костриков С., Тарасов И.* Третий мир: понятие и реальность // МЭ и МО. 1990. № 11. С. 21—32.

⁵ См., в частности: Жэньминь жибао. 03.09.1965; Хунци. 1965. № 10; Жэньминь жибао. 11.04.1974.

⁶ См., например: Латинская Америка. М.:ИЛА, 1989. № 11. С. 4—5.

⁷ См., например, статьи *Абрамовой И.О.* Развивающиеся страны в мировой экономике XXI века: формирование новой архитектуры международных экономических отношений (Проблемы современной экономики. 2011. № 1); *Лунева С., Широкова Г.* Складывание новой мировой системы и Россия. (Pro et Contra. 2002. № 4.)

⁸ *Smit Niko*. The Continued Relevance of the 'Third World' Concept. URL: <http://www.e-ir.info/2013/03/26/the-continued-relevance-of-the-third-world-concept>

⁹ См. *Zeeshan Aleem*. Why You Shouldn't Call Poor Nations 'Third World Countries'. URL: <http://mic.com/articles/107686/why-you-shouldn-t-call-poor-nations-third-world-countries>; *Berger Mark T.* After the Third World? History, Destiny and the Fate of Third Worldism // *Third World Quarterly*. 2004. Vol. 25. No. 1. P. 9—39; *Definicion de Tercer Mundo*. URL: <http://www.definicionabc.com/politica/tercer-mundo.php> и др.

¹⁰ *Weber Heloise*. Reconstituting the 'Third World'? Poverty Reduction and Territoriality in the Global Politics of Development // *Third World Quarterly*. 2004. № 25. P.188.

¹¹ См., в частности: *Пантин В.И., Лапкин В.В.* Динамика различных политических и социально-экономических моделей в современном мире: попытка прогноза // «Третий мир»: спустя полстолетия / отв. ред. В.Г. Хорос, Д.Б. Малышева. М.: ИМЭМО РАН, 2013. С. 153—154.

¹² Там же. С. 154.

¹³ *Хорос В.Г.* Вместо послесловия // «Третий мир»: спустя полстолетия / отв. ред. В.Г. Хорос, Д.Б. Малышева. М.: ИМЭМО РАН, 2013. С. 261.

¹⁴ Цит. по: *Малышева Д.Б.* Развивающиеся страны в меняющемся мире // *Свободная мысль*. 2012. № 7—8. С. 191—192.

¹⁵ *Хорос В.Г.* Указ. соч. С. 261.

¹⁶ Там же. С. 262.

¹⁷ *Пантин В.И., Лапкин В.В.* Указ. соч. С. 154.

¹⁸ *Хорос В.Г.* Указ. соч. С. 258.

¹⁹ *Лунев С.И.* Дифференциация стран Востока в современном мире // «Третий мир»: спустя полстолетия / отв. ред. В.Г. Хорос, Д.Б. Малышева. М.: ИМЭМО РАН, 2013. С. 72.

²⁰ *Süneyt Basaran*. Bir efsane çöküyor mu? (Миф разрушается?). URL: <http://www.haberturk.com/yazarlar/cuneyt-basaran/1123219-bir-efsane-cokuyog-mu>

²¹ *Эльянов А.Я.* Развивающиеся страны в тенетах глобализации // «Третий мир»: спустя полстолетия. С. 44.

²² *Володин А.Г.* Средний класс в незападных обществах — тенденции развития // «Третий мир»: спустя полстолетия. С. 98.

²³ *Брагина Е.А.* Теневая занятость в экономике стран Юга как вызов развитию // «Третий мир»: спустя полстолетия. С. 111.

²⁴ *Рогожина Н.Г.* Экология и развитие // «Третий мир»: спустя полстолетия. С. 119.

²⁵ См.: *Сафронова Е.И.* Некоторые современные проблемы отношений «Север—Юг» и позиция КНР // *Восток—Россия—Запад. Исторические и культурологические исследования*. М.: ПИМ, 2001. С. 713 (сноска 12).

²⁶ *Мальшева Д.* Развивающиеся страны в меняющемся мире // Свободная мысль. 2012. № 7—8. С. 184.

²⁷ URL: <http://www.grandars.ru/student/mirovaya-ekonomika/problema-sever-yu-g.html>

²⁸ *Randall Vicky.* Using and Abusing the Concept of the Third World: Geopolitics and the Comparative Political Study of Development and Underdevelopment // *Third World Quarterly*. 2004. № 25. P. 43. По оценке автора, данное соотношение мало изменилось за последовавшие 10 лет.

²⁹ *Сафронова Е.И.* Россия, Китай и «третий мир» на рубеже веков: возможно ли «второе дыхание» отношений? // *Российско-китайские отношения. Состояние, перспективы*. М.: ИДВ РАН, 2005. С. 204—228.

Глава II

«РАЗВИВАЮЩИЙСЯ МИР»: НЕ ТЕРМИН, НО ЯВЛЕНИЕ

Автор исходит из того, что «развивающимся миром», государствами «Юга», являются те страны Земли, которые наиболее остро подвержены воздействию единых для них внешних обстоятельств и которые реагируют на это воздействие сходным образом. Причем, конечно же, этим государствам присущи некие общие для всех них социально-экономические характеристики¹. Автор предлагает анализ этих характеристик-критериев, выполненный с учетом политологических наработок по соответствующему вопросу, но с привнесением собственных уточнений, акцентов и нюансировки.

2.1. «Развитость резервного уровня»: ключевые критерии оценки

На наш взгляд, страны «Юга» или «развивающегося мира» обладают свойством единого целого благодаря тому, что сообщая они являются великим мировым носителем феномена, который, на наш взгляд, можно дипломатично обозначить как «развитость резервного уровня», а проще, говоря, — «субразвитость». Вопросы отношений «Север—Юг», их модификации в контексте концепции «золотого миллиарда» при всей их важности предстают лишь производными проблемы «субразвитости», но одновременно — и ее катализаторами. Поскольку эта проблема является прародительницей-колыбелью очень многих глобальных антропогенных рисков и угроз, то видится целесообразным охарактеризовать критерии «субразвитости»².

1. Все страны «мирового экономического резерва» разделяют одну судьбу в том плане, что всем им приходится выполнять аналогичные функции в мировом разделении труда. (Кстати, сама специфика места в МРТ может служить показателем либо «суб-», либо

«сверхразвитости»). Все эти страны играют вспомогательную роль относительно «узлов» мирового экономического влияния. Они являются либо поставщиками факторов производства и элементов предмета труда (энергоносителей, сырья, а в лучшем случае — ключевых комплектующих средств производства и/или готовой продукции, выпущенной по «северным» «лекалам»), либо заинтересованными потребителями товаров развитых государств.

Новые индустриальные страны (НИС), а позже — «восходящие/формирующиеся страны/экономики» — составляют высший «эшелон» развивающихся государств. Они способны производить высокотехнологичную продукцию, но ее изготовление, а главное — сбыт осуществляются в тесной привязке к производительным и потребительским комплексам развитых стран и не могут успешно осуществляться без участия последних.

2. В связи с этим становится очевидным следующий комплексный параметр «субразвитости» — высокая степень интегрированности иностранного капитала в производство развивающейся страны: зависимость этого производства от «техноцентров» мирового хозяйства и невозможность достичь нормального воспроизводства без внешнего финансирования.

3. Сосуществование в хозяйстве развивающейся страны современного и традиционных экономических укладов. В экономике стран развивающегося мира оснащение современного сектора оказывается практически невозможным без иностранного участия, а национально-традиционный сектор обладает ограниченной способностью воспринимать организационные и технологические нововведения. Часто он вообще не пригоден для внедрения новейших технологий. Поэтому можно сказать, что низкая восприимчивость к современным технологическим и организационным инновациям той части экономики, которая развивалась сугубо на отечественной базе, — это тоже один из показателей «субразвитости».

4. Развивающиеся страны имеют если не пониженную, то замедленную способность к аккумулярованию достижений мирового хозяйства, и все они в более высокой, нежели сам развитый «Север», степени подвержены как положительным, так и отрицательным импульсам, исходящим от развитых стран (события кризисов 1998, 2008 и 2014 годов — яркое подтверждение этому).

5. Поскольку все развивающиеся страны отличаются устойчивостью традиционных, нетехнологичных секторов экономики, то всем им присуща заметная доля экстенсивного хозяйствования в произ-

водственном комплексе страны. Даже экономика НИС «первой волны» — Бразилии, Аргентины и Мексики, а также Китая — не утратила этой особенности. А в хозяйственном комплексе НИС «второй волны» (в основном наиболее успешных стран ЮВА) традиционный сектор продолжает играть весомую роль, особенно в сельском хозяйстве, где значительная доля агропродукции производится мелкими фермами.

6. В подавляющем большинстве развивающихся стран наблюдается преобладание сельского населения над городским (это мы видим и в Китае). Основная часть сельского населения получает там средства к существованию благодаря хозяйствованию на собственной или арендуемой земле, обслуживаемой в основном силами одной семьи или рода. Количество наемной рабочей силы — батраков — в сельском хозяйстве развивающихся стран невелико (здесь не учитывается найм рабочих филиалами агрокорпораций, принадлежащих в основном иностранному капиталу, и крупными землевладельцами, предпочитающими отдавать землю в аренду). А поскольку большая часть населения развивающихся стран не обладает доходами, достаточными для адекватного удовлетворения основных потребностей современного человека (даже в том виде, как их понимают международные гуманитарные организации), то большие производственные усилия приходится на обеспечение основной человеческой потребности — потребности в еде, то есть на производство, обработку, распределение и покупку продуктов питания.

Кстати, такой показатель, как высокий процент душевого дохода, затрачиваемого на питание, имманентен большинству развивающихся стран. Высокая цена этого критерия была свойственна даже СССР. Здесь определенные выводы можно сделать из сопоставления так называемого рационального потребительского бюджета, разработанного в 1960-е годы в качестве ориентира для социально-экономической политики, и расчетов реального потребления, сделанных советскими экономистами. Согласно этим оценкам, рациональное удовлетворение потребностей населения становилось возможным, если расходы на питание не превышали треть семейного бюджета. Фактические же расчеты показывали, что при минимальной материальной обеспеченности семьи из четырех человек (родители и двое детей) затраты на питание были равны 56 % всех потребительских расходов³.

7. Низкий уровень подушевого дохода подразумевает и малую развитость национальных рынков основных видов продукции, а также низкую степень их специализации.

8. Перед всеми развивающимися странами остро стоит проблема внутреннего накопления капитала; уровень его серьезно уступает аналогичному показателю развитых стран, что в свою очередь и объясняет зависимость экономик государств развивающейся зоны от внешнего финансирования.

9. Ввиду традиционной дешевизны рабочей силы (в сравнении с аналогичным показателем «северных» государств) во многих развивающихся странах наблюдается преобладание (или, по крайней мере, равномасштабность) производства трудоемкой продукции над продукцией капиталоемкой и энергоемкой. Это еще один показатель и критерий субразвитости как явления.

10. Уровень энергопотребления на душу населения также является четким индикатором степени промышленного развития страны⁴.

2.2. Ситуативные критерии «развитости резервного уровня»

Однако существуют и такие показатели, значения которых могут отражать уровень реального экономического развития страны только в определенных конкретных случаях. К их числу, как ни странно это может показаться, относятся уровень валового национального продукта (ВНП) на душу населения и национальный доход (НД) на душу населения. Представляется, что эти показатели не всегда точно отражают положение с развитием страны по следующим причинам.

Стоимость валового внутреннего продукта и национального дохода в различных странах выражается в собственных (национальных) денежных единицах, обладающих различной покупательной способностью как внутри страны, так и на международных рынках. Пересчет же этой стоимости в другую денежную единицу (например, в доллары США) также чреват неточностью и несогласованностью, поскольку всегда весьма трудно определить стандарт соотношения и калькуляционную базу. Тот же доллар США в стране-эмитенте обладает совсем иной покупательной способностью, нежели в любой стране развивающегося мира. При пересчете по официальному обменному курсу неточность практически гарантирована, поскольку в лучшем случае официальные обменные курсы строятся на базе учета соотношения цен товаров, поступающих на международные торговые рынки. А фактически официальные обменные курсы могут значи-

тельно отклоняться даже от этого показателя, поскольку стоимость той или иной валюты часто занижается или же завышается. Кроме того, официальный обменный курс не может точно отражать реальную стоимость товаров и услуг, не поступающих во внешнюю торговлю (например, стоимость жилья или бытовых услуг). Относительно таких товаров и услуг денежная единица может обладать совершенно иной покупательной способностью, нежели относительно аналогичных иностранных товаров⁵.

Ввиду вышеизложенного, при определении уровня развития страны рядом международных организаций производится дополнение таких показателей, как стоимость ВВП и НД, другими целевыми индикаторами, например таким, как индекс человеческого развития (ИЧР), который рассчитывается ООН с учетом валового продукта на душу населения, уровня грамотности и средней ожидаемой продолжительности жизни.

В качестве иллюстрации можно привести следующий пример. Некоторые ближневосточные нефтедобывающие страны обладают весьма высоким показателем НД на душу населения, однако, они продолжают считаться развивающимися странами. Это можно объяснить справедливостью для них такого показателя «субразвитости», как крайняя зависимость от одного «несущего столпа» национальной экономики в виде естественного ископаемого продукта — нефти. Такая монобазовая экономика, при всем ее сиюминутном благополучии, весьма уязвима и несбалансированна. Что будет с обладающей ею страной, если такой ресурс иссякнет или же на него резко упадет спрос и цены на мировом рынке? Кроме того, комплексный индикатор ИЧР, как показатель благополучия социальной среды, для подавляющего большинства подобных стран не является высоким ввиду ряда понятных причин⁶.

Зависимость экономики от одного или немногих видов ресурсов подразумевает и следующий показатель «субразвитости» — высокую зависимость от экспорта и результатов внешней торговли в целом. (Экстремальное экономическое значение импорта также представляет собой свидетельство «субразвитости»). Большинство развивающихся стран отличается высокой зависимостью от эффективности экспортных операций.

Помимо вышеприведенных, следует указать и ряд вспомогательных показателей «субразвитости». К ним, в частности, относятся:

- сравнительно низкий уровень развития инфраструктуры и сферы услуг;

- низкий по сравнению с западным уровень информационной обеспеченности экономики в целом и отдельных лиц в частности;
- низкое качество или же полное отсутствие «зеленых» технологий;
- наличие такой особенности экономики, при которой наблюдается не просто невосприимчивость к научно-техническим нововведениям, но их очевидное отторжение (имеет место в наименее развитых странах, точнее в странах, не обретших адекватной модели социально-экономического развития, в западной политологии их иногда обозначают как «несостоявшиеся государства»)⁷.

Специфическим показателем «субразвитости» является доля населения, проживающего в условиях абсолютной нищеты. К середине первого десятилетия XXI в., по данным К.П. Боришполец, наивысшая плотность беднейшего населения Земли приходилась на страны Африки южнее Сахары, где она составляла 48 %⁸.

В связи с вышеизложенным видится уместным привести утверждение российских исследователей С. Лунева и Г. Широкова о том, что деление мира на развитый «Север» и развивающийся «Юг» сохраняется и в современную эпоху и разрыв между этими двумя группами стран растет по общественно-формационной (посткапитализм — капитализм) и по экономической (постиндустриальный — индустриальный миры) линиям⁹.

* * *

Выше были приведены критерии «субразвитости», свойственные экономикам практически всех развивающихся стран. Сходство этих индикаторов для большинства стран мира, на наш взгляд, и является тем фактором, который на современном этапе преобразует пестрый массив государств в единую общность — «развивающийся мир».

Автор считает жизнеспособным сам термин «развивающийся мир» как дефиницию, отражающую реальное явление мировой жизни — синузию международных акторов, обладающих характеристиками, обуславливающими «вспомогательность» их роли на мировой политической арене и в международном разделении труда.

Охарактеризовав авторский подход к понятию и явлению «развивающийся мир», будет логично перейти к рассмотрению истории контактов КНР с этим субъектом международных отношений, что

поможет проследить логику эволюции Китая от страны «третьего мира» до авторитетного члена мирового сообщества, причем обладающего ярко выраженной спецификой.

Примечания

¹ Сафронова Е.И. Некоторые современные проблемы отношений «Север—Юг» и позиция КНР. С. 708.

² Подробнее эти критерии изложены в: Сафронова Е.И. Некоторые современные проблемы отношений... С. 708—712.

³ Красильщиков В.А. Развитие России и стран Латинской Америки: факторы сходства и различия // Мировая экономика и международные отношения. 2004. № 4. С. 73—81. URL: http://www.situation.ru/app/j_art_448.htm

⁴ Сафронова Е.И. Некоторые современные проблемы отношений «Север—Юг»... С. 708—710.

⁵ Более подробно см.: Elkan W. Introduction to Development Economics. Bungay: The Chaucer Press Ltd., 1978. P. 13—27.

⁶ Сафронова Е.И. Россия, Китай и «третий мир» на рубеже веков... С. 210.

⁷ Сафронова Е.И. Некоторые современные проблемы отношений «Север—Юг»... С. 711—712.

⁸ Боришполец К.П. Разрыв между Севером и Югом // Современные международные отношения и мировая политика / отв. ред. А.В. Торкунов. М.: Просвещение; МГИМО, 2004. С. 313.

⁹ См.: Свободная мысль. 2012. № 7—8. С. 187.

Глава III

КИТАЙ — РАЗВИВАЮЩИЕСЯ СТРАНЫ: ИСТОРИЯ И ЛОГИКА ДИАЛОГА (С 1950-х ГОДОВ ДО 2013 г.)

История контактов КНР с «третьим миром» (впоследствии именуемым «развивающимся миром», мировым «Югом») как субъектом международных отношений (МО) насчитывает уже более 65 лет.

Развивающиеся страны находятся в фокусе особого внимания китайского руководства с начала 1950-х годов (точнее, с Бандунгской конференции стран Азии и Африки в 1955 г.), когда Китай впервые заявил о себе как о стране, принадлежащей к «промежуточной зоне»¹, чуть позже вызревшей в «третий мир».

Истоки концепции «промежуточной зоны» берут свое начало еще в 1946 г., когда Мао Цзэдун в беседе с американской журналисткой А.Л. Стронг высказал мысль о том, что между социалистическим Советским Союзом и империалистическими США существует «промежуточная зона», а именно национально-освободительное движение Азии, Африки и Латинской Америки плюс капиталистические страны Запада, и пока США не подчинят себе «промежуточную зону», не быть и речи о нападении на СССР, к чему Соединенные Штаты все-таки готовятся².

Исходя из сказанного Мао Цзэдуном, можно заключить, что изначально глобальная «промежуточная зона» понималась китайским руководством как ареал столкновения социализма и капитализма, как полигон противостояния, а флагману мирового капитализма — США — по определению приписывались агрессивные намерения.

Действительно, сразу после войны именно США и СССР «правили бал» в международных делах, несомненно, играя ведущую роль в мировой жизни и находясь в поисках новых союзников в деле послевоенного переоформления карты влияния. И США, и СССР стремились к подключению потенциала «промежуточной зоны» к своим политическим усилиям, осознавая, что от международной позиции

«несверхдержав» зависела пусть не дислокация, но напряженность «нервных узлов» мирового организма.

Борьба за «промежуточную зону», то есть за приобретение новых союзников и территорий влияния — это нормальное явление мировой жизни, важное условие функционирования субъектов международных отношений. Мао Цзэдун справедливо усматривал агрессивность и сугубую антисоветскую направленность американской активности по этому вектору, которые, впрочем, можно легко объяснить.

Действительно, из войны США вышли не просто в звании державы-победительницы, но и укрепив свой экономический потенциал, натренированный на военном производстве и военных поставках в воюющую Европу.

В отличие от Советского Союза, США не пришлось жертвовать многим, и затраты на военные действия, как известно, были сбалансированы посредством удачной внутривластной политики того времени.

Ввиду этого, и в экономическом плане США после войны представляли собой крупнейшую мировую силу, оппонирующую Советскому Союзу. По некоторым признакам, Мао Цзэдун уже тогда принимал во внимание потенциальный рост оборонно-силовой активности СССР, но, пока будучи лояльным союзником последнего, не мог заявить открыто о своем понимании обоюдоострого характера американо-советского противостояния³:

3.1. Первые годы после образования КНР: становление отношений

В первые годы после провозглашения Китайской Народной Республики развитие отношений страны с «третьим миром» проходило для Китая под знаком тесного союзничества с СССР, и это непосредственным образом отразилось на тональности китайского внешнего курса.

Как известно, к руководству Китая во главе с Мао Цзэдуном пришли люди, еще не имевшие опыта управления государством, а только опыт партийного строительства и навыки ведения полупартизанской борьбы из «опорных баз»⁴. Представляется не только понятным, но даже и естественным первоначальный перенос указанного опыта на процесс руководства страной, а также, вследствие политико-эконо-

мической ориентации Китая на СССР, — приложение советских идеологических и хозяйственных моделей к китайской обстановке.

Копирование опыта ближайшего партнера при отсутствии своего собственного — не только логичное, но и неизбежное явление. Как свидетельствует мировая история, сходство внутренней политики стран-союзников почти всегда ведет к параллелизации их внешнего курса, что и наблюдалось между КНР и СССР в начале-середине 1950-х годов. Китай тогда проводил политику, направленную на установление дружественных дипломатических отношений со всеми странами, констатируя, однако, деструктивный характер американского империализма. Эта констатация, тем не менее, осуществлялась не шире установок, проводимых и пропагандируемых СССР.

Бандунгская (1955 г.) конференция стала первой попыткой Китая как заявить о своем стремлении к широкой консолидации стран «промежуточной зоны» против американского гегемонизма, так и внедрить себя в афро-азиатское единство.

По мнению авторитетного американского специалиста А.Д. Барнетта, с 1954 г. (видимо, им имелось в виду время подписания совместного индийско-китайского коммюнике, зафиксировавшего пять принципов мирного сосуществования «панча шила») «третий мир» стал основной составляющей китайской внешней политики⁵. Здесь следует отметить, что указанное коммюнике не только задекларировало «третьемирский» поворот Китая, но и явилось отражением представления о справедливом миропорядке двух крупнейших развивающихся стран⁶. Пожалуй, это единственный китайско-индийский документ такого согласия и «замаха», причем, не утративший своего значения до сих пор.

Можно высказывать различные точки зрения о том, с какого времени этот «мир» стал базовым направлением международных усилий Китая и стал ли им вообще, но то, что он привлек к себе пристальное внимание Пекина почти сразу после провозглашения КНР, представляется несомненным. Ибо именно тогда руководство страны впервые и вполне обоснованно идентифицировало Китай как экономически неразвитую страну с ограниченным политическим влиянием, иначе говоря, как игрока на мировой сцене явно не в амплуа (как впоследствии будет дефинировано) «сверхдержавы».

Так или иначе, но с середины 1950-х годов Китай начал внедрять в мировое политическое мышление идею о своем единстве с развивающимися странами и инициировал работу по формированию общей с ними позиции по важнейшим международным вопросам⁷.

3.2. Конец 1950-х годов — новые акценты внешнеполитического курса КНР

Ближе к концу 1950-х годов наблюдается изменение не столько стратегии, сколько тактики государственного строительства в КНР и сопутствующее смещение ее внешнего курса.

До сих пор в российской китаеведческой литературе существует мнение о том, что эти процессы имели внутреннее происхождение и практически не зависели от позиции Советского Союза. Во многом «отход Китая от курса братских социалистических стран во внешней политике» объясняется обострением шовинистических настроений в руководстве КНР того времени.

Думается, что традиционная, связанная со складывавшейся веками психологией и менталитетом китайской нации цель китайской дипломатии — утверждение международно признанного величия Китая — продолжала оставаться в арсенале политических установок руководства страны. Это вполне объяснимо и не подлежит осуждению, ибо какое потенциально великое государство не стремится к международному признанию?

Но почему именно к концу 1950-х годов стало возможным появление очевидного конфликта в отношениях между КНР и СССР?

Думается, что, как это ни парадоксально, одной из ключевых причин этого явился экономический рост КНР, достигнутый с помощью СССР. Китай почувствовал себя достаточно окрепшим для проведения самостоятельной линии во внешней политике. Иллюстрацией этому мнению может послужить тот факт, что к началу 1960-х гг. КНР раньше установленного срока осуществила окончательные платежи по долгу Советскому Союзу⁸.

Если рассматривать погашение внешней задолженности (тем более главному кредитору) как признак утраты внешнеэкономической зависимости, то можно сказать, что к началу 1960-гг. одна из важнейших целей любого самостоятельно мыслящего правительства любого государства — освобождение от иностранного экономического контроля — китайским руководством была достигнута⁹.

Как свидетельствует мировая история, в стране, вышедшей из экономического «пике», неизбежно наблюдается рост националистических настроений, тем более в стране, стремящейся вернуть себе статус государства мирового значения. Но основным, даже не причиной, а триггером китайско-советских разногласий представляется на-

растание к началу 1960-х годов внутренних экономических трудностей СССР и невозможность для него продолжать массированную помощь Китаю, тем более в условиях ее вынужденной перекоммутации на другие каналы (например, венгерскому и польскому руководству после событий 1956 г., в Северную Корею, Демократической Республике Вьетнам и др.)¹⁰.

Можно допустить, что китайское руководство, убеждаясь в истощении советского источника содействия¹¹, перестало усматривать смысл в лояльности Советскому Союзу, и испокон веков хранимые внешнеполитические установки Китая здесь-то и проявили себя.

С начала 1960-х годов КНР получила возможность руководствоваться в своей внешней политике не блоковыми, обусловленными союзничеством с СССР интересами, а собственными устремлениями. (Я не называю их «национальными интересами», так как под интересами этого порядка понимаю интересы именно нации, а не государства.)

Конечно, китайское руководство не могло не видеть стремления тогдашних советских властей к лидерству в различных сферах мировой жизни, в том числе и в международном коммунистическом движении и в достижении статуса главной опоры НОД пребывавших в (нео)колониальной зависимости стран.

Основным содержанием внешнеполитических усилий Советского Союза стало противодействие США, принимавшее военное оформление именно в зоне «третьего мира» (Корея, Вьетнам, Куба, затем Ангола, Мозамбик, Афганистан).

Естественно, автор не может считать СССР инициатором ухудшения советско-китайских отношений с конца 1950-х годов. Однако сворачивание диалога — это неизбежно дело обеих сторон, носящее взаимообусловленный характер¹².

Надо отметить, что уже с конца 1950-х годов внутри- и внешнеполитическая линия КНР претерпевала деформации. Первым сигналом искажений внутреннего курса явились антисоветские выступления «буржуазных правых элементов» 1957 г., недовольных не только линией КПК, коммунистическими идеями, лично Мао, но и ведущим положением социалистического государства — СССР — в китайско-советском диалоге.

Впоследствии руководство КНР осудило их как «экстремистские», но эти акции были вольно или невольно инспирированы самими китайскими властями: Мао Цзэдун в начале 1957 г., видимо, учитывая ход хрущевской «оттепели» после XX съезда КПСС, осудившего

культ И.В.Сталина (1956 г.), обратился к китайской интеллигенции, предлагая возможность для свободы мнений и критики. «Пусть расцветают сто цветов, пусть соперничают сто школ — таковым был лозунг этой кампании. Ее последствия оказались таковыми, что несколько месяцев спустя она была резко свернута, и результатом стали массовые гонения на интеллигенцию¹³.

В мае 1958 г. Вторая сессия VIII съезда КПК, созванная для нейтрализации влияния XX съезда КПСС на умонастроения в КПК, утвердила «новую генеральную линию», предложенную Мао Цзэдуном. Был провозглашен курс «трех красных знамен»: «большой скачок», «народная коммуна» и «новая генеральная линия», явивший собой первую попытку адаптации требований социалистического строительства (индустриализация и интенсификация экономики) к китайской специфике (форсированное развитие через ресурс коллективно-го энтузиазма масс).

3.3. 1960-е годы: развивающиеся страны как полигон китайских «антигегемонистских» усилий

Официальное переоформление внутреннего курса Китая выразилось в принятии X Пленумом ЦК КПК (сентябрь 1962 г.) доктрины «опоры на собственные силы», призванной способствовать мобилизации ресурсов на социалистическое строительство при отказе от «слепого копирования» зарубежного опыта. То есть, произошло отречение от курса на равнение на СССР, и было положено начало резкому ухудшению китайско-российских отношений. Далее это обстоятельство сыграло огромную роль и при определении внешнего курса КНР¹⁴.

В итоге после 1962 г. помощь извне (в первую очередь — советская) стала недоступна или гораздо менее эффективна, и традиционно прагматичному китайскому руководству приходилось действовать, исходя из собственных возможностей.

Доктрина «опоры на собственные силы» явилась продолжением курса «трех красных знамен» и кульминацией внутренних экономических поисков. Впоследствии она была несколько модифицирована для применения и в международных отношениях.

Начиная с 1962 г. «особый» международный курс КНР стал приобретать явные черты конфронтации и с политикой США, и СССР, причем «апробацию» он проходил в основном в зоне афро-азиатских стран.

Именно в контактах с этими государствами наиболее громко зазвучали «антигегемонистские» установки Пекина. Так, внешнеполитический курс СССР подвергся открытой критике на конференциях солидарности народов Азии и Африки, впоследствии и Латинской Америки, во время двусторонних встреч китайских руководителей с представителями освободившихся стран.

Как антиамериканская, так и антисоветская внешнеполитическая линия КНР вызывала настороженность у молодых государств именно ввиду их продолжающейся или формирующейся ориентации на тот или иной мировой «центр силы» (СССР или США). КНР же еще не представляла собой средоточия возможностей, достаточных для противовеса СССР и США, поэтому многие из тогдашних апелляций КНР к «третьему миру» не получили ошутимого резонанса.

Задействованность Китая в пограничном конфликте с крупнейшей освободившейся страной — Индией также не прибавляла доверия к КНР в зоне молодых государств.

Отказ Китая присоединиться к Договору о запрещении ядерных испытаний в трех средах, подписанному 5 августа 1963 г. 80 государствами мира, и резкая критика Китаем этого документа не способствовала формированию положительной обстановки вокруг Договора, несмотря на то, что позиция КНР по нему находила понимание в целом ряде освободившихся стран. Китай мотивировал свой подход к документу тем, что полагает неблагоприятным отказ от ядерных испытаний и исследований в то время, когда СССР и США наращивают ядерный потенциал, угрожающий миру.

Можно сказать, что в плане ядерной безопасности КНР именно тогда предприняла попытку представить себя как защитника интересов стран, не имеющих или не способных развивать атомную энергетику многоцелевого назначения.

Понятно, что в начале 1960-х годов для КНР на официальном уровне складывалась недостаточно благоприятная обстановка для результативного политико-экономического внедрения в «третий мир». С целью корректировки ситуации премьером Госсовета Чжоу Эньлаем в конце 1963 — начале 1964 г. была предпринята официальная поездка по 13 странам Азии и Африки, а также в Албанию.

Именно с этого времени Китай инициировал активную пропаганду тезиса «опоры на собственные силы» применительно к странам, освободившимся от колониальной зависимости, при оговорке, что они не будут отказываться от полезного международного сотрудничества.

Во время визита Чжоу Эньлай проводил мысль об особенностях развития стран Азии и Африки, об общности их исторических судеб с Китаем, а также о противоречии «богатых» и «бедных» стран¹⁵.

Китайский лидер пропагандировал лозунг «опоры на собственные силы» в экономическом развитии «бедных» стран, который получил отражение во всех десяти совместных коммюнике, опубликованных по результатам визитов Чжоу в Африку¹⁶.

Премьер Госсовета КНР акцентировал внимание как на стремлении «могущественных и великих держав» к «помыканию» «малыми и слабыми странами», так и на бескорыстности помощи Китая — равного, «бедного» друга¹⁷.

По-видимому, указанный визит Чжоу Эньлая, не принеся важных немедленных результатов, дал значительный импульс для вызревания теоретической базы внедрения Китая в развивающийся мир. Время подтвердило, что традиционная установка китайской дипломатии — работа на далекую перспективу — была реализована и в данном случае¹⁸.

Итак, именно в 1963 г. получила начало концепция «коллективной опоры на собственные силы» развивающихся стран, которая, претерпев за 20 последующих лет периоды и забвения, и завышенных ожиданий, была официально принята ими на вооружение в адаптированной форме «коллективного самообеспечения» (в 1982 г., на консультативной встрече представителей неприсоединившихся стран в Дели). Под «коллективным самообеспечением» подразумевалось развитие регионального, прежде всего торгового сотрудничества на двух- и многосторонней основе, увеличение сферы влияния и масштабов экономических объединений развивающихся стран вплоть до создания «особого экономического и политического сообщества государств «третьего мира»¹⁹.

Документальное обоснование «опоры на собственные силы» в ее международном исполнении было представлено в статьях официального печатного органа КПК «Жэньминь жибао» в начале и середине 1964 г.

Так, китайской прессой указывалось, что ввиду положения, когда в мире существуют «богатые и бедные нации», взаимопомощь между «бедными друзьями» имеет особое значение²⁰. В мае этой же газетой были опубликованы «8 принципов» оказания экономической помощи странам Азии и Африки и «4 основных условия», характеризующих и мотивирующих эволюцию экономических отношений КНР с указанной группой государств²¹. Подчеркивалось, что Китай

и страны Азии и Африки имеют много общего и в плане их прошлого исторического опыта, и в аспекте современного состояния дел в экономике.

На начало 1964 г. приходится и подтверждение в обновленном виде концепции о «промежуточной зоне». В передовой статье «Жэньминь жибао» «Все мировые силы, противостоящие американскому империализму, объединяйтесь!» указывалось, что мир делится на две зоны: первая зона — это развивающиеся страны Азии, Африки и Латинской Америки, вторая — капиталистические государства Западной Европы и еще где-либо, кроме США. В статье подчеркивалось, что страны этих двух зон имеют интересы, отличные от интересов сверхдержав и проводилась мысль о том, что Китай может быть наилучшим союзником развивающихся стран в реализации их интересов²².

Итожа сказанное выше, следует отметить, что именно на 1964 г. с развернутым толкованием тезиса о «промежуточной зоне» и инициацией концепции «коллективной опоры на собственные силы» приходится расширительное толкование Китаем круга сил, противостоящих развивающимся государствам, а также и первое упоминание о самоидентификации КНР как естественного союзника последних²³.

* * *

Драма всего послевоенного развивающегося мира — это поиск адекватной модели развития. С первых лет своего существования КНР вступила на путь практической реализации социально-экономической модели, избранной для нее.

Здесь следует отметить, что неудачи советской модели на китайской почве вполне объяснимы и что в случае заинтересованности они уже тогда вполне могли быть предсказаны. Главной их причиной представляется неучет китайской специфики при построении социалистической формации на почве КНР, в частности, очевидное недоразвитие производственных сил для требований тех производственных отношений, которые предполагаются в соответствующей социально-экономической формации.

Тогда советская социалистическая модель не отвечала реалиям сложившегося к началу 1950-х годов китайского общества, скорее, требовавшего естественного созревания на капиталистически ориентированном пути и преодоления феодальных порядков, уже начавших тормозить социально-экономическое развитие.

При сокращении советского материально-хозяйственного содействия противоречие между еще незрелой в экономическом отношении китайской действительностью и требованиями социального строительства быстро и резко обострилось, и это повлекло за собой разлад внутренней политической и экономической ситуации, отразившийся и на внешнем «фронте».

Последовавшие в КНР с середины 1960-х годов события еще раз свидетельствуют о том, что при органичном вызревании внутренних предпосылок для перехода на более высокую ступень социально-экономического развития закрепление общества на новых прогрессивных рубежах вполне возможно. Если же внутренних предпосылок нет, то остается уповать на массивированное внешнее содействие (вспомним марксистско-ленинскую политэкономю).

И при истощении возможностей или намерений страны — социально-экономического донора — происходит или откат государства-реципиента на старые естественные позиции, или переход к периоду крайне напряженного и конфликтного развития вплоть до обретения новой, адекватной общественно-экономической модели.

К середине 1960-х годов ввиду утраты советского партнерства и неотлаженности связей по другим направлениям, перед КНР особо остро встала проблема поиска внешних союзников.

Осенью 1965 г. в китайской прессе была опубликована статья Линь Бяо «Да здравствует победа народной войны!»²⁴, по сути дела явившаяся предвестником и теоретическим обоснованием надвигающихся событий как внутри КНР, так и в сфере ее международных контактов. В статье излагались взгляды китайского руководства на расстановку мировых сил и на метод ведения революционных преобразований. Текущее положение в «мировой революции» характеризовалась как обстановка «окружения города деревней».

Статья содержала призывы к «мировой деревне» (менее развитым, в прошлом колониальным странам) объединиться против «мирового города» (империалистических государств, к числу которых уже был отнесен и СССР) и путем «народной войны» довести «мировую революцию» до победы. Статья называла вооруженную борьбу «высшей», единственно эффективной «формой революции»²⁵.

Позже, в августе 1966 г., XI пленум ЦК КПК объявил статью Линь Бяо программным документом. Понятно, что статья исходила из требований текущей обстановки в том ее понимании, которое было присуще китайскому руководству. Руководители КНР уже тогда

увидели слагавшийся полюс реальных противоречий по линии, получившей спустя несколько лет деидеологизированное, универсальное определение как «мировой Север — мировой Юг». Они усмотрели место Китая в ряду менее развитых, подчиненных, но не смирившихся представителей «мировой деревни» — впоследствии названных странами мирового «Юга».

Можно сказать, что, несмотря на марксистскую подоплеку взглядов Мао Цзэдуна на историю, китайское руководство по сути дела уже тогда отвело роль «основного противоречия эпохи» не «противоречию между капитализмом и социализмом», но базовому экономическому противоречию между менее и более развитыми субъектами МО, между более и менее сильными страновыми капиталами. С позиций сегодняшнего дня такой взгляд на мировые события представляется даже естественным и заставляет глубже задуматься о роли стратагемности в построении политических курсов²⁶.

Выдвижение теории «народной войны» объясняется также и стремлением руководства КНР не просто найти международных союзников, но создать их организованное единство, сцементированное общими целями в противостоянии общим врагам.

Значение указанной статьи Линь Бяо заключается и в том, что она ознаменовала собой вхождение КНР в новый этап своей истории, названный «культурной революцией».

С началом экспериментов по линии «народных коммун» и «большого скачка» народное хозяйство Китая вступило в неблагоприятную полосу развития. Спад производства, хотя и скрываемый официальными источниками, все более давал о себе знать в реальной жизни. Прекращение советских материальных «инъекций» и очевидная неудача экономически невыверенных экспериментов неизбежно должны были побудить китайское руководство искать новые возможности для хозяйственного роста. Имевшийся экономический потенциал был уже полностью задействован. Оставалось только найти новые способы его эксплуатации.

Поскольку тогда китайское руководство в силу особенностей своего генезиса не обладало научно обоснованными навыками экономического строительства, единственными доступными ему средствами стимуляции общественной жизни оказались методы политического или/и идеологического воздействия, ибо опыт партийного строительства уже имелся.

Поощрение революционного энтузиазма масс, мобилизация общества на борьбу с внутренними врагами, видимо, представлялось то-

гдашнему руководству КНР единственно возможными средствами внутреннего развития.

Политическая кампания, сопровождавшая «культурную революцию», и имела целью мобилизацию общества на решение внутренних проблем. Кроме того, интересы экономического развития требовали массированного привлечения дешевой рабочей силы. Направляемые на «перевоспитание» и формировали ее потоки. (Здесь парадоксальным образом «сработал» советский опыт, и это при том, что отказ от подражания коему был декларирован X Пленумом ЦК КПК в сентябре 1962 г. Как известно, при индустриализации СССР широко использовалась бесплатная сила «врагов народа»).

Конечно, требовали разрешения и внутрипартийные противоречия в руководстве КНР. Его реалистически настроенные члены, по-видимому, были склонны усматривать рычаги развития страны не в идеологическом, но экономически обоснованном курсе. В руководящей страте КНР революционные взгляды вступили в противоречие с прагматическими установками. Единственно доступной и понятной формой разрешения сложившихся противоречий оказалась форма открытого, идеологически фундированного конфликта. Посему пропаганда в статье Линь Бяо вооруженной борьбы как основного метода преобразований становится вполне объяснимой. Кроме того, «буржуазная», критически настроенная к Мао интеллигенция, выявленная в ходе кампании 1957 г., также не должна была остаться бесконтрольной.

Форма осуществления «культурной революции» несмотря на ее внешнюю фантазмагоричность, на наш взгляд, вполне соответствовала задачам, поставленный перед собой группой в китайском руководстве, возглавляемой Мао Цзэдуном.

Открытая политическая кампания и репрессии против внутрипартийных оппозиционеров позволили быстро подавить разногласия в верхах. Кроме того, экономика Китая к середине 1960-х гг. была в том состоянии, когда дальнейший ее подъем стал бы возможен только при массовой безвозмездной мобилизации трудовых ресурсов, что и было осуществлено путем привлечения на работы репрессированных и «перевоспитуемых».

Будучи направленной, помимо вышеуказанного, на стимуляцию энтузиазма масс, «культурная революция», видимо, была призвана проиллюстрировать положения концепции Мао о «непрерывной революции» (явившейся развитием на китайской почве воззрений о «перманентной революции» других марксистских теоретиков), необ-

ходимость которой вызывается риском постоянного возрождения эксплуататорских и контрреволюционных элементов в процессе социалистического строительства. Положения этой концепции получили форму теоретического оправдания событий «культурной революции», начавшейся в 1966 г.²⁷

Особенности внутренней обстановки в Китае периода «культурной революции» неизбежно экстраполировались на внешнеполитическую линию КНР.

Методы «народной войны» нашли свое воплощение в международной практике Китая: на 1960-е гг. приходится та его специфическая активность, которая была квалифицирована в мировом общественном мнении, а позже — и самими китайскими руководителями как «экспорт революции». (Имеется в виду моральная и материальная поддержка промаоистских повстанческих группировок в Юго-Восточной Азии, Латинской Америке и Африке. Эта линия в китайском исполнении получила название «хунвэйбиновской дипломатии», характеризующейся отказом от учета внутренних особенностей стран-партнеров, не готовых к «революционным» преобразованиям, игнорированием норм международного права и дипломатического этикета).

Однако декларации Пекина по поводу передовой роли развивающихся стран в мировых делах получили отклик в молодых государствах. Об этом свидетельствует созвучие концепции тогдашнего президента Индонезии Сукарно (годы правления — 1945—1967) о противостоянии на мировой арене «новых нарождающихся сил и старых устоявшихся сил» (New Emerging Forces and Old Established Forces) и китайской теории «промежуточной зоны» с ее тезисом о противостоянии «мировой деревни» «мировому городу». Видимо, концептуально-идеологическая близость руководства двух стран явилась одним из факторов, приведших к индонезийским событиям 1965 г.

Как можно логически объяснить «экспорт революции», подчас принимавший форму вмешательства во внутренние дела иных государств?

В 1960-х годах китайское государство (имеется в виду не нация, а правящая надстройка с присущими ей институтами и структурами) представляло собой в плане международных отношений молодой режим, до тех пор не имевший аналогов в истории.

Любой молодой режим, тем более беспрецедентный в мировом опыте, неизбежно обречен на поиски внешнего признания и даже

простого самовыражения как явления бытия. Причем, будучи неискушенным в общепринятых политических методах межгосударственного общения, такой режим переносит в международную жизнь те свои умения и навыки, коими он уже обладает к моменту выхода на дипломатическую арену.

В случае китайского руководства начала 1960-х годов, методы и средства ведения полупартизанских акций из «опорных баз», опыт которых лидеры КНР нарабатывали с конца 1930-х годов, были вынесены вовне и обрели форму «экспорта революции». Можно сказать, что внешнеполитическая прямолинейность — это или признак молодости и незрелости режима-носителя, или же признак иной крайности — вседозволенности некоторых субъектов МО ввиду «перебора» ими международного влияния (в настоящее время — США)²⁸.

Тогда вмешательство во внутренние дела развивающихся государств, по сути, явилось первой не декларативной, а практической попыткой КНР утвердить себя в качестве лидера развивающихся стран в «борьбе против мирового гегемонизма и эксплуатации».

Давая оценку масштабам «экспорту революции», следует отметить, что в тот период КНР переживала немалые экономические трудности. Посему в абсолютном выражении материальная помощь зарубежным последователям теории «народной войны» не могла быть весомой настолько, чтобы говорить о полной «маоизации» международного национально-освободительного процесса²⁹. Тем более, что «хунвэйбиновская дипломатия» в основном велась по каналам «народной» — неофициальной, «теневой» дипломатии. Однако моральная поддержка «революционным силам» за рубежом Пекином выражалась обильно и настойчиво.

Надо отметить, что пока КНР следовала общепринятым методам дипломатической работы, она достигала заметных успехов в отношениях с освободившимися государствами.

Вышеупомянутая поездка Чжоу Эньлая, а также последовательная декларация Китаем его поддержки антиколониальной борьбы, достигнутые им за 1950-е годы успехи государственного строительства способствовали тому, что к 1965 г. КНР установила официальные отношения уже с 18 африканскими государствами и рядом азиатских стран (Афганистаном, Бирмой, Монголией, Непалом, Пакистаном), с которыми были разрешены старые пограничные вопросы и подписаны договоры о границе³⁰. (Однако в Латинской Америке дипломатических успехов еще не было, кроме установления официальных отношений с Кубой в 1960 г.)

Понятно, что события «культурной революции» неблагоприятно закрепились на официальных отношениях КНР с развивающимися государствами. Например, к 1968 г. резко возросло число африканских стран, голосовавших против резолюции о восстановлении членства материкового Китая в ООН (в 1965 г. — 9 стран, в 1967 г. — 19, в 1968 г. — 20)³¹. Это был довольно ощутимый неуспех Пекина, ибо государства Африки составляли и составляют весьма представительную по численности группу в ООН.

Правительства многих стран принимали меры по защите себя от деятельности промаоистских групп, закрываясь от официального общения с Пекином. Несколько африканских стран в 1960-х годах даже приостановили свои дипотношения с КНР.

Однако контрпродуктивность «хунвэйбиновской дипломатии» довольно быстро была учтена Пекином: с середины 1960-х годов помощь промаоистским формированиям за рубежом более не расширялась, нося скорее «ритуальный» характер.

Позже — в первой половине 1970-х годов ответственность за курс на «экспорт революции» была возложена китайским руководством на «ультралевую внутрипартийную группировку», отказавшуюся от «духа Бандунга»³².

Период «культурной революции» — это действительно период внешней изоляции КНР и не только в силу деструктивности этого курса, но и ввиду крайней сосредоточенности Китая на внутренних проблемах. В итоге, вторая половина 1960-х годов прошла под знаком падения внешнеполитической активности Поднебесной.

Но ни одна страна не может выдержать длительного периода изоляции без ущерба для своего политико-экономического статуса. И чем крупнее государство, тем более оно склонно к внешнему самовыражению.

3.4. Конец 1960-х — начало 1970-х годов: «особый курс» КНР, «третий мир» и проблематика «Север—Юг»

В этот период китайским руководством возобновляются поиски рычагов влияния на международной арене, продиктованные в основном интересами стабилизации экономики за счет внешнего содействия (внутренние возможности оказались практически исчерпанными).

ми). С новой остротой встает вопрос о союзниках, способных составить благоприятный внешний фон для реализации внутренних задач.

При сохранявшемся предубеждении против стран «мирового города» (здесь опять-таки сказывалось влияние личностного фактора) «мировая деревня» вновь становится объектом политико-экономического внимания КНР.

Однако метод работы с «мировой деревней» претерпел изменения: он сместился в плоскость агитации, пропаганды и новых концептуальных и практических изысканий. Главным врагом были объявлены уже не контрреволюционные, эксплуататорские силы, угнетающие трудовой класс внутри той или иной страны, но два государства — СССР и США.

Так, в результате IX съезда КПК (апрель 1969 г.) Пекин усмотрел объединяющий мотив для развивающегося мира именно в борьбе против двух «сверхдержав». Пламень революционной риторики получил глобальный запал.

После IX съезда КПК курс в отношении РМ китайским руководством был изменен. Это можно объяснить обстоятельствами, связанными с предыдущими неудачами внешнеполитической и внешнеэкономическими линиями Китая:

во-первых, весьма непростым состоянием китайской экономики после «культурной революции», во-вторых, международной изоляцией КНР, вызванной попытками внедрить в практику МО воинственные методы «хунвэйбиновской дипломатии», в-третьих — поддержкой раскольнических групп и движений в развивающемся мире.

Прокламированная КНР политика в отношении развивающихся стран после IX съезда была направлена на «восстановление и расширение» доверия стран РМ к Китаю как к самостоятельной» силе, не зависимой от «двух сверхдержав»³³.

IX съезда выработал концепцию объединения «малых» и «средних» стран, т. е. создания особого «антигегемонистского фронта». Здесь надо сказать, что вопрос о времени изначального введения теории «трех миров» (ТТМ) в китайских политологический оборот остается открытым. Некоторые исследователи полагают, что она получила начало в КНР именно в 1960-х годах, а далее просто подвергалась трансформации³⁴.

Так или иначе, но еще до 1974 г. (официального провозглашения ТТМ) в своих выступлениях в зарубежной прессе, а главное — на X съезде КПК в августе 1973 г. Чжоу Эньлай высказал мысль о том, что нарастает борьба между бедными и развивающимися странами

«третьего мира» и двумя «сверхдержавами». И это, по его мнению, и являлось основной чертой международной политики³⁵.

Изложением нового курса в отношении РМ можно считать интервью Чжоу Эньлая перуанскому журналу *Oiga* от 1—2 мая 1971 г. и мексиканской газете *Excelsior* от 5 сентября 1971 г.³⁶

Судя по словам китайского премьера, концептуальной базой взаимоотношений КНР со странами РМ были призваны служить «пять принципов мирного сосуществования», а также лозунг единства «третьего мира» перед лицом угрозы со стороны «двух сверхдержав». Китайская сторона признавала за развивающимися странами право самим решать свои проблемы, открыто согласившись, что «экспорт революции» невозможен и исторически неоправдан, ибо необходимо учитывать конкретные условия развития «революционного процесса» в каждой стране. При этом Чжоу Эньлай подчеркнул, что сам Китай «никогда не станет сверхдержавой»³⁷.

Надо отметить, что очень многие страны Африки и Латинской Америки еще во время Бандунгской конференции 1955 г. без возражения приняли тезис о принадлежности КНР «третьему миру». Эта их позиция подтвердилась и в начале 1970-х годов, когда китайская внешнеполитическая пропаганда приступила к активному муссированию указанного тезиса. Так, например, в китайско-мексиканском коммюнике от 24.04.1973 г. по случаю окончания официального визита тогдашнего президента Мексики Х. Эчеверриа Альвареса в Китай, а также в материалах по визиту супруги президента Аргентины И.М. де Перон в КНР в октябре 1973 г. было отмечено совпадение взглядов сторон о наличии у Мексики и Аргентины общих с КНР черт развития и национальных интересов, а также о необходимости противостояния «общим врагам»³⁸.

Тем не менее, красноречие Пекина, адресованное развивающемуся миру, не помешало ему в 1972 г. предпринять активные усилия по налаживанию связей с США. И это обернулось для Китая новыми выгодами и в «третьем мире»: во многом потепление отношений с Соединенными Штатами стало «отмашкой» для стран, ориентированных на Вашингтон, к установлению в 1970-х годах официальных контактов с КНР. Данное обстоятельство еще раз побуждает задуматься о полезности «многовекторности» внешней политики как таковой.

Китай, воспользовавшись моментом, предпринял успешные шаги по расширению своего дипломатического присутствия по всему миру. (На 1970-е годы приходится активное признание КНР со стороны ла-

тиноамериканских стран. В 1974 г. целая группа латиноамериканских и карибских государств проголосовала за прием КНР в ООН и исключение из нее Тайваня, что стало толчком к дипломатическому признанию Пекина в регионе³⁹.)

В итоге, по выходе КНР в первой половине 1970-х годов из самоизоляции, перед страной с новой остротой встала проблема определения ее места в мире, идентификации себя как части мирового сообщества, а также проблема подведения идейно-концептуальной основы под процесс поиска международных союзников.

Декларацией результата этих поисков явилась знаковая речь Дэн Сяопина на специальной сессии ГА ООН 10 апреля 1974 г. Несмотря на терминологию, внешне совпадающую со введенной западным леворадикальным социологом А. Сови понятийной базой, концептуальная установка КНР не могла не иметь свою специфику.

Итак, по словам Дэн Сяопина, «...мир состоит из трех частей или трех миров, которые взаимосвязаны, но одновременно находятся в противоречии между собой. США и Советский Союз составляют первый мир. Развивающиеся страны в Азии, Африке, Латинской Америке и в других регионах составляют третий мир. Развитые страны, находящиеся между ними (занимающие промежуточное положение) — второй мир»⁴⁰.

Определения всех трех «миров», данные Дэн Сяопином, на наш взгляд, не лишены исторической логичности, тем более, если учесть, что его речь выразила взгляд Пекина на линию основного мирового противоречия, усмотренную по вектору противостояния мирового сообщества «сверхдержавам», ведущим схватку за гегемонию в мире.

Действительно, по положению на начало 1970-х годов, СССР и США находились на пике «холодной войны» и достижение ими военного паритета ставило новые акценты в схеме их соперничества. «Второй мир» был идеологически (а страны Восточной Европы к тому же и экономически) сориентирован по полюсам этого противоборства. «Третий мир» оказался, как свидетельствует «нефтяной кризис» 1973 г., более озабочен своим хозяйственным положением, что и дало ему стимул выступить единым фронтом против развитых государств.

Перегруженность Китая после культурной революции собственными экономическими проблемами и возведение им в принцип идеологических противоречий с развитыми странами (будь то страны капиталистические, либо социалистические) — вот те основные факторы, которые определили к середине 1970-х годов позицию КНР относительно (и в составе) государств «третьего мира»⁴¹.

Обобщающая категория «третий мир», уже вошедшая в оборот мировой политологии и журналистики, в 1974 г. была понята на шит китайским руководством в ее резко идеологизированной интерпретации.

Критерием членства в «третьем мире» в глазах Пекина стала принадлежность субъекта МО к числу тех государств, экономическое отставание которых было обусловлено политически — навязанной им подчиненностью и зависимостью от более сильных стран⁴².

Ниша была найдена и занята. С 1974 г. начался новый этап обустройства Китаем этой ниши и доведения ее до большей политико-экономической комфортности.

1970-е годы стали знаковыми и в аспекте международной проблематики по линиям «Север—Юг» и «Юг—Юг».

Изначально — в 1960-е годы — помощь по линии «Север—Юг» оказывалась бывшими метрополиями их бывшим колониям. Она носила сугубо добровольный и посему — патерналистский, менторский и «связанный» характер. В силу этого, страны «Юга», пытаясь оградиться от вмешательства доноров в свою внутреннюю жизнь, а также повысить эффективность «Северной» помощи, предприняли шаги по продвижению концепции «права на развитие» и обеспечению для себя более справедливых условий в международной торговле⁴³.

Это может показаться парадоксальным, но инициаторами этого движения в начале 1970-х годов стали не самые «нуждающиеся» страны, а латиноамериканские государства, имевшие для этого силы и определенный дипломатический опыт, будучи наиболее «продвинутой» частью развивающегося мира.

В итоге, VI специальная сессия Генеральной Ассамблеи ООН 1 мая 1974 г. резолюциями 3201,3201 (S-VI) без голосования приняла Декларацию об установлении нового международного экономического порядка (НМЭП), Программу действий по установлению нового международного экономического порядка, Хартию экономических прав и обязанностей государств.

На протяжении более 20 лет после VI спецсессии ГА ООН Пекин настойчиво подтверждал свою позицию о необходимости установления НМЭП. Министр иностранных дел КНР Тан Цзясюань в январе 1999 г. особо подчеркивал неизменное стремление КНР к тому, чтобы совместными с развивающимся миром усилиями «защитить законные интересы развивающихся стран и установить новый, справедливый, разумный международный политический и экономический порядок»⁴⁴.

По мнению Китая, существовало два реальных средства для достижения названной цели. Это — «коллективная опора развивающихся стран на собственные силы» (или, иными словами, «коллективное самообеспечение» и «сотрудничество Юг—Юг») и диалог «Север—Юг», задача которого состоит в том, чтобы добиться от развитых стран выполнения требований развивающихся государств как по оказанию экономической помощи последним, так и по либерализации торговых и иных мирохозяйственных связей в пользу государств «Юга»⁴⁵.

Начиная с середины 1970-х годов Китай по-разному оценивал значимость этих двух средств для достижения НМЭП. До 1980-х годов он полагал, что наиболее эффективным является «коллективная опора на собственные силы», но с начала и до середины 1980-х годов он уже отдавал предпочтение конструктивизации диалога «Север—Юг»⁴⁶.

Однако это не оправдало себя, ибо вскоре стала очевидной недостаточная продуктивность переговоров «Север—Юг». Помощь иностранных государств, а также по линиям международных организаций и структур не решила проблемы экономического отставания. Еще на Делийской сессии ЮНКТАД (Конференции ООН по торговле и развитию) в 1971 г. развитым странам было предложено отчислять 1 % их национального дохода на помощь странам «третьего мира». Этого, за редким исключением, не сделал никто. А на сессии ЮНКТАД в 1972 г. в Сантьяго-де-Чили была поставлена цель по достижению развивающимися странами 6-процентного экономического роста в течение 1970-х годов. Но и это достигнуто не было. В 1970-е годы уровень жизни 3 млрд человек, населяющих страны «Юга», в лучшую сторону если и изменился, то крайне незначительно⁴⁷.

(В конце 1980-х годов, с ростом возможностей самого Китая по извлечению пользы из сотрудничества «Юг—Юг», линия на «коллективное самообеспечение» получила новое дыхание.)

К концу 1970-х годов картина отношений Китая с РМ стала меняться по мере трансформации внутреннего курса КНР.

Если до этого главной задачей являлось утверждение политико-идеологического влияния, позже — восстановления доверия к Пекину в зоне освободившихся государств (конец 1960-х — начало 1970-х годов), то теперь все усилия были переброшены на налаживание взаимовыгодного и экономически фундированного сотрудничества с ними. Ресурсы развивающегося мира, подобно возможностям «глобального Севера» в рамках политики «внешнеэкономической от-

крытости», стали расцениваться КНР в качестве средств, содействующих ее ускоренному хозяйственному росту.

В политической сфере Пекин начал линию на постепенную унификацию позиций КНР и основного массива развивающихся государств по целому ряду международных вопросов (главным образом, имеющих экономическую подоплеку), в том числе, об установлении нового мирового экономического и политического порядка, механизмами достижения которого были призваны служить расширение сотрудничества «Юг—Юг», а также повышение эффективности диалога «Север—Юг»⁴⁸.

Несмотря на определенные издержки первоначальных подходов КНР к «третьему миру», взятый Пекином курс на сближение с ним всегда носил целенаправленный, непрерывный характер. Даже потепление отношений КНР с ведущими странами Запада в конце 1970-х — начале 1980-х годов не отвлекло внимания Пекина от развивающегося мира (на этот период приходится, как уже говорилось, установление дипломатических отношений Китая со многими странами Африки и Латинской Америки).

3.5. Конец 1970-х — начало 1990-х годов: китайская политика «открытости» и развивающийся мир

Новый этап отношений с развивающимися странами наступил с началом в Китае политики реформ и открытости (декабрь 1979 г.).

К середине 1980-х годов рядом развивающихся стран был укреплен суверенитет над национальными природными ресурсами (арабский Восток, Латинская Америка), удалось ослабить остроту долговой проблемы путем утверждения принципа дифференцированного подхода к реструктуризации и регулированию внешней задолженности в зависимости от размера подушевого ВВП той или иной страны.

Однако представляется, что эти успехи были достигнуты не столько благодаря сплоченности стран в деле установления НМЭП и многочисленным декларациям заинтересованных субъектов МО, сколько благодаря объективной конъюнктуре мировой хозяйственной жизни, предполагавшей необходимость компромиссов между «Севером» — глобальным инвестором и потребителем сырья производственной значимости и «Югом» — мировым держателем природных ресурсов. (Нельзя отрицать успех стран ОПЕК путем «нефтяного эмбарго» 1973 года улучшить свои не столько экономические, сколько

ко политические переговорные позиции с государствами-импортерами. Но и в этом кризисе «Север» не потерял многого: он сумел с прибытком отыграть потери путем манипуляций с ценами на свою готовую продукцию и расширением закупок у других нефтеносных стран — не членов ОПЕК. В итоге, спустя 5 месяцев «нефтяное эмбарго» было снято.)

Впоследствии ускорение экономической дифференциации внутри группы развивающихся государств, выделение из их массива новых индустриальных стран, способных самостоятельно решать свои мирохозяйственные проблемы, — вот основные причины приглушения пафоса движения за НМЭП в конце 1990-х гг.

Как таковое, движение за НМЭП к началу XXI в. практически ушло в тень или перешло в более общую декларацию о необходимости установления «нового мирового порядка» без его градации по отраслевым векторам. Однако сама проблема «Север—Юг» «успешно» перешла в последующие десятилетия, как и ее обсуждение в мировой политике и политологии⁴⁹.

1980-е годы ознаменовались отходом Пекина от идеологизированной трактовки сопряженных с развивающимися странами явлений и событий. Свидетельством этому служит обнародование в октябре 1984 г. Дэн Сяопином новой концепции — теории «мира и развития».

Китайский лидер заявил, что двумя наиболее крупными стратегическими проблемами современности, носящими глобальный характер, являются «проблема мира и экономическая проблема»⁵⁰. Таким образом, главное внимание было перенесено с идеологических и военно-стратегических на политико-экономические аспекты международных отношений. В самом общем смысле эта концепция может послужить выразителем сути всех последующих теоретических построений КНР вплоть до настоящего момента.

В самом конце 1980-х годов наступило время, когда после спада политико-идеологического противостояния Востока и Запада и завершения «холодной войны» вопросы отношений «Север—Юг» выдвинулись на одну из передних линий международной повестки.

До начала 1990-х годов отличительной чертой отношений «Восток—Запад» являлась их мировоззренческая составляющая, и именно в чреве этих отношений крылся источник всеобщей идеологизации международной жизни.

С распадом СССР идеологическая доминанта утратила злободневность, но проблематика по линии «Восток-Запад» не исчерпала

себя, а переместилась в план экономических противоречий, приняв форму откровенной, не прикрытой мировоззренческим флером конкуренции за международное влияние.

3.6. 1990-е годы — «доводка» старых концепций и появление новых

Распад СССР в 1991 г. ослабил коллективные и индивидуальные позиции многих развивающихся государств. Так, левое крыло Движения неприсоединившихся стран лишилось не только моральной, но и материальной поддержки мощного союзника. Дезинтеграция некогда могущественной державы и политико-экономический кризис, охвативший не только ее саму, но и многие сопредельные страны, усугубили положение государств так называемой социалистической ориентации и некапиталистического пути развития, избравших своим образцом модель, предложенную СССР.

После распада советского блока многие из этих стран, дотируемых СССР за приверженность нужному ему курсу, лишились ориентиров и внушительной доли финансирования. А ведь оно поступало не только из стран социалистического сообщества, но и от государств капиталистического лагеря, которые в одночасье утратили резон «перетягивать» на свою сторону союзников блока-конкурента.

Лишившись внешней финансовой и военно-технической подпитки, «искусственные» режимы в «третьем мире» также потеряли возможности и рычаги контроля над внутренней обстановкой своих стран. В итоге во множестве этих государств произошли военные перевороты, разгорелись межэтнические, межконфессиональные и социально-политические конфликты⁵¹.

Китай как молодой, бурно растущий мировой лидер, остро нуждаясь в расширении сферы своего глобального присутствия и влияния, поспешил заполнить политико-экономический вакуум, образовавшийся во многих регионах развивающегося мира после ухода оттуда двух сверхдержав в начале 1990-х годов.

Пользуясь этим обстоятельством, Китай предпринял усилия по созданию себе имиджа главного защитника интересов стран РМ на мировой арене в их противостоянии «гегемонизму»⁵².

В этот период Китай, перестав упоминать о колониальном или иным образом зависимом положении развивающихся государств в

прошлом, резко заострил внимание на текущей общности стоящих перед КНР и РМ экономических задач. Так произошла замена китайскими лидерами субъективно-идеологического подхода к диалогу с развивающимся миром на подход объективно-экономический⁵³, основанный, однако, на постоянно обновляемом политическом фундаменте.

Это привело к тому, что в течение 1990-х годов. Пекином проводилась равная по активности агитация как за диалог «Север—Юг», так и за интенсификацию взаимодействия «Юг—Юг». Однако некоординатная категория «развивающиеся страны» Пекином не просто не была забыта, но и получила второе дыхание, в частности в аспекте борьбы за НМЭП.

Так, в августе 1998 г. на встрече с участниками национального семинара по вопросам дипломатической работы председатель КНР Цзян Цзэминь заявил, что Китай будет и впредь крепить солидарность и сотрудничество со всеми остальными развивающимися странами и прилагать действенные усилия по защите их прав и интересов, а также наращивать усилия по установлению справедливого нового мирового политического и экономического порядка⁵⁴.

А во время своего визита в ряд африканских стран в начале 1999 г. министр иностранных дел КНР Тан Цзясюань отмечал, что после окончания холодной войны всестороннее партнерство между развивающимися странами «сыграет позитивную роль в ходе становления нового международного политического и экономического порядка»⁵⁵.

В 1990-е же годы, после распада биполярной структуры международных отношений, на передний план китайских внешнеполитических построений вышла концепция многополярного мира (многополярной структуры международных отношений).

В китайской интерпретации многополярность (*доцзихуа*) была озвучена в 1997 г. Цзян Цзэмином и стала свидетельством того, что Китай не намерен признавать гегемонию какой-либо одной державы в международной политике и не собирается терпеть проявления неравноправия и диктата, свойственного однополюсной системе. Концепция предполагает, что главная роль в мировой политике должна принадлежать не одному-двум, а нескольким центрам влияния (крупным государствам), которые не станут стремиться к гегемонии ни порознь, ни сообща. Поэтому они не должны вступать ни в какие союзы — именно это должно стать залогом баланса мировых сил⁵⁶. (Данное положение полностью вписывается в неблоковый принцип китайской внешней политики.)

На наш взгляд, на роль основного адресата и сочувствующей аудитории концепции *доцзихуа* был задуман именно развивающийся мир, а также государства, менее экономически успешные, но уже способные иметь собственные региональные или даже глобальные интересы, но пока не могущие составить конкуренцию США.

По словам Тан Цзясюаня, занимавшего в то время пост министра иностранных дел КНР, общая тенденция мирового развития заключается в движении к монополярности международных отношений, путь к которой «может быть тернист и долог, *но историческая тенденция необратима* (выделено мной. — *Е.С.*). Все попытки установить «однополярный мир» или монополизировать международные дела обречены на фиаско»⁵⁷.

Чуть позже — во время визитов в 2000-е гг. в государства развивающегося мира — китайские лидеры весьма активно продвигали положения *доцзихуа*. Многополярность преподносилась как универсальное мощное средство для устранения гегемонизма и неравноправия в международных делах.

Так, в ноябре 1999 г. во время своего визита в ЮАР председатель ПК ВСНП Ли Пэн отметил, что «многополярный миропорядок идет на пользу глобальному миру и стабильности. Мы не можем представить, что будет, если планетой... станет манипулировать одно государство или один блок. Также невозможно требовать, чтобы во всех странах существовали единый социальный строй и единая экономическая модель. Народы всех стран имеют право выбирать свой путь развития в соответствии со своими условиями и исходя из собственных коренных интересов»⁵⁸.

Тезис о преимуществе многополярного устройства мира перед однополярным получил отклик во многих государствах развивающегося мира. Помимо большинства стран Африки, о своей поддержке названной идеи неоднократно заявляли лидеры Индии, некоторых государств Юго-Восточной Азии и Латинской Америки.

В декабре 1999 г. в Джайпуре состоялась XXVI национальная конференция Индийского Общества сотрудничества и дружбы (ИС-КАФ). Итогом ее работы стало принятие пяти резолюций, среди которых по своему значению выделяется «Резолюция по построению стратегического «треугольника» между Индией, Россией и Китаем», где, в частности, говорится, что две великие азиатские державы — Индия и Китай — вместе с великой евроазиатской державой — Россией — составляют «краеугольный камень» будущего многополярного мира. «Стратегический «треугольник» Индия—Китай—Россия...

имеет целью внесение необходимых коррективов в существующий несправедливый и неравноправный однополярный мировой порядок»⁵⁹.

Думается, что именно с приходом концепции *доцзихуа* теория «трех миров» окончательно утратила свое значение. Однако принятие Китаем в арсенал своих теоретических построений концепции многополярного мира, на наш взгляд, было вызвано не столько несостоятельностью теории «трех миров» в последнем ее понимании (согласно которому страны мира классифицируются, исходя из социально-экономических параметров, а не идеологических соображений), а стремлением учесть текущие обстоятельства международной жизни (изменение состава развитого мира, бурный экономический рост некогда «третьемировских» стран, обретение самим Китаем новых международных позиций, отказ ряда государств от идеологизированной трактовки мировых событий, тенденция к регионализации и т. д.).

Поначалу, по нашему мнению, концепция многополярного мира напоминала ту же теорию «трех миров», но выраженную с помощью нового понятийного аппарата и модифицированную для текущего применения⁶⁰.

Существует мнение, что теория «трех миров» и донныне не канула в Лету, а приняла новые, неожиданные формы и толкования. Так, российским исследователем А.О. Виноградовым высказана небесспорная, но интересная мысль о том, что в 2012 г. в докладе на XVIII съезде КПК генеральный секретарь КПК Ху Цзиньтао, именно «продолжая творчески развивать теорию «трех миров» председателя Мао», разделил отношения Китая в мире на три направления. Это:

- 1) отношения с крупными/развитыми странами (*дагуо гуанси*);
- 2) отношения с сопредельными странами (*чжоубянь гоцзя*);
- 3) отношения с развивающимися государствами (*юй фачжань чжун гоцзя гуанси*)⁶¹.

3.7. 2000-е годы — время резкой активизации отношений Китая с РМ

В предыдущие десятилетия эффективным средством для защиты интересов развивающихся стран в диалоге развитым миром Китай считал (да и считает до сих пор) интенсификацию и расширение сотрудничества между самими развивающимися странами или так на-

зываемую кооперацию «Юг-Юг». Создается впечатление, что что-то аналогичное было предложено и для формирования многополярности структуры международных отношений. КНР стала рассматривать РМ как «активную силу» в продвижении многополярного международного порядка, учитывая, что множественные объединения развивающихся стран (Группы 77 в ООН, группы 20 и 90 в ВТО и т. д.) тоже выступили против однополярного устройства мира.

На излете XX в. (летом 2000 г.) состоялись переговоры министров иностранных дел Мексики, Колумбии и Чили — представителей «тройки» Группы Рио-де-Жанейро⁶² с высшим руководством КНР. Китайская сторона расценивала Группу Рио как «одну из наиболее влиятельных региональных организаций, играющих активную роль в современной мировой политике»⁶³.

Стороны отметили 10-ю годовщину начала их политического диалога. (За прошедшие с 1990 г. десять лет во время сессий ГА ООН состоялось девять встреч министров иностранных дел КНР и стран-участниц Группы Рио-де-Жанейро.) На встрече с премьер-министром КНР Чжу Жунцзи мексиканский министр Р. Грин указала, что пребывание в Пекине представителей «тройки» является подтверждением того приоритета, который уделяют отношениям с КНР девятнадцать стран-участниц названной региональной организации⁶⁴. А, по мнению Пекина, «развивающиеся страны представляют собой важную силу, которую невозможно игнорировать при развитии тенденции к *многополярности структуры* современных международных отношений»⁶⁵.

Латинская Америка наконец-то ответила взаимностью на заявления Пекина о приоритетном характере его отношений с РМ в общем корпусе китайских международных задач и интересов.

К началу XXI в. Китай сумел выстроить отношения с другой региональной латиноамериканской организацией — SELA (Sistema Económico Latinoamericano — Латиноамериканская экономическая система) таким образом, что она стала рекомендовать государствам региона создавать для КНР и китайских инвестиций обстановку наибольшего благоприятствования⁶⁶.

События в США 11 сентября 2001 г. побудили КНР четко охарактеризовать свою позицию по проблеме международного терроризма, очагом и основным полигоном которого стали страны мирового «Юга». С тех пор Пекин высказывается за наращивание международного взаимодействия в противостоянии терроризму при главенстве ООН, выступает против узурпации одной страной руководства анти-

террористической борьбой, осуждает искусственное увязывание терроризма с проблемами религиозного характера. Противостояние США с мусульманским населением Ирана, Афганистана и некоторых арабских стран рассматривается в КНР в качестве одного из противоречий по линии «Север—Юг».

Вместе с тем, несмотря на заявления о неизменной важности отношений КНР с развивающимися странами, в начале 2000-х годов наблюдалось приглушение риторики Пекина по этому поводу, что можно объяснить переключением фокуса внимания КНР на сотрудничество с США и другими государствами Запада. Развивающиеся страны стали упоминаться в китайских официальных источниках в основном в связи с нарастанием угрозы, которую создают их независимости силы гегемонизма, старающиеся подчинить процессы экономической глобализации своим интересам.

На XVI съезде КПК, прошедшем в ноябре 2003 г., сотрудничество с развивающимися странами не упоминалось в качестве особого направления и «одного из основополагающих принципов внешней политики» КНР. При этом указывалось, что на отношения с развивающимся миром распространяются все те принципы, на основе которых КНР строит свои связи со странами-соседями.

Однако на уровне китайских СМИ повторялась мысль о том, что «краеугольным камнем внешней политики Китая» остаются его отношения с развивающимися странами. Отмечалось, что «Большинство стран-соседей Китая — развивающиеся страны. Они являются важными партнерами (в реализации) добрососедской внешней политики Китая»⁶⁷.

Китайские политологи высказывали мысль, что расширение влияния КНР на мировой арене возможно главным образом за счет активизации сотрудничества с государствами развивающегося мира, поскольку роль Китая пока не столь значима, как роль стран «большой семерки» (G7)⁶⁸.

В 2003 г. в выступлении проректора Центральной партшколы КПК Чжэн Бицзяня впервые прозвучал тезис о «мирном возвышении» КНР, который впоследствии получил формат официально признанной целеустанавливающей доктрины.

В конце 2003 — начале 2004 г. о «мирном возвышении» страны не раз высказывались председатель КНР Ху Цзиньтао и премьер Госсовета Вэнь Цзябао⁶⁹.

В самом общем виде «мирное возвышение» Китая понималось как более активное позиционирование страны в качестве «восходящей», ответственной, миролюбивой державы, ненасильственными методами (через эффективное экономическое развитие и энергичную миролюбивую внешнюю политику) добивающейся глобального статуса с присущими ему правами и обязанностями.

Задачей концепции стало формулирование ответа на тезис о «китайской угрозе», распространяемый рядом академических и политических кругов на Западе и в Японии.

«Мирное возвышение» КНР также подразумевало реализацию стратегии энергетической безопасности страны, достижение мирного воссоединения Китая, а также его паритета с США по основным направлениям мировой повестки, и все это — на основе принципа многополярности международных отношений⁷⁰.

Концепция «мирного возвышения» наряду с положением о большей ответственности Китая за судьбы «мира и развития», подразумевала как готовность КНР повысить свою активность в формировании многополярного мира, так и качественное изменение ее дипломатического *modus operandi*, который до этого строился по модели «вызов—ответ», а теперь должен был соответствовать принципу «действие—результат», где результатом и стала бы реализация китайских интересов как глобальной державы⁷¹.

Однако муссирование понятия «возвышение», пусть даже и с определением «мирное», оказалось малопродуктивным в деле позитивизации международного имиджа Китая.

В среде развивающихся стран возникли сомнения на предмет приверженности курса КНР на равноправие и желания Китая и впредь оказывать им поддержку в диалоге с развитым миром.

Сложилась и опасения по поводу вероятности намерения КНР «взломать» международный статус-кво⁷². В итоге, поскольку эта доктрина неоднозначно и с настороженностью была воспринята как внутри страны, так и за рубежом, она была подвергнута модификации.

Приход к власти в марте 2003 г. 4-го поколения китайских руководителей был связан в мировой политологии с появлением новых нюансов в теоретическом фундировании внутреннего и международного курсов КНР.

Так, в 2004 г. Пекин заговорил о «мирном развитии» КНР, концептуально зафиксированном чуть позже — в Белой книге «Мирный путь развития Китая», опубликованной в декабре 2005 г. Пресс-канцелярией Госсовета КНР.

В Книге отмечалось, что избранный КНР путь мирного развития является «новейшим путем человечества в стремлении к цивилизации и прогрессу, неизбежным путем Китая в осуществлении модернизации страны, а также серьезным выбором и торжественным обетом китайского правительства и китайского народа». Китайское правительство впервые декларировало «неизбежность и решимость Китая идти путем мирного развития», «что отвечает не только коренным интересам китайского народа, но и объективным требованиям развития и прогресса человечества»⁷³.

В Книге также подчеркивалось, что для роста страны необходимо формирование мирной международной среды, опора на собственные силы в проведении реформ и модернизации, адекватное участие в процессах глобализации, взаимная выгода в отношениях с другими странами и *со-развитие* с ними на основе принципов мирного сосуществования и сотрудничества. Также впервые было озвучено стремление Китая строить «гармоничный мир», основывающийся на общем процветании и миролюбии.

Публикация этой книги была призвана показать международному сообществу, что КНР желает и может достичь такого прогресса, который не подвергает сомнению, не бросает вызов и не нарушает существующий мировой порядок⁷⁴.

Но и это не спасло концепцию «мирного возвышения»: в итоге она была выведена из арсенала китайской официальной пропаганды⁷⁵.

Ей на смену пришла концепция «гармоничного мира», тоже призванная устранить опасения мирового сообщества перед бурным развитием КНР и связываемым с ним нарастанием «китайской угрозы».

Идея «совместного построения гармоничного мира» была озвучена председателем КНР Ху Цзиньтао в апреле 2005 г. В том же году в ООН он предложил создать «гармоничный мир совместного процветания»⁷⁶.

На этот раз для подведения новой теоретической базы под свою дипломатическую активность, Пекин решил привлечь ценности традиционной конфуцианской мысли, которой издревле было присуще уважение к «гармонии» и «гармоничности»⁷⁷.

В китайской культуре словом «гармония» выражается смысл существования вещей на всех уровнях бытия — от отдельного человека до государства и всего мироздания. Понятие «гармония» отражено в трех ключевых принципах: 1) «единство Неба и человека»; 2) «единство всех людей» (в Поднебесной); 3) «гармония внутри человека»

(гармония души и тела). Гармония опирается на принцип мирного сосуществования, в котором «одно дополняет другое», и «в гармонии осуществляется совместное развитие», «от противника нужно перенимать все лучшее»⁷⁸.

В марте 2007 г. премьер Госсовета КНР Вэнь Цзябао, выступивший на 5-й сессии ВСНП 10-го созыва с докладом о работе правительства в 2006 г., охарактеризовал понятие «глобальной гармонии» как достижение прочного мира и всеобщего процветания.

Примечательно, что китайский премьер конкретизировал это понятие для условий современности, заявив, что создание гармоничного мира «в политическом плане означает равноправие и демократию, в экономическом — взаимовыгодное сотрудничество, а в культурном — обмен и совместный прогресс, то есть осуществление длительного мира и совместного процветания... путем дружественного сотрудничества между странами и совместного реагирования на... глобальные вызовы безопасности». К тому же он подтвердил актуальность испытанной временем и посему надежной концепции «мира и развития» во внешнеполитическом курсе страны, заявив о готовности Китая «высоко нести знамя мира, развития и сотрудничества»⁷⁹.

Имманентность этих лозунгов китайскому внешнеполитическому курсу (в тех или иных их вариациях) наблюдается еще с 1950-х годов. В глазах Пекина соблюдение данного свода, видимо, является исходным условием для формирования мира всеобщей гармонии.

Во время масштабных визитов Ху Цзиньтао на Ближний Восток (апрель 2006 г.) и в Африку (январе 2007 г.) новые акценты по проблемам развивающихся стран проявились особенно ярко.

Председатель КНР подчеркивал, что гармоничное развитие мира невозможно без гармоничного развития отношений Китая со странами этих регионов⁸⁰. Таким образом, развивающиеся страны нашли свое место в соответствующем концептуальном построении китайской дипломатии.

В июне 2007 г. в Германии (г. Хайлигендамм) состоялась встреча лидеров G8 (Большой восьмерки) с руководителями развивающихся государств, в которой принял участие председатель КНР. Он охарактеризовал положение дел на мировой арене через призму старых и новых вызовов, с которыми сталкивается человечество. Поэтому на встрече не могла не прозвучать идея формирования «гармоничного мира» на основе «долгосрочного мира и совместного процветания», а также совместных усилий по «здоровому развитию» экономической глобализации⁸¹.

Для строительства гармоничного мира в контексте отношений развитых и развивающихся государств Пекин предложил следующее:

1. Приложить усилия по гармоничному развитию глобальной экономики, а именно: содействовать «систематичному урегулированию дисбаланса мировой экономики»; усилить контроль над международным финансовым рынком, особенно в сегменте «краткосрочных капиталов», обеспечить стабильность курсов основных резервных валют; выступить против торгового протекционизма, продвинуть вперед переговоры по линии «Север-Юг» для скорейшего достижения результатов во имя развития.

2. Создать условия для совместного использования результатов экономического развития. Здесь международное сообщество должно углубить технико-экономическое сотрудничество, выявить и задействовать сравнительные экономические преимущества разных стран.

3. Приложить усилия по продвижению гармоничного прогресса разных человеческих цивилизаций, причем главное здесь — уважение права каждой страны на самостоятельный выбор общественного строя и пути развития.

4. Выработать единый комплексный план по достижению устойчивости мирового развития, которое, в свою очередь, требует сочетания параметров экономического роста, социального прогресса и охраны окружающей среды.

5. Не требовать от развивающихся стран снижения экологически недружественных выбросов в атмосферу, но способствовать распространению эффективных технологий использования природного топлива, энергосбережения и охраны окружающей среды. Сделать эти технологии доступными для развивающихся стран, предоставить им необходимую финансовую поддержку⁸².

В октябре 2007 г. лозунг о формировании «гармоничного общества» внутри Китая и «гармоничного мира» вокруг него был зафиксирован в документах XVII съезда КПК. Благодаря этому обстоятельству лозунг получил статус официальной доктрины. И развивающийся мир как фактор и элемент мирового роста вновь был учтен в концептуальных изысканиях Пекина.

В Китае подчеркивали, что в условиях современной, резко меняющейся международной обстановки укрепление отношений с развивающимися странами — это не конъюнктурный момент, а долгосрочная стратегия⁸³.

Следует отметить, что поскольку формирование мира всеобщей гармонии — это если не неосуществимая, то весьма отдаленная пер-

спектива, то понятно, что соответствующая идея носила более агитационный, нежели практический характер, и имела целью улучшить международный имидж КНР. Однако само ее выдвижение — шаг достаточно грамотный. Призыв к формированию гармоничного мира нашел отклик в еще не поднаторевших в тонкостях дипломатического словесного этикета молодых развивающихся странах — наиболее podatливых объектах пропагандистских усилий⁸⁴.

Можно заключить, что в силу привлекательности ее принципов (стратегия взаимного выигрыша, мирное развитие, уважение к разнообразию мнений и самобытности каждого мирового актора, сотрудничество и согласие, мирное сосуществование), концепции «гармоничного мира» удалось провести «атаку обаяния» КНР, не столь удачно начатую тезисом о «мирном возвышении» Китая. Немногом позже, на XVII съезде КПК, концепция была дополнена установкой на задействование «мягкой силы» в международных отношениях, целью которого являются улучшение международного имиджа Китая как достойной доверия и ответственной державы, устранение страхов и предубеждений относительно направлений энергичного роста Поднебесной.

Еще один практически-ощутимый шаг в отношениях Китая именно с РМ был сделан на саммите стран Азии и Африки — торжествах, посвященных 50-летию Бандунгской конференции (Индонезия, 2005 г.). Председатель КНР Ху Цзиньтао озвучил предложения по формированию между развивающимися странами стратегического партнерства «нового типа» на *межконтинентальном* уровне⁸⁵, что явилось новым моментом в дипломатической риторике Пекина. Однако установление Китаем отношений названного статуса на двусторонней основе — само по себе не стало «новеллой» во внешнеполитической активности страны.

Принцип *стратегического партнерства* был заявлен в межгосударственных отношениях Китая с такими странами РМ, как Бразилия, Аргентина, Индия, Нигерия и др., хотя само понятие стратегического партнерства в двухсторонних документах подробно не раскрывалось. Посему примечательна попытка его конкретизации, предпринятая во время переговоров в 2005 г. в Пекине президента Нигерии О. Обасанджо и председателя КНР Ху Цзиньтао. Стороны согласились, что состояние стратегического партнерства подразумевает взаимное доверие в политике, взаимные выгоды в экономике и взаимопомощь в международных делах, обеспечивающие переход двусторонних отношений на новый уровень⁸⁶.

В начале 2006 г. в важном политическом документе «Политика Китая в Африке» китайско-африканское стратегическое партнерство нового типа было охарактеризовано правительством КНР как «отношения политического равенства и взаимного доверия, взаимовыгодного экономического сотрудничества и культурных обменов»⁸⁷.

В документе были подробно изложены направления и механизмы реализации задач стратегического партнерства, такие, как укрепление политических контактов на высшем уровне, межпарламентские и межпартийные обмены, совершенствование механизмов межмидовских консультаций, создание и развитие комитетов по вопросам торгово-экономического и научно-технического сотрудничества; продвижение обменов в сфере культуры и образования; укрепление сотрудничества на мировой арене в рамках ООН и других многосторонних организаций; взаимодействие в сфере торговли, инвестиций, финансовой и сельскохозяйственной кооперации, в развитии инфраструктуры, в сфере разрешения проблемы задолженности африканских стран, во многих областях гуманитарного сотрудничества; консульские контакты; военное и миротворческое сотрудничество, обмены между правоохранительными органами и ряд других⁸⁸.

В том же знаменитом документе Китай впервые на высоком официальном уровне назвал себя «самой крупной развивающейся страной»⁸⁹, и эта номинация приносит Китаю ощутимые бонусы и донныне.

В первые годы XXI в. КНР инициировала усилия по приданию отношениям «Китай — развивающийся мир» консолидированной коллективной и систематизированной основы. Так, в 2000-х годах был основан и начал базовую активность Форум «Китай—Африка», в ноябре 2005 г. в Пекине состоялось совещание министров просвещения 17 стран—участниц Форума, а в ноябре 2006 г. — саммит государств-членов. В 2005 г. прошло экономическое совещание в рамках Форума китайско-арабского сотрудничества (основанного в 2004 г.), была достигнута договоренность о создании Форума сотрудничества между Китаем и Латинской Америкой⁹⁰ (реализованная в 2015 г. образованием форума «Китай—CELAC»). Тогда же на Ямайке состоялся первый торгово-экономический форум «Китай—Карибы» на уровне министров, что свидетельствовало о стремлении Пекина институционализировать его связи с Латинской Америкой, особенно с той ее частью, где ряд стран еще поддерживал дипотношения с дружественным США Тайванем.

КНР стала заинтересованным участником не только упомянутой выше конференции-диалога G8 и развивающихся стран, но саммита

по случаю 60-летия ООН. Она выразила поддержку НЕПАД (NEPAD — New Program for African Development) как явлению «коллективного самообеспечения» и призвала развивающиеся страны интенсифицировать сотрудничество между собой⁹¹.

Тенденция придания китайско-африканским отношениям систематизированной основы проявилась и по линии регуляризации межмидовских консультаций (КНР—ЮАР, КНР—Нигерия).

Экономическая дипломатия Пекина также была отмечена рядом успехов. К середине первого десятилетия XXI в. большинством развивающихся стран был признан статус Китая как страны с полностью рыночной экономикой. КНР стала участницей многосторонних экономических форумов по разработке международных экономических правил. Так, в 2005 г. впервые именно в Китае прошло совещание министров финансов и председателей центральных банков стран «G20».

Уже в начале XXI в. проявилась новая специфика внешнеэкономического курса Пекина в отношении стран РМ: Китай отказался от тактики ожидания урегулирования внутреннего положения в неспокойных странах — потенциальных партнерах, а стал работать в условиях нестабильности, часто добиваясь успеха, поскольку исходил из того, что высокие риски, как правило, окупаются высокой прибылью⁹².

Кроме того, Пекин учел, что внутренние перевороты в странах РМ крайне редко сопровождаются сменой внешнеполитических и экономических установок, и это благоприятствует стабильности диалога Китая с этой группой государств⁹³.

Во имя обеспечения широкой поддержки своих политических и экономических интересов Китай стал еще более активно выстраивать особые, «индивидуальные» дипломатические, военные и торгово-экономические отношения с каждой развивающейся страной-партнером.

Несмотря на внутренние проблемы многих стран РМ, в частности — африканских, Китай продолжил извлекать из сотрудничества с ними ощутимые политические дивиденды. Так, в Комитете по вопросу прав человека ООН Китай нашел поддержку африканских стран, которые имеют собственные проблемы в этой сфере. Выбор Пекина местом Олимпийских игр 2008 г. в немалой степени стал возможен благодаря «африканским голосам». Китай, противодействующий принятию Японии в постоянные члены Совета Безопасности (СБ) ООН, при голосовании этого вопроса получил поддержку многих аф-

риканских государств, несмотря на то, что Япония оказывает помощь их развитию на протяжении многих десятилетий⁹⁴. В свою очередь, КНР постоянно акцентировала свою готовность поддерживать африканские страны в их спорах в ВТО и других международных организациях.

Экономическая грань сотрудничества КНР с регионами развивающегося мира (в сочетании с политической установкой «невмешательства во внутренние дела») стала настолько значимой, что это побуждало Пекин поддерживать даже репрессивные режимы, и нефтяные интересы КНР стали перевешивать соображения гуманитарного свойства. Так, несмотря на массовые этнические чистки в суданской провинции Дарфур, Китай вложил к 2005 г. в экономику Судана 4 млрд долл.⁹⁵, оказал и военно-техническую поддержку Хартуму, содействуя смягчению резолюций СБ ООН по дарфурским событиям⁹⁶.

К началу XXI в. Китай уже стал гораздо более удобным коммерческим партнером для Африки, чем традиционные контрагенты из США и Европы. Китайцы не проявляли интереса к положению с коррупцией и уровнем преступности, к вопросам экологической безопасности. Китайские корпорации шли — и идут — на сотрудничество практически со всеми государствами РМ, в то время как западные фирмы отказываются от инвестиций в проблемных странах⁹⁷.

Стратегия партнерства Китая со странами африканского континента существенно отличалась от курса западных стран. США, например, до сих пор создает на континенте экстерриториальные предприятия добывающей промышленности, которые не попадают под юрисдикцию страны-реципиента. Подобные предприятия выгодны США, но не местному населению. После «ухода» из Африки распавшегося СССР КНР стала первой страной, начавшей активно инвестировать в инфраструктуру стран континента⁹⁸.

На Западе расширение отношений с КНР с Африкой расценивалось некоторыми силами как угроза их влиянию в регионе, и это поставило было под вопрос международный климат кооперации Китая с «Черным континентом». США в 2006 г. объявили о создании Африканского командования ВС США — AFRICOM, которое начало функционировать в 2008 г.

Конечно же, основной целью AFRICOM являлась «разгрузка» Центрального командования ВС США (в зону ответственности которого помимо Ближнего Востока, Ирака и Ирана, до создания AFRICOM входила и Африка), дав ему возможность сосредоточиться

на главных направлениях своей деятельности. (Формирование Африканского командования стало косвенным свидетельством концентрации американских ВС на ирако-иранском направлении). Однако в Вашингтоне учитывали, что и энергетические позиции США в Африке нуждаются в защите, особенно в условиях нарастания террористической угрозы: компании США контролируют нефтедобычу во многих странах африканского континента (в одной только Нигерии, являющейся пятым по значению экспортером нефти в США, под контролем американских фирм находится более половины нефтедобычи). Кроме того, Вашингтон, изыскивающий новые источники углеводородов помимо нестабильного Ближнего Востока, обеспокоился активностью китайцев на «Черном континенте», быстро перехватывающих потенциальную долю американцев⁹⁹.

В итоге, не имея возможности устранить друг друга с африканского «поля», AFRICOM и китайские дипломатические, миротворческие и экономические структуры в Африке к настоящему времени нашли образ сосуществования в параллельном, необременительном друг для друга режиме.

В отношении своих партнеров в *Латинской Америке* Китай стал проявлять четко выраженный дифференцированный подход, который естественным образом обусловлен большими «перепадами» развития в латиноамериканском регионе.

Так, Мексика привлекла внимание Китая как член НАФТА (North American Free Trade Agreement), поскольку инвестиции в нее позволяют торговать с США без импортных пошлин. Чили — важный экспортер в Китай меди и леса, промышленно развитый партнер, с которым в 2005 г. Китаем было подписано соглашение о создании зоны свободной торговли¹⁰⁰, а Перу и Венесуэла — входят в число крупнейших мировых экспортеров нефти.

Эти три государства составляют группу стран континента, наиболее зависимых от колебания мировых цен на сырье и, следовательно, заинтересованных в долгосрочном партнерстве с таким «оптовиком», как Китай¹⁰¹.

А вот малые карибские страны, до сих пор поддерживающие дипотношения с Тайванем, стали объектом внешнеполитических «атак» Пекина, задействовавшего на этом направлении «дипломатию доллара».

В Латинской Америке в целом приветствовали расширение экономического присутствия Китая, ибо регион заинтересован в дивер-

сификации источников инвестиций и иных капиталопотоков. (Экономическая «заикленность» «Испаноамерики» на США нравится далеко не всем.)

Экономические усилия Китая в Латинской Америке повлекли за собой определенные политические последствия. В США стали высказываться опасения в связи с растущим влиянием КНР на континенте, рассматриваемом Вашингтоном в качестве своего «заднего двора». Пекин, по мнению американских политологов, уже тогда контролировал морские порты в Центральной Америке¹⁰², а также судоходство по Панамскому каналу (в 2000 г. право на аренду инфраструктуры канала получила гонконгская компания Hutchison Whampoa Ltd., тесно связанная с руководством КНР¹⁰³).

Китай активизировал тесные связи с идеологически близкой ему Кубой. Хотя отношения между Кубой и КНР рассматривались (и рассматриваются) в качестве сотрудничества стран социализма преимущественно Гаваной, Пекин не отрицал особого характера своих связей с «Островом свободы». Так, он обязался импортировать никель только с Кубы, несмотря на наличие других, уже устоявшихся стран-поставщиков. Руководство КНР во главе с Ху Цзиньтао объявило о намерении совместно с кубинской стороной содействовать укреплению сотрудничества в политической, экономической, культурной областях, в международных делах, а также по линии межпартийных контактов.

Тогда же Китай сблизился с теми латиноамериканскими лидерами, которые искали партнеров по «антиамериканской коалиции»¹⁰⁴. Куба и Венесуэла — как члены множественных объединений развивающихся стран (G77 в ООН, групп G20 и G90 в ВТО и т. д.) — и донныне декларируют необходимость «более справедливого мирового порядка». Китай, являясь пропагандистом этого тезиса, и здесь стал создавать себе имидж главного защитника интересов стран РМ.

Для внедрения на континент Китаю удалось удачно воспользоваться отсутствием единодушия в вашингтонских кругах, ответственных за принятие внешнеполитических решений. Так, Пентагон был озабочен увеличением в ЛА числа китайских военных консультантов и инструкторов, ростом там разведывательной активности Поднебесной, расширением экспорта в регион китайских «кибервооружений» («нелетального оружия»). А вот Госдепартамент США демонстрировал более спокойный подход, полагая, что КНР, будучи бурно развивающейся страной, просто находится в поиске новой сырьевой базы

для своей растущей экономики. Китай, дескать, сейчас настолько поглощен своими внутренними проблемами, что не имеет ни сил, ни желания вязаться в какие-либо политические авантюры в чуждальных краях¹⁰⁵. Приверженцы этого мнения предостерегали от переоценки роли китайских инициатив в Латинской Америке, утверждая, что присутствие КНР на континенте соответствует долгосрочной политике Вашингтона по интеграции Китая в систему международных отношений¹⁰⁶.

КНР, хотя и нуждалась в стабильности латиноамериканских сырьевых поставок, тем не менее, не теряла острого интереса в высоком уровне экономических связей с США. И поэтому ее активность на континенте не была столь же «напористой», как в Африке. К тому же США сохраняют в регионе бесспорные преимущества, объективно недоступные Китаю: географическое соседство, консолидирующие экономические связи; этническая близость населения, обусловленная массовой миграцией латиноамериканцев в США; устойчивая ориентированность экономик континента на североамериканские рынки (товарооборот США и ЛА в середине 2010-х годов составлял 800 млрд долл.¹⁰⁷).

В апреле 2006 г. в целях взаимного прояснения намерений Вашингтон направил в Пекин своего эмиссара для «консультаций» по вопросам китайско-латиноамериканских связей. Формат переговоров не отличался представительностью: главными действующими лицами стали помощник госсекретаря США по делам Западного полушария и директор латиноамериканского департамента МИД КНР.

Позиция Пекина на переговорах базировалась на утверждении, что китайско-латиноамериканский диалог созвучен интересам всех стран, поскольку он отвечает задачам достижения международного мира, развития и сотрудничества. Он не направлен против какой-либо третьей стороны и не ущемляет чьих-либо интересов. Цели *КНР на континенте носят сугубо экономический характер*, а сам факт китайско-американских консультаций по важному региону, представляющему общий интерес, свидетельствует о глобальном значении именно китайско-американских отношений¹⁰⁸.

Китай отверг возможность оказания им военно-политической поддержки радикальным антиамериканским лидерам на континенте, что и хотел услышать американский дипломат. В КНР «помнят о «доктрине Монро» и «уважают влияние» США в регионе, уверяют в невозможности инициирования Пекином «кубинского ракетного кризиса»¹⁰⁹.

Вашингтонский эмиссар в свою очередь заявил, что его страна внимательно следит за ходом китайско-латиноамериканского военного диалога, но не призывает к его ограничениям и не высказывает опасений в этой связи, поскольку уровень развития военных связей США со странами региона гораздо более высок¹¹⁰.

Однако Вашингтон насторожили формирующиеся китайско-латиноамериканские военно-технические связи. Если ранее китайцы поставляли на континент стрелковое оружие, причем, на нерегулярной основе, то с середины «нулевых» годов речь пошла об экспорте китайских боевых самолетов и тяжелой военной техники, что до тех пор было почти исключительной прерогативой США¹¹¹. Была разработана китайско-бразильская программа космических исследований, которая включила в себя создание спутников «двойного» назначения.

США обеспокоились и тем, что Китай стал готовить военный персонал для Латинской Америки. На что в Пекине еще раз заявили, что отношения Китая с государствами латиноамериканского континента не направлены против какой-либо третьей стороны, а по сравнению с числом офицеров из Латинской Америки, получившими военную подготовку в США, «наш показатель весьма ограничен»¹¹².

В итоге Пекину уже тогда удалось защитить свои интересы на латиноамериканском направлении. Да и ситуация в ЛА сложилась так, что Вашингтону стало непросто указать Пекину на латиноамериканскую «дверь» без того, чтобы не вызвать новую волну антиамериканских («антигегемонистских») настроений не только в КНР, но и в самой Латинской Америке.

На XVII съезде КПК, состоявшемся в 2007 г., проблематика отношений КНР с развивающимися странами и положения последних на мировой арене была затронута полнее, чем на предыдущем партийном форуме.

Генеральный секретарь КПК Ху Цзиньтао выразил намерение Китая «стимулировать совместное развитие регионов и всего мира путем собственного развития», поддерживать мировое сообщество в оказании помощи развивающимся странам для усиления их возможностей «в самостоятельном развитии и сокращения разрыва между Югом и Севером», крепить сотрудничество с развивающимися странами, оказывать им помощь и защищать их справедливые требования¹¹³.

Как уже отмечалось, XVII съезд КПК, закрепив на высшем партийно-государственном уровне доктрину «гармоничного мира», ввел

в состав теоретического фундамента политики КНР концепцию «мягкой силы», подразумевающей использование «нематериальных ресурсов» культуры и политических идей для воздействия на людей в других странах, в отличие от «жесткой силы», то есть влияния посредством военных или финансовых методов¹¹⁴.

В своем докладе съезду Ху Цзиньтао призвал «повышать мягкую мощь государства в лице культуры с тем, чтобы... сделать многокрасочнее культурную жизнь общества и более возвышенным духовный облик народа»¹¹⁵. Это стало еще одним свидетельством, что Китай учел свои ошибки времен «культурной революции» и более не стремится представить себя на мировой арене как «ведущую и руководящую силу», обладающую некими мессианскими свойствами и выполняющую задачи и функции особого, высшего порядка.

Наоборот, с тех пор в Пекине всячески подчеркивали, что КНР не только не намерена стать «сверхдержавой» (о чем заявил еще Чжоу Эньлай в 1971 г.), но даже достигнув высот в экономическом развитии, она никогда не оставит своей помощью развивающиеся государства, бывшие Китаю верными союзниками сначала в борьбе против мирового гегемонизма и диктата, а позже — надежными партнерами в деле установления нового справедливого мирового порядка и формирования многополярности международных отношений¹¹⁶.

Идея установления нового многополярного мирового порядка прошла красной нитью во всех знаковых документах, принятых в первую декаду XXI в. на форумах и встречах лидеров развивающихся стран. В частности, в итоговой Декларации саммита стран БРИК, состоявшегося в апреле 2010 г. в Бразилии, была особо подчеркнута приверженность трех лидеров развивающегося мира — Индии, Бразилии и Китая, а также России — к установлению равноправного, демократического и справедливого *многополярного мирового порядка*, основанного на международном праве, равенстве, взаимоуважении, сотрудничестве, согласованности действий и коллективном принятии решения всеми государствами¹¹⁷.

* * *

Итак, благодаря правильно выбранной тональности концептуальной базы взаимоотношений, а также пропаганды на развивающийся мир и в силу резко возросших экономических возможностей КНР, 2000-е годы знаменовали собой время энергичнейшего подъема многовекторных связей Китая с развивающимися государствами.

3.8. 2010-е годы — новая роль развивающихся стран во внешнеполитических концепциях Китая

Пятым поколением китайских руководителей, пришедшим к власти в конце 2012 — начале 2013 г., была выдвинута концепция «Великой китайской мечты». На первом заседании ВСНП нового созыва в марте 2013 г. приступивший к выполнению своих обязанностей генерального секретаря ЦК КПК Си Цзиньпин перечислил три ее главных компонента — сильное и богатое государство (*гоцзя фуцян*), национальное возрождение (*миньцзу чжэнсин*), народное счастье (*жэньминь синфу*)¹¹⁸.

Си Цзиньпин в интервью зарубежным СМИ в мае 2013 г. подтвердил принцип внешней политики КНР, заключающийся в том, что Китай не только будет развиваться сам, но и станет вносить вклад в развитие всего мира, создавать блага не только для народа Китая, но и для народов всего мира¹¹⁹. В такой трактовке концепция «китайской мечты» не могла не найти отклик в развивающемся мире.

С 2013 г. во время своих визитов в развивающиеся страны китайские лидеры настойчиво и с успехом продвигали эту идею. В СМИ КНР продвигалась мысль о том, что «китайская мечта» — это продолжение концепции «гармоничного мира» между большими и малыми субъектами МО, поскольку она подразумевает развитие равноправных, взаимовыгодных отношений с различными государствами, и что концепции развития стран Латинской Америки — Бразилии, Аргентины, Мексики, Венесуэлы и африканского континента, включая ЮАР, Нигерию, не только не противоречат «китайской мечте», но дополняют друг друга¹²⁰.

А во время своего визита в Африку весной 2013 г. Си Цзиньпин выдвинул идею о «сообществе единой судьбы» КНР и (африканских) развивающихся стран, отметив, что они имеют «сходный исторический опыт, общие задачи развития и стратегические интересы»¹²¹. Так уже испытанный временем лозунг об «общности исторических судеб и текущих задач» получил развитие в мысли лидера КНР о совпадении китайской мечты с мечтой африканской.

Видимо, концепция «сообщества единой судьбы» и представляет собой симбиоз двух элементов — «старого» тезиса об общности истории и современных задач и новой мысли о консонансе китайской мечты с мечтами дружественных стран.

На уровне официальных контактов этот тезис декларативно был поддержан во многих странах РМ, особо остро заинтересованных в

кооперации с КНР. Однако развивающиеся государства заняли выжидательную позицию относительно того, что конкретно-ощутимое может принести им названное совпадение.

Понятно, что среде развитых государств положение об общности китайской мечты с устремлениями других стран не нашел резонанса. Похоже, что с самого начала «адресатом» названного лозунга Китаем был избран более податливый и неуверенный в себе развивающийся мир. Это еще раз свидетельствует о важности места РМ во внешнеполитических концепциях КНР.

С приходом 5-го поколения руководителей Китай актуализировал и уточнил принципы своей внешней политики, четко экстраполирующиеся на отношения с развивающимися странами. Эти принципы¹²² можно представить в следующем порядке и формулировке:

1. Ответственный подход не только к внутреннему строительству, но и к своей международной активности. Соблюдение принципа ответственности и возложение на себя международных обязательств в объемах, учитывающих положение и уровень развития каждой из стран-партнеров.

2. При весомом статусе развивающейся страны с самым большим в мире населением и авторитетного члена мирового сообщества — полное соблюдение международного права и установок, общепринятых в МО.

3. Использование возможностей экономической глобализации и научно-технической революции для возрождения развивающихся стран посредством экономического развития и взаимовыгодного сотрудничества; оказание поддержки развивающимся государствам в их намерении «взять судьбу в свои руки» и провести необходимые преобразования.

4. Учет беспрецедентных мировых изменений, когда «все “измы”, строи, модели и пути проходят испытание временем и практикой», признание того, что в мире не существует идеальной, неизменной и всемогущей модели развития, поскольку реалии стран неоднородны. Отсюда — уважение самостоятельности других стран мира в их выборе модели развития.

5. Поддержка курса развивающихся стран на опору на собственные силы, но при этом:

6. Использование возможностей открытого развития, позволяющего объединить внутренние силы с заимствованием полезных плодов человеческого общества, внутренний рынок с внешним.

7. Развитие на основе взаимодействия. В международном сообществе всегда существовали конкуренция и противоречия. Китай старается работать на благо мира, стимулировать развитие и сокращать разногласия, эффективно разрешать вызовы глобализации путем непрерывного взаимовыгодного взаимодействия между странами.

8. *Со-развитие*. Стремясь к собственному развитию, Китай прилагает усилия по сочетанию процессов собственного развития с ростом других стран, а также содействует *со-развитию* всех государств и регионов мира.

9. Укрепление дружбы, координации и взаимодействия с развивающимися странами, основывающегося на взаимозависимости и взаимных интересах.

10. Поддержка как самостоятельного развития стран РМ путем предоставления им помощи или инвестиций, так и их стремления защищать свои «должные права и интересы». Содействие в расширении импорта товаров наименее развитых стран, заключивших с КНР дипотношения, посредством отмены таможенных пошлин на экспортируемые в Китай товары.

11. Оказание помощи развивающимся странам в области подготовки национальных кадров, а также командирования медицинских бригад при возникновении угроз в области здравоохранения.

* * *

Итак, обобщая изложенное в данной главе, видится целесообразным выделить следующее.

Вскоре после образования КНР, в 1950-е годы возникла теория «двух лагерей», согласно которой на одной стороне находился капиталистический лагерь под водительством США, а на другой — социалистический во главе с СССР и КНР (последняя — в качестве «младшего брата»). Между этими «лагерями» пролегла «промежуточная зона» — освобожденные страны Азии, Африки, Латинской Америки (страны «третьего мира»).

В 1960-е гг. теория «двух лагерей» трансформировалась в теорию «трех миров» в ее первоначальной, «наметочной» форме. Согласно ей, «первый мир» составляли империалистические страны во главе с США, «второй мир» — «социал-империализм» во главе с СССР (сюда вошли все социалистические страны Восточной Европы за исключением Румынии и Албании) и «третий мир» — развивающиеся государства во главе с КНР.

В 1970-е гг. теория «трех миров» видоизменилась: в «первый мир» тогда были включены империалистические США и социал-империалистический СССР, соперничавшие за гегемонию в мире, во «второй мир» — «остальные капиталистические страны», в «третий» — развивающиеся страны во главе с Китаем.

В 1980-е гг. теорию «трех миров» сменила «координатная теория» «Восток—Запад, Север—Юг», согласно которой Восток и Запад вступили в стадию поиска новых сфер сосуществования и соперничества, а Север и Юг — в процесс *со-развития*, ключевого для глобального роста.

В 1990-е годы отношения «Восток—Запад» были отнесены к противоречиям между постиндустриальными странами и государствами «переходной экономики». В отношениях по этому вектору Китай отказался от «альянсо-блоковой» трактовки международной ситуации, выступив при этом против единоначалия на мировой арене.

Поддерживая отношения «Север—Юг» (между развивающимися и развитыми странами), Китай неизменно развивал диалог и сотрудничество по линии «Юг—Юг». И поскольку КНР осталась единственной большой социалистической страной в мире, то в мировоззренческом смысле она стала главной мишенью удара Запада в его стратегии «мировой эволюции». А в отношениях по линии «Юг—Север» глобальный «Юг» стал ожидать от Китая — самой большой развивающейся страны — принятия основного бремени защитника интересов развивающихся стран¹²³. КНР подтверждала свою готовность к этой роли.

В целом же, КНР систематически инкорпорирует развивающийся мир в свои концептуальные установки и придает ему особое значение в их реализации. Развивающиеся страны всегда находили свое место и роль во внешнеполитических «раскладах» Пекина.

В силу традиций китайского дипломатического менталитета получение развивающимися странами собственной «ниши» в пестуемых Пекином внешнеполитических доктринах благоприятствует их судьбе как партнеров КНР.

3.9. Проблемы в диалоге «Китай — развивающийся мир»

Несмотря на обоюдную заинтересованность и поступательность в расширении взаимных многоплановых связей, сотрудничество Китая с развивающимися странами столкнулось с *трудностями*, не утратившими своей остроты до сих пор.

3.9.1. Политические сдерживатели

1960-е — 1970-е годы. В то время вся дружелюбность и эмоциональная привлекательность пропаганды КНР на «третий мир», артистичная эксплуатация во внешнеполитических доктринах «синдрома» общего с развивающимися странами врага не смогли смягчить последствия линии КНР на искусственное стимулирование революционных процессов в государствах «третьего мира».

Эта линия, наряду с ограниченностью материальных (в т.ч. внешнеторговых) возможностей КНР, и стала тогда основным препятствием для расширения отношений КНР с развивающимися странами.

Ориентация многих развивающихся государств на США (в Латинской Америке) и на страны Западной Европы (в Африке) тормозила диалог между новым Китаем и «третьим миром» так же, как и крайняя озабоченность молодых постколониальных стран обострением внутренних проблем.

Имела место и незрелость китайских и «третьемирских» дипломатических и внешнеэкономических структур, что тоже являлось заметным ограничителем взаимодействия.

1980-е и 1990-е годы, пожалуй, были свободны от явных политических сдерживателей диалога «Китай — развивающийся мир», поскольку в это время область разногласий сместилась в сферу экономики.

Однако в «нулевые» годы нового века в адрес Китая прозвучали весьма неприятные для него претензии: Пекин болезненно воспринял и ныне воспринимает подозрения ряда развивающихся стран-партнеров в наличии у него неокOLONиалистских устремлений.

Так, в африканских газетах, ввиду беспрецедентной активности КНР на континенте, появились обвинения в адрес Китая в том, что его миролюбивая политика и бескорыстная помощь — это всего лишь маскировка курса, направленного на овладение ресурсами континента¹²⁴. В 2007 г. время тогдашний президент ЮАР Т. Мбеки высказал пожелание, чтобы отношения Китая с «Черным континентом» не стали некоей формой неокOLONиализма. А в среде крупного кенийского бизнеса распространилось мнение, что африканцы не могут развивать промышленные проекты в самом Китае и поэтому уже не важно, какую помощь он оказал Африке, раз китайцы «убивают» способности африканцев¹²⁵.

Опасаясь охлаждения китайско-африканских отношений, китайская сторона предприняла ряд действенных превентивных мер в ос-

новном экономического характера, и в начале 2010-х годов ей удалось приглушить взволнованную риторику африканских лидеров. Так, в 2011 г. уже новый президент ЮАР Дж. Зума заявил, что между Китаем и Африкой не существует никаких колониальных связей, все обвинения в проведении Китаем политики неокOLONиализма в Африке необоснованны¹²⁶.

Тем не менее, обвинения Китая в «неокOLONиализме» явственно звучат в СМИ Латинской Америки и Африки и донныне.

3.9.2. Экономические ограничители

С 1980-х годов противоречия по линии «Китай — развивающийся мир» начали явственно смещаться в хозяйственную плоскость.

По мере подъема Китая стали обостряться его экономические несогласия с рядом развивающихся государств, поскольку КНР явилась для последних серьезнейшим конкурентом в деле привлечения международного ссудного и инвестиционного капитала. При внутренней стабильности, успешном экспортном производстве и благоприятном налоговом климате Китай обрел лицо «образцового» заемщика.

Кроме того, при решении вопроса о допуске тех или иных стран «Юга» к системе глобальных торговых преференций, развитие государства учитывали и учитывают ряд социальных критериев: наличие запрета на использование детского труда и труда заключенных, соблюдение прав профсоюзов, установление минимума заработной платы, наличие системы пенсионного и социального страхования и т. д. Многие развивающиеся страны не готовы следовать подобным принципам и развивать систему социального страхования, поскольку конкурентоспособность их экспорта во многом держится на низкой цене рабочей силы. А она препятствует развитию внутреннего потребительского рынка, что в свою очередь тормозит процессы модернизации и внутреннего накопления капитала. В итоге, обостряется конкуренция государств «Юга» не только за получение внешнего финансирования¹²⁷, но также и за рынки сбыта своей экспортной продукции.

В 1990-х годах, а особенно — в «нулевых», и в Африке, и в Латинской Америке часть деловых кругов начала открыто противодействовать партнерству с КНР из тех соображений, что дешевый импорт из Китая подрывает их производственные и торговые позиции как на внутренних, так и на внешних рынках. Там утверждали, что массивно-

ванная поставка на региональные и мировые рынки китайских товаров, аналогичных производимым в государствах РМ, ведет к подавлению соответствующих отраслей национальной традиционной промышленности.

В Мексике (и позже — в ЮАР) импорт дешевых промышленных товаров из Китая, в основном текстиля, одежды и бытовой техники, привел к появлению значительного, донныне перманентного дефицита баланса в торговле между ними и КНР¹²⁸, а в Центральной Америке — к значительнейшим финансовым потерям местных производителей. Производство одежды для стран Центральной Америки и Мексики является жизненно важным: оно дает им до миллиона рабочих мест и составляет 70 % объема регионального экспорта в США¹²⁹.

В Африке репутация китайских фирм как замкнутых единиц, неохотно идущих на диалог с местным бизнесом и профсоюзами (там, где они есть), не соблюдающих нормы охраны труда и устанавливающих неоправданно низкую зарплату тоже тормозила кооперацию.

Коммерции с китайскими фирмами мешала и мешает и бюрократическая волокита: например, вследствие командных методов управления китайским нефтяным сектором все, даже мелкие детали соответствующих двусторонних контрактов подлежат согласованию с Пекином, что сопряжено с большими потерями времени и частыми несовпадениями версий.

Помимо этого, в африканских и латиноамериканских странах проявилось беспокойство большим количеством поддельной и контрабандной продукции китайского производства.

Правительства Мексики, Аргентины, Бразилии, Нигерии, ряда стран Центральной Америки и даже ЮАР и стали серьезно обсуждать возможность ограничения поставок из КНР и принимать меры по регулированию импорта из Китая для защиты местных производителей текстиля и товаров народного потребления. (Активные китайские конкуренты сумели потеснить аргентинцев даже на соседнем бразильском рынке.)¹³⁰

Предпринимательский совет Латинской Америки пришел в 2004 г. к решению создать «единый фронт» для защиты региональных рынков от массированного проникновения китайской экономики. Совет был крайне обеспокоен переводом многими международными концернами их сборочных производств из Латинской Америки в Китай ввиду сравнительной дешевизны его рабочей силы и сырья, что тогда нанесло значительный финансовый и социально значимый ущерб континенту¹³¹.

При этом сам Китай не спешил оправдывать надежды друзей по РМ и широко открыть свой рынок с миллиардом потребителей для «Южных» контрагентов. И неудивительно, поскольку даже для своих наиболее значимых торговых партнеров — США и ЕС — Китай этого не сделал.

Некоторый «холодок» в отношениях Китая и РМ навевала «жадность» Пекина до кредитов и займов от МВФ. Обычно выделение кредитов Китаю объяснялось Фондом как вклад в повышение уровня жизни населения этой страны, однако подавляющее большинство государств Африки, Латинской Америки, да и таких стран Азии, как Бангладеш, Вьетнам, Камбоджа, Лаос и Пакистан, имели и имеют доход на душу населения значительно, иногда в 3—4 раза, ниже, чем в Китае¹³². Рост конкуренции между КНР и развивающимися странами на мировом рынке финансов и инвестиций заметно омрачал картину сотрудничества сторон.

Экономические разногласия такого уровня не могли не привести к политическим трениям (сдерживателям), которые были представлены выше.

* * *

Итак, рассмотрев историческую и концептуальную базу отношений КНР со странами развивающегося мира, охарактеризовав стимулы и ограничители взаимных связей, представляется логичным перейти к анализу вопроса об обоснованности *статуса* Китая как развивающейся страны, поскольку именно он нисколько не определял и определяет специфику положения КНР не только в РМ, но и в глобальном масштабе.

Примечания

¹ Здесь и далее: *Сафронова Е.И.* К вопросу о роли преемственности и традиций в построении современного политико-экономического курса КНР относительно развивающихся стран // Новые акценты и тенденции во внешней политике Китая. Информ. бюллетень. М.: ИДВ РАН, 1994. С. 87—104, а также *Сафронова Е.И.* Отношения КНР с развивающимися странами и формирование нового мирового экономического порядка // Китай в мировой политике. М.: МГИМО(У); РОССПЭН, 2001. С. 398—428.

² *Мао Цзэдун.* Избранные произведения. Т. 4. Пекин: Изд-во лит-ры на иностр. яз., 1964. С. 116.

³ Сафронова Е.И. К вопросу о роли преемственности... С. 89—90.

⁴ Подробнее см.: Мамаева Н.Л. Китайская Народная Республика: 60 лет партийно-политических преобразований. КПК и КПСС — некоторые направления сравнительного анализа//Проблемы Дальнего Востока. 2009. № 5. С. 39—56.

⁵ Barnett A. Doak . Uncertain Passage. China's Transition to the Post-Mao Era. Wash.: The Brookings Inst., 1974. P. 258.

⁶ Виноградов А.В. Основы стратегического партнерства России и Китая в формировании нового регионального и мирового порядка // Китай на пути к возрождению. К 80-летию академика М.Л. Титаренко / отв. ред. С.Г. Лузянин. М.: ИД «ФОРУМ», 2014. С. 62.

⁷ Здесь и далее подробнее см.: Сафронова Е.И. Отношения КНР с развивающимися странами и формирование нового экономического мирового порядка... С. 398—400.

⁸ Halpern A.M. Chinese Foreign Policy — Success or Failure? Canberra, Australian Nat.Univ., 1966. P. 55.

⁹ Сафронова Е.И. К вопросу о роли преемственности... С. 90,92.

¹⁰ Там же. С. 92.

¹¹ См., в частности: Hinton Harold C. China's Turbulent Quest. An Analysis of China's Foreign Relations since 1945. N.Y.: The Macmillan Co., 1970. P. 210.

¹² Сафронова Е.И. К вопросу о роли преемственности ... С. 92, 93.

¹³ См. URL: <https://bitcointalk.org/index.php?topic=1152714.0;imode>

¹⁴ См. Сафронова Е.И. К вопросу о роли преемственности ... С. 92, 93.

¹⁵ Жэньминь жибао. 1963. 26, 28, 29 декабря.

¹⁶ См., в частности, Жэньминь жибао. 26.12.1963.

¹⁷ Жэньминь жибао. 22.01.1964.

¹⁸ Сафронова Е.И. К вопросу о роли преемственности... С. 93—94.

¹⁹ Цит. по: Сафронова Е.И. Эволюция позиции КНР по проблеме установления нового международного экономического порядка // Вопросы экономики. История, внешней и внутренней политики стран Дальнего Востока. Ч. 2. М.: ИДВ АН СССР, 1986. С. 76—77.

²⁰ Жэньминь жибао. 22.01.1964.

²¹ Там же. 27.05.1964.

²² Там же. 22.01.1964.

²³ Сафронова Е.И. К вопросу о роли преемственности... С. 95, 96.

²⁴ Хунци. 1965. № 10; Жэньминь жибао. 03.09.1965.

²⁵ Цит. по: Сафронова Е.И. К вопросу о роли преемственности... С. 96, 97.

²⁶ Там же. С. 94—98.

²⁷ См. *Starr J. B. Conceptual Foundations of Mao Tse-tung's Theory of Continuous Revolution // Asian Survey*. 1971. No. 6. P. 610—628; IX Всекитайский съезд Коммунистической партии Китая. Документы. Пекин, 1969. С. 12—13, 20.

²⁸ *Сафронова Е.И.* К вопросу о роли преемственности... С. 98, 99, 100, 101.

²⁹ Там же. С. 100.

³⁰ См. Дипломатические контакты Китая // Сайт международного радио Китая. URL:<http://russian.cri.cn/chinaabc/chapter4/chapter40101.htm>; *Ливишин С.В.* Глобализация и китайско-африканский диалог. М.: ОГНИ, 2002. С. 55.

³¹ *Фомичева М.В., Красильников А.С.* Китай и Африка (Подрывная деятельность маоистов в Африке). М., 1976. С. 103 (сноска).

³² См.: *Ливишин С.В.* Указ. соч. С. 57—58.

³³ *Востоков Д.* Внешняя политика КНР после IX съезда КПК // Опасный курс. Вып. II. М.: Политиздат, 1971. С. 284—285.

³⁴ См. например: *Гурич М.В.* Нарастание тенденций многополярности в современном глобализирующемся мире // Научные проблемы гуманитарных исследований. 2012 г. Вып. 4. С. 241.

³⁵ Отчётный доклад. X Всекитайский съезд Коммунистической партии Китая (документы). Пекин, 1973.

³⁶ *Oiga (Lima)*. 1971. № 425. P. 21—22; *Excelsior (Mexico)*. 5 de Septiembre, 1971.

³⁷ *Oiga (Lima)*. 1971. № 425. P. 21.

³⁸ Приводится по: *Бахитов Р.М.* КНР — Латинская Америка. Новые тенденции в отношениях. М.: ИЛА АН, 1975. С. 17.

³⁹ *Яковлев П.* Латинская Америка в глобальной стратегии Пекина. URL: http://www.perspektivy.info/book/latinskaja_amerika_v_globalnoj_strategii_pekina_2010-11-02.htm

⁴⁰ Жэньминь жибао. 11.04.1974.

⁴¹ *Сафронова Е.И.* К вопросу о роли преемственности... С. 103.

⁴² *Сафронова Е.И.* КНР, «третий мир» и имидж России в Китае // Китай в мировой и региональной политике. История и современность». Выпуск XIII (Спецвыпуск). Гл. IX. С. 197.

⁴³ *Дегтерев Д.* Кооперация Юг—Юг: вместе сильнее. URL: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=4353#1

⁴⁴ ИТАР-ТАСС. 11.01.1999.

⁴⁵ *Цзян Шэнфу.* Нань-нань хэцзо хэ нань-бэй таньпань : [Сотрудничество Юг—Юг и переговоры Север—Юг] // Цзилинь дасюэ шэхуй кэсюе сюебао. Цзилинь. 1983. № 4. С. 22—27.

⁴⁶ См. подробнее: *Сафронова Е.И.* Эволюция позиции КНР по проблеме установления нового международного экономического порядка... С. 76—85.

⁴⁷ URL: http://www.thirdworldtraveler.com/General/ThirdWorld_def.html

⁴⁸ Сафронова Е.И. Отношения КНР со странами «третьего мира» (1949—2003 гг.) // КНР: политика, экономика, культура. 2003. КНР — 55 лет. С. 275—278.

⁴⁹ См.: Проблема Север—Юг. URL: <http://www.grandars.ru/student/mirovaya-ekonomika/problema-sever-yug.html>

⁵⁰ Цит. по: Голобоков А.С. Становление и развитие внешнеполитической доктрины Китая // Ойкумена. 2010. № 3. С. 118.

⁵¹ См.: Широков Г.К., Лунев С.И. Новая биполярность (противостояние Севера и Юга)? / Внешняя политика и безопасность современной России. 1991—2002. В 4 т. / сост. Т.А. Шаклеина. Т. П. Исследования. М.: МГИМО(У) МИД РФ. РАМИ. АНО «ИНО-Центр» РОССПЭН, 2002. С. 321; Сафронова Е.И. Политика и международный имидж КНР в странах Африки и Латинской Америки: небезопасный опыт для России // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. Вып. XII. М.: ИДВ РАН, 2012. С. 112—114.

⁵² Сафронова Е.И. Политика и международный имидж КНР... С. 113—114.

⁵³ Сафронова Е.И. Некоторые современные проблемы отношений «Север—Юг»... С. 708.

⁵⁴ Beijing Review. 1998. № 38. P. 4.

⁵⁵ ИТАР-ТАСС. 09.02.1999.

⁵⁶ URL: <http://politike.ru/dictionary/839/word/mnogopoljarnost>

⁵⁷ Tang Jiaxuan. Opportunities Overweigh Challenges, Hopes Outnumber Difficulties. Пресс-релиз МИД КНР, 1999. Цит. по: Сафронова Е.И. К вопросу о многополярности структуры международных отношений // Тезисы докладов XI Международной конференции «Китай, китайская цивилизация и мир». М.: ИДВ РАН, 2000. Ч. 1. С. 21.

⁵⁸ ИТАР-ТАСС. 22.11.1999.

⁵⁹ Текст «Resolution on India, Russia, China Strategic Triangle». Приложение к информационному письму Посольства РФ в Индии от 28 декабря 1999 г.

⁶⁰ Китай в мировой политике. М.: МГИМО(У); РОССПЭН, 2001. С. 423.

⁶¹ Виноградов А.О. РФ—КНР: состояние и перспективы двусторонних отношений // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. Вып. XXI. М.: ИДВ РАН, 2016. С. 51; Доклад Ху Цзиньтао на 18-м съезде КПК (полный текст). URL:<http://russian.people.com.cn/31521/8023974.html>.

⁶² «Группа Рио-де-Жанейро» («Группа Рио») — объединение 12 стран Латинской Америки, созданное в целях согласования их внешнеполитической деятельности.

⁶³ Beijing Review. 2000. No. 34. P. 11.

⁶⁴ ИТАР-ТАСС. 09.08.2000. Мехико.

⁶⁵ Beijing Review. 2000. No. 34. P. 11.

⁶⁶ Эксперт. 2001. № 14. С. 70.

⁶⁷ Beijing Review. 2003. No. 52. URL: [www.bjreview.com.cn/200352/Cover-200352\(B\).htm](http://www.bjreview.com.cn/200352/Cover-200352(B).htm)

⁶⁸ См., например: *Тан Шипин*. Цзай лунь чжунго дэ да чжаньлюэ (И вновь о большой стратегии Китая) // Чжаньлюэ юй гуаньли. 2001. № 4. С. 36.

⁶⁹ *Борох О., Ломанов А.* Скромное обаяние Китая. URL: <http://www.polit.ru/research/2008/04/07/china.html>

⁷⁰ См.: *Rocha, Manuel*. China en transformacion: la doctrina del desarrollo pacifico // Foro Internacional. 2006. No. 4. P. 706, а также *Сафронова Е.И., Уянаев С.В.* От «мирного возвышения» к «гармоничному миру»: эволюция концептуального обоснования внешнеполитического курса КНР в начале XXI в. // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. Выпуск XIII (Спецвыпуск). Гл. V. М.: ИДВ РАН, 2008. С. 116.

⁷¹ Там же. С. 116, а также *Чжан Юйсинь*. Внешняя политика Китая в контексте трансформации системы международных отношений. Автореф. дисс. ... М.: МГУ, 2007. С. 13.

⁷² *Cho, Young & Jeong, Jong*. China's Soft Power: Discussions, Resources, and Prospects // Asian Survey. 2008. No. 3. P. 467.

⁷³ Белая книга: Мирный путь развития Китая // Жэньминь жибао он-лайн. URL: <http://russian.people.com.cn/31521/3965733.html>

⁷⁴ *Isabel Rodriguez Aranda, I. y Leiva Van de Maele D.* El soft power en la política exterior de China: consecuencias para América Latina // Polis. Revista Latinoamericana. URL: <https://polis.revues.org/9179>

⁷⁵ *Борох О., Ломанов А.* Указ. соч.

⁷⁶ Цит. по: *Борох О., Ломанов А.* Указ. соч.

⁷⁷ Там же.

⁷⁸ *Гао Вэньцин*. Концепция гармоничного развития Китая в начале XXI века. URL: <http://mgs.org.ru/2014/09/82/>

⁷⁹ Сайт международного радио Китая. URL: <http://russian.cri.cn/187/2007/03/06/1@163922.htm> См. также: *Сафронова Е.И., Уянаев С.В.* Указ.соч. С. 117, 118.

⁸⁰ См.: *Сафронова Е.И.* Китайская концепция «гармоничного мира» в аспекте развивающихся стран // Тезисы докладов XVII МНК «Китай, китайская цивилизация и мир». Ч. I. С. 164—167 и URL: <http://ru.china-embassy.org/rus/xwtd/t248530.htm> и ИТАР-ТАСС, 07.02.2007. Претория.

⁸¹ Выступление Ху Цзиньтао на встрече лидеров «Большой восьмерки» с руководителями развивающихся стран (08.06.2007., Хайлигендамм, ФРГ). URL: www.chinaembassy-canada.org/rus/wjdt/zylh/t330306.htm

⁸² URL: www.chinaembassy-canada.org/rus/wjdt/zylh/t330306.htm; Ху Цзиньтао выступил с важной речью на Консультативном совете Саудовской Аравии. URL: <http://ru.china-embassy.org/rus/xwtd/t248530.htm>

⁸³ *Сафронова Е.И.* Китайская концепция «гармоничного мира»... С. 164.

⁸⁴ Там же. С. 167.

⁸⁵ URL: <http://kz.china-embassy.org/rus/contact/t234730.htm>

⁸⁶ Встреча Ли Чжаосина с главой МИД Нигерии. URL: http://www.russian.xinhuanet.com/russian/2006-01/17/content_206857.htm; Синьхуа. 17.01.2006. Из Абуджи.

⁸⁷ China's African Policy. January 2006. Документ правительства КНР. URL: http://english.people.com.cn/200601/12/print20060112_234894.html

⁸⁸ Там же.

⁸⁹ URL: http://english.people.com.cn/200601/12/print20060112_234894.html

⁹⁰ Китай — друг различным странам мира. URL: <http://kg2.mofcom.gov.cn/aarticle/chinanews/200510/20051000523699.html>

⁹¹ ИТАР-ТАСС. 14.10.2005. Нью-Йорк.

⁹² URL: <http://www.africana.ru/lands/Russia/russia-africa.htm>

⁹³ Там же.

⁹⁴ *Kaneda, Hideaki*. Чжунго вэньти (Китайский вопрос). URL: <https://www.project-syndicate.org/commentary/the-china-question?version=chinese&barrier=accessreg>

⁹⁵ Китай начинает массированную экспансию в Африку. URL: <http://centrasia.org/newsA.php4?st=1137059460>

⁹⁶ Всемирный доклад Human Rights Watch — 2006. URL: <http://www.hrw.org/russian/reports/2006/world/intro.html>

⁹⁷ URL: <http://www.telegraf.by/world/2006/02/15/expand>

⁹⁸ URL: http://pda.rbcdaily.ru/policy_news/2006/06/22/220794.shtml

⁹⁹ *Сафронова Е.И.* Политика и международный имидж КНР в странах Африки и Латинской Америки: небесполезный опыт для России // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. Вып. XII. М.: ИДВ РАН, 2012. С. 127.

¹⁰⁰ Ныне, по мнению сторон, эта ЗСТ уже принесла немалые выгоды обоим государствам, но все еще требует «дальнейшего развития» // Официальный сайт посольства КНР в Республике Казахстан. URL: <http://kz.chineseembassy.org/rus/guzg/t1085696.htm>

¹⁰¹ *Забелло Я. , Мажаров И.* Удар ниже Мексики. Китай решил посягнуть на традиционную зону американских интересов — Латинскую Америку. URL: http://www.chinadata.ru/china_lat.htm.

¹⁰² *Scarborough, Rowan.* China role in West worries Pentagon // The Washington Times. URL: <http://www.washtimes.com/national/20050406-114055-9788r.htm>

¹⁰³ *Забелло Я. , Мажаров И.* Указ. соч.

¹⁰⁴ *Scarborough Rowan.* Op. cit.

¹⁰⁵ Miami Herald. URL: http://www.miami.com/mld/miamiherald/news/columnists/andres_oppenheimer/14297301.htm

¹⁰⁶ China's Growing Interest in Latin America. CRS Report for Congress. URL: <http://fpc.state.gov/documents/organization/45464.pdf>

¹⁰⁷ URL: <http://www.voanews.com/english/2006-04-19-voa3.cfm>

¹⁰⁸ China, US to hold first consultation on Latin American affairs. URL: http://english.people.com.cn/200603/24/print20060324_252993.html; China-US Latin America talks increase trust. URL: http://news.xinhuanet.com/english/2006-04/14/content_4425838.htm

¹⁰⁹ *Magnier, Mark*. U.S. Is Watching China's Latin American Moves. URL: <http://articles.latimes.com/2006/apr/15/world/fg-china15>

¹¹⁰ Ibid.

¹¹¹ *Забелло Я., Мажаров И.* Указ. соч.

¹¹² Синьхуа. URL: http://www.russian.xinhuanet.com/russian/2006-03/17/content_230111.htm.

¹¹³ Доклад Ху Цзиньтао на XVII съезде КПК «Высоко неся великое знамя социализма с китайской спецификой, бороться за новую победу в деле полного построения среднезажиточного общества» // Жэньминь жибао Он-Лайн. URL: <http://russian.people.com.cn/31521/6290591.html>.

¹¹⁴ *Борох О., Ломанов А.* Указ. соч.

¹¹⁵ Доклад Ху Цзиньтао на XVII съезде КПК... // Жэньминь жибао Он-Лайн. URL: <http://russian.people.com.cn/31521/6290591.html>

¹¹⁶ *Сафронова Е.И.* КНР, «третий мир» и имидж России в Китае // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. Выпуск XIII (Спецвыпуск). Гл. IX. С. 209.

¹¹⁷ Declaração dos BRIC em Brasília // O Globo (Rio de Janeiro). 16.04.2010.

¹¹⁸ *Кондрашова Л.И.* Китайская мечта о национальном возрождении. М.: ИЭ РАН, 2014. С. 4.

¹¹⁹ Официальный сайт Посольства КНР в России. URL: <http://ru.china-embassy.org/rus/zgm/t1077799.htm>

¹²⁰ *Лузянин С.* «Китайская мечта» дает надежду всем странам. URL: <http://russian.people.com.cn/31519/8439562.html>

¹²¹ URL: http://www.chinafrica.cn/english/Special_Report/txt/2013-05/02/content_538700.htm

¹²² См.: Мирное развитие Китая // Сайт посольства КНР в Беларуси. URL: <http://by.china-embassy.org/rus/zt/zfbps/t868717.htm>

¹²³ См.: URL: <http://studopedia.org/13-124572.html>

¹²⁴ Цит. по: Китай в мировой и региональной политике. История и современность. Вып. XIII (Спецвыпуск). М.: ИДВ РАН, 2008. С. 207.

¹²⁵ ИТАР-ТАСС. 20.06.2007. Найроби.

¹²⁶ МИД КНР: обвинения в проведении Китаем политики неокOLONиализма в Африке необоснованны. URL: <http://hlny.ru/14.ru/news/itemid-40.shtml>

¹²⁷ См. *Боришполец К.П.* Разрыв между Севером и Югом / Современные международные отношения и мировая политика / отв. ред. А.В. Торкунов. М.: Просвещение; МГИМО, 2004. С. 324.

¹²⁸ *Дрейнер П.* Подъем Китая и его последствия для Южной Африки. URL: http://www.project-syndicate.org/print_commentary/draper2/Russian.

¹²⁹ *Dussel Peters, Enrique* . El nuevo ritmo latino de China.
URL: <https://www.project-syndicate.org/commentary/china-s-new-latin-beat?version=spanish&barrier=accessreg>

¹³⁰ *Яковлев П.* Латинская Америка в глобальной стратегии Пекина. URL: <http://www.perspektivy.info/print.php?ID=67279>; *Сафронова Е.И.* Китай и «третий мир»: брак по расчету... С. 2.

¹³¹ Латиноамериканские бизнесмены защищаются от Китая. URL: <http://centrasia.org/newsA.php4?st=1097438580>

¹³² URL: http://znat.ru/archive/?1.1.1.1.1.2.2006_02_20_03_56

Глава IV

«КИТАЙ — РАЗВИВАЮЩАЯСЯ СТРАНА»: ИСТОРИЯ И ОБОСНОВАНИЕ ТЕЗЫ

МИД КНР: *Китай — ответственная крупная развивающаяся страна*¹.

Приступая к выполнению задачи этого раздела, автор исходит из того, что исторические события, пережитые Китаем, логично привели к сохранению страной ее официально прокламируемого членства в развивающемся мире, принятого на себя еще на заре КНР.

4.1. Экономическая аргументация статуса Китая как развивающейся страны

Исторически сложившаяся специфика отношений Китая с развивающимися государствами обусловлена известным парадоксом: несмотря на феноменальные экономические достижения, к своему 65-летию КНР остается верной взятому на себя статусу развивающегося государства, вольно или невольно претендуя на роль естественного лидера развивающихся стран, обретшего это положение не насильственным путем, а благодаря своим экономическим достижениям.

Принадлежность Китая развивающемуся миру на высшем партийно-государственном уровне была вновь подтверждена в Докладе Ху Цзиньтао на XVIII съезде КПК².

Китайский лидер отметил, что КНР еще находится и будет долго находиться на начальной стадии социализма, — эта реалья не изменилась. «Осталось без изменений главное противоречие общества, то есть противоречие между постоянно растущими материально-культурными потребностями народа и отсталым общественным производством. Не изменился и международный статус Китая как самой *большой в мире развивающейся страны*»³.

Внешнеполитический (XI) раздел документа, пусть небольшой по объему и выдержанный в описательных тонах, содержал четкое положение о том, что Китай открыт к сотрудничеству с многочисленными развивающимися странами и вместе с ними будет охранять их законные права и интересы, поддерживать в деле расширения их представительства и права голоса в международных делах, навеки оставаясь их надежным другом и искренним партнером.

В Докладе констатировалось, что Китай выступает против всех видов гегемонизма и силовой политики, не вмешивается во внутренние дела других стран и никогда не будет стремиться ни к гегемонии, ни к экспансии⁴ и всегда будет «принимать активное участие в многосторонних делах, поддерживая ООН, «Группу 20», ШОС, страны БРИКС и другие многосторонние международные организации..., стимулируя развитие международного порядка и международных систем в справедливом и разумном направлении»⁵.

Официальные подтверждения статуса Китая как развивающейся страны звучали и позже: в июне 2016 г. премьер Госсовета КНР Ли Кэцян в беседе с журналистами заявил, что Китай является не сверхдержавой, а развивающейся страной, ибо он все еще отстает от 80-и стран по показателю ВВП на душу населения. Премьер также отметил, что Китай никогда не стремился к «занятию позиции «старшего брата» в отношениях с какими-либо странами»⁶.

А в августе 2016 г., ровно за месяц до саммита G-20 в Ханчжоу, министр иностранных дел КНР Ван И подчеркнул, что «Китай как крупнейшая развивающаяся страна, чувствует свою ответственность за защиту прав и интересов развивающегося мира»⁷.

До начала текущего века вопрос о причинах самоидентификации КНР в качестве развивающейся страны в мировой политологии не считался сложным, так как ответ на него, казалось бы, лежит на поверхности: Китай по ряду экономических показателей остается развивающейся страной (например, по валовым национальным доходом (ВНД) на душу населения), обладает с развивающимся миром схожими политико-экономическими интересами и стоит перед общими с ним хозяйственными задачами (модернизация экономики, повышение уровня жизни, изыскание своего места и адекватного ответа на требования глобализации и пр.).

И доньше Всемирный банк, и Международный валютный фонд классифицируют КНР как развивающуюся страну: Китай с ВНД на душу населения в 9,8 тыс. долл. все еще отстает по соответствующему индикатору от развитых стран (их показатель — до 30 тыс. долл.). По

расчетам ВБ, почти 250 млн китайцев по-прежнему живут менее чем на 2 долл. в день. Как отмечал видный китайский политик Нань Чжэньчжун, еще несколько лет назад по абсолютной численности бедных людей Китай уступал только Индии⁸. При этом в КНР увеличивается численность той части населения, прирастающей миллиардерами, которая может позволить себе покупку дорогих домов, машин и предметов роскоши.

Обобщающим показателем социально-экономического состояния страны является индекс человеческого развития (ИЧР), при расчете которого учитываются ожидаемая продолжительность жизни, доход на душу населения, уровень и доступность образования и некоторые другие показатели. Индекс имеет диапазон от 0 до 1. По состоянию на 2015 г., все страны, классифицируемые как развитые, имели ИЧР выше 0,8. ИЧР Китая — 0,72⁹.

Здесь кстати отметить, что и ныне Китай входит в авторитетный индекс *Bloomberg Economic Momentum Index* (ВЕМИ), составляемый для 22 развивающихся стран Азии. При расчете рейтинга используются такие показатели, как «конкурентоспособность экономики», уровень образования, развитие городов, доля высокотехнологичной продукции в общем экспорте страны, объем инфляции. Хотя Китай и занимает первое место в ВЕМИ, будучи в нем страной с самой быстрорастущей экономикой¹⁰, однако сам факт его учета в категории развивающихся стран видится симптоматичным.

По нашему мнению, любая страна с контрастной экономикой (не только Китай) с трудом может быть отнесена к группе развитых государств, долженствующих обладать сбалансированным и потому стабильным национальным хозяйством с устойчивой, выверенной моделью социально-экономического развития (МСЭР).

Думается, что изыскание эффективной, стратегически долгосрочной национальной МСЭР, уже показывающей положительные макрорезультаты — есть основная характеристика не только развитой страны, но и той группы государств, которые благодаря обретению такой модели явственно демонстрируют способность уже в среднесрочной перспективе достичь стандартов и показателей развитых стран.

Если исходить из того, что КНР экономически действительно развивающаяся страна, то подоплека ее риторики по поводу принадлежности к «семье развивающихся государств» видится не просто логичной, но и закономерной. Однако этот статус в последнее дискутируется многими экономистами-практиками и политологами, пола-

гающими, что второй экономике мира по уровню ряда макроэкономических показателей негоже именоваться развивающимся государством¹¹.

И действительно, Китай — крупнейшая экономика Азии, вторая страна мира по объему годового оборонного бюджета. КНР активно споспешествует развитию сети международных политических и экономических структур (БРИКС и его Банка развития, Азиатского банка инфраструктурных инвестиций, различных фондов сотрудничества), которая в будущем могла бы бросить вызов незыблемости мировых финансово-экономических позиций американо-ориентированных Всемирного банка (ВБ) и Международного валютного фонда (МВФ)¹².

На это официальный Китай отвечает, что, несмотря на выход страны по абсолютному объему ВВП на 2-е место в мире (по другим данным, даже 1-е. — *Е.С.*), судить об экономической мощи КНР надо с учетом и иных обстоятельств. Нельзя забывать, что Китай — страна с 1,3-миллиардным населением. Согласно данным ряда международных организаций, в том числе МВФ, среднедушевой ВВП в Китае по состоянию на начало текущего десятилетия не достигал и половины среднемирового уровня: по этому показателю КНР занимает примерно 100-е место в мире. По методологии ООН, применяемой для оценки бедности, в Китае все еще насчитывается 150 млн нуждающихся. Актуальной проблемой по-прежнему является «несбалансированное, негармоничное и неустойчивое развитие КНР»¹³.

По словам Си Цзиньпина, за 30 с лишним лет с момента начала политики «реформ и открытости» численность бедных в КНР сократилась на 439 млн человек¹⁴. Однако, согласно официальной статистике, на конец 2013 г. 82,49 млн человек в Китае пребывали в состоянии нищеты. Китайские эксперты отмечали, что число бедных китайцев пока превышает все население другой развивающейся страны — Таиланда¹⁵.

В июле 2013 г. премьер Госсовета КНР Ли Кэцян говорил в целом о 200 млн китайцах, живущих за пределами черты бедности, определенной стандартом Всемирного банка в 1,25 долл. в день. Главный объект внимания общенациональной программы по полной ликвидации нищеты — более пятисот уездов во внутренних районах Китая, которые признаны бедными официально. Впредь они могут быть удалены из государственного списка бедных районов и лишиться соответствующей финансовой поддержки, что вызывает обеспокоенность

их администраций, порой предпочитающих завышать уровень бедности во вверенных им территориальных образованиях¹⁶.

По состоянию к 2015 г., число бедных китайцев сократилось до 70 млн человек. Но, несмотря на то, что в стране формируется система социального обеспечения, «распространяющаяся на всех жителей страны», ее уровень остается невысоким. Поэтому правительство КНР уделяет все большее внимание таким вопросам, как занятость, образование, здравоохранение и пенсионное обеспечение беднейших социальных групп¹⁷.

Китайские специалисты также подчеркивают, что КНР присущи все типичные черты развивающейся страны, включая относительно высокую долю аграрного населения и сравнительно низкий уровень технологичных производств¹⁸.

Но только ли состояние экономики является причиной самоидентификации Китая как развивающейся страны?

4.2. Статус развивающейся страны как политический дивиденд

В свете обозначенной здесь постановки вопроса следует отметить, что, во-первых, в контексте международных экономических отношений самопричисление Китая к РМ откровенно целесообразно. В условиях мирового финансово-экономического кризиса для страны является полезной оптимизация ее внешнеэкономической деятельности, в частности через облегчение условий обслуживания внешнего долга, достигшего в июне 2015 г. 1,67 трлн долл.¹⁹, а также через снижение развитыми странами импортных пошлин на товары из развивающихся стран и облегчение доступа последних к высоким технологиям и высокотехнологичным товарам.

Положение развивающейся страны приносит выгоду, и этим объясняется вступление Китая в 2002 г. в ВТО, предоставляющей преференциальный режим государствам «глобального Юга». В стране усмотрели выигрывать от вхождения страны в мировой рынок капиталов, товаров, рабочей силы и идей²⁰ с позиций его прямого участника.

При присоединении к ВТО КНР, доказав свой статус развивающейся страны, получила право сохранять в течение ряда лет ввозные тарифы и лицензирование импорта, а также принимать меры протекционистского характера в пользу отечественных производителей.

Во многих сферах Китай сумел оговорить для себя переходный период, предусмотренный нормами ВТО для развивающейся страны. Это облегчило для него переход к стратегии сравнительных преимуществ, в основе которой лежит развитие отраслей, требующих массивного притока рабочей силы. В них Китай может проявить себя лучше, чем страны-конкуренты (в сельском хозяйстве, легкой промышленности, сфере услуг, повышение занятости в коих позволяет смягчать проблему трудоустройства избыточных трудовых ресурсов)²¹.

Несмотря на получение условий, предусмотренных для развивающихся стран, Китай все же был вынужден пойти на уступку по сельскому хозяйству, согласившись на минимальный уровень поддержки внутреннего производителя, составлявший 8,5 %, в отличие от традиционного 10%-ного уровня для развивающихся стран. Однако это компенсировалось успехом КНР в получении специфических переходных условий, заключающихся в постепенной отмене квот и лицензий и поэтапном выходе иностранных компаний на рынок страны (такие условия обычно не предоставляются развивающимся государствам)²².

Во-вторых, статус развивающейся страны помогает КНР объяснять требовательному «мировому сообществу» невысокие темпы ее экономической либерализации. Как известно, развивающимся странам зачастую предоставляется большее время для подготовки к либерализации их хозяйственной жизни. (Например, в 1994 г. лидеры стран АТЭС поставили цель достижения режима свободной торговли в АТР к 2010 г. для развитых стран и к 2020 г. — для государств развивающихся.)

Кроме того, китайские эксперты утверждают, что КНР, как развивающаяся страна, просто обречена на длительный период формирования режима по защите авторских прав на интеллектуальную собственность и что мировому сообществу необходимо предоставить КНР больше времени на отладку соответствующих механизмов. Опять же, по их мнению, немедленное введение свободы торговли сельскохозяйственной продукцией может привести к слишком резким изменениям в аграрном производстве и занятости²³.

В-третьих, высказывается мнение, что Китаю выгодно именовать себя развивающимся государством потому, что этот статус несколько смягчает неудовольствие «мирового сообщества» недостаточной активностью КНР в противостоянии ряду международных проблем. Существует несколько серьезных вопросов, в решение которых те же США ожидают от Китая большего вклада. Это положение в Северной

Корею, Ираке, Сирии и на Украине, гуманитарные проблемы (борьба с инфекционными заболеваниями (Эбола)). Но самый очевидный вопрос, по крайней мере, официально и бесстрашно артикулируемый, — это выбросы парниковых газов, детериорация окружающей среды и климатические изменения.

В сентябре 2014 г. на саммите ООН по проблеме изменения климата американский президент Б.Обама критиковал Китай за уклонение от ответственности в разрешении соответствующих проблем. Он отметил, что на Китае и США лежит ответственность лидеров (*responsibility to lead*). В то же самое время Си Цзиньпин, не поехавший на саммит, в своем выступлении в Пекине в связи с празднованием 2565-го юбилея Конфуция напомнил аудитории, что Китай — по-прежнему развивающаяся страна и мера ее международных ответственностей «должна соотноситься с этим статусом»²⁴.

В-четвертых, с геостратегической точки зрения развивающейся страной логично называться тогда, когда в интересах своей политической самостоятельности не желаешь примыкать к свите какого-либо мирового «гегемона», однако при этом стремишься сохранить себя в качестве суверенного, но преданного участника иного сообщества единомышленников.

Такая линия с одной стороны полностью соответствует духу «независимости внешней политики Китая» и принципу ее неблоковости, а с другой — свидетельствует о выборе им определенного круга партнеров и контрагентов. Этот выбор был продиктован как обстоятельствами объективного свойства, так и субъективными стратегическими соображениями, о которых говорилось выше.

В-пятых, думается, что уже в первые десятилетия существования КНР китайское руководство лучше, чем многие другие международные политические круги, отдавало себе отчет в том, что РМ — это сила, обладающая многосторонним потенциалом, являющаяся мощным резервом мирового роста. Развивающиеся государства составляли и составляют большинство в ООН, представлены в Совете Безопасности, организационно структурированы членством в ряде международных политических и экономических структур. По словам Мао Цзэдуна, «африканские друзья привели Китай в ООН» в 1971 г.²⁵ Благодаря голосам развивающихся стран к концу первого 10-летия XXI в. 11 раз были отклонены предложения западных государств принять в Комитете по правам человека ООН резолюции, осуждающие положение в правозащитной сфере КНР и 14 раз нейтрализованы попытки Тайваня вернуть себе членство в ООН²⁶.

При этом КНР видит в РМ особую политическую ценность именно тогда, когда он сам способен выступить единым «антигегемонистским» фронтом в рамках какой-либо международной организации или интернациональной группы, спаянной с Китаем общим интересом. Поэтому-то на рубеже XX и XXI в. так явственно прослеживалась практика КНР по созданию в развивающемся мире международных структур (форумы «Китай—Африка», «Китай—Карибы», БРИКС, ШОС и др.)²⁷.

К тому же в случае придания РМ организованного начала его конфликтный потенциал легче отслеживать, а сам развивающийся сегмент, если не на глобальном, то на региональном уровне, становится более податливым для восприятия выдвинутых Китаем идей.

КНР, идентифицируя себя в качестве развивающейся страны, сохраняет возможность мониторинга и коммутации положения в РМ изнутри, что, по всей видимости, более эффективно, нежели наблюдение с внешних позиций. И это — еще одна причина самопричисления Китая к развивающемуся миру.

И само организационно-структурное «упорядочивание» развивающегося сегмента по *со-инициативе* Китая является свидетельством того, что КНР стала реальным, а не декларативным лидером РМ.

И в-шестых, сохраняет актуальность мнение китайского политолога Тан Шипина, полагающего, что международный вес Китая более проявляется в его партнерстве именно с развивающимися странами, поскольку в среде развитых государств пока невозможно подменить влияние США и ведущих западноевропейских государств. Поэтому усиление политического влияния Китая в мире возможно только за счет расширения масштабов сотрудничества КНР с развивающимся миром²⁸.

* * *

Очевидно, что являться развивающейся страной по уровню экономических параметров и постоянно, целенаправленно посредством официальных каналов акцентировать внимание мирового сообщества на своей принадлежности развивающемуся миру — это все-таки разные вещи.

Конечно, как уже указывалось, причисляя себя к числу государств развивающегося сегмента, та или иная страна потенциально получает возможность воспользоваться экономическими льготами и системой преференций, скупой, но все же предоставляемыми развитым «Севером» развивающемуся «Югу». Это было так и для Китая, но

в настоящее время сумма выгод от «северных» благодеяний на положение КНР влияет в гораздо меньшей степени, чем 14 лет назад.

Китай уже в состоянии решать свои экономические задачи путем прямого диалога с развитыми странами без использования маски хозяином «слабого» международного актора. Поэтому можно сказать, что ныне статус КНР как развивающейся страны лучше аргументируется именно политическими обстоятельствами.

Китай создал к настоящему времени такой экономический потенциал, который позволяет ему вести диалог с развитыми странами именно в опоре на собственные силы. Это делает «апгрейд» мирового статуса КНР как субъекта международных отношений не просто объяснимым, но и логичным.

4.3. «Апгрейд» международного статуса КНР: «молодое вино в старые мехи»?

В конце 1990-х годов в международной риторике Пекина появился новый акцент, позже получивший характер четкой устойчивой тенденции, официально зафиксированной в 2006 г. в документе *China's African Policy*²⁹. Как уже отмечалось, именно в то время Китай впервые привнес лидерские нотки в мелодику своей официальной пропаганды, адресованной развивающимся странам.

Так, анализируя результаты внешнеполитической работы КНР за 10 лет, китайские СМИ подчеркивали, что «как *крупнейшая развивающаяся страна* (выделено мной. — Е.С.) Китай активно участвовал в многосторонней дипломатии, играл и играет уникальную конструктивную роль в международных делах. Китай жестко противостоял любым формам гегемонизма и политики с позиции силы, защищал справедливые права и интересы развивающихся стран и способствовал прогрессу в установлении справедливого и разумного нового международного политического и экономического порядка»³⁰.

Далее акцентирование статуса Китая как «самой крупной развивающейся страны» продолжилось не только в СМИ КНР, но и на высоких официальных уровнях³¹.

Надо отметить, что с конца 2014 г. КНР причисляет к категории «крупнейших развивающихся стран» не только себя, но и государства БРИКС, а также Индонезию и Мексику. Китайские эксперты усматривают в этих государствах важных партнеров в деле совершенствования

ния международного порядка. Си Цзиньпин призвал расширять с ними сотрудничество и тесно интегрироваться по вопросам развития³².

Очевидно, что способность развивающейся страны явственно влиять на процессы в международных делах является критерием ее «крупности» в большей степени, нежели размер территории и/или населения.

С 1990-х годов Китай педалирует тезис о том, что будучи единственным развивающимся государством — постоянным членом СБ ООН, он выражает не только собственную волю, но и голосует в защиту всего развивающегося мира³³. Уже тогда КНР предложила реформировать миропорядок в русле демократизации, защиты общих законных интересов развивающихся государств, составляющих абсолютное большинство среди стран-членов ООН.

К началу 2000-х годов Китай высказался за расширение их представительства в ООН и права голоса в международных делах³⁴.

В первые годы нового века Китай, ассоциируя себя с развивающимся миром, тем не менее, с особой гордостью заявил и о том, что он стал первой развивающейся страной, которая разработала и стала осуществлять «Национальный план по борьбе с климатическими изменениями»³⁵.

Надо отметить, что активно пошел встречный процесс признания развивающимися государствами целесообразности существования такого лидера в их среде, который был бы способен своим присутствием вносить коррективы в расстановку международных сил в пользу РМ.

В официальной риторике многих развивающихся государств Китай прямо стал называться «ведущей страной глобального Юга»³⁶. Эта роль КНР была открыто признана руководителями многих стран, например, ЮАР («КНР — самая влиятельная развивающаяся страна»), Нигерии, Намибии (Китай — «надежный друг развивающихся стран») и др.

Однако даже в таких обстоятельствах КНР продолжает официально позиционировать себя как самую большую развивающуюся страну, правда, добавляя уточняющее определение «ответственная»³⁷. (Здесь не исключено, что самопозиционирование КНР как развивающейся страны — это просчитанный ход для оправдания высокой степени международной активности Китая, по охвату порой свойственной «сверхдержаве», но при этом — без возложения на себя присущих этому статусу моральных обязательств³⁸.)

В 2015 г. для уточнения статуса КНР китайским специалистом Хуан Ипином был предложен термин «особая развивающаяся страна». Особая потому, что оставаясь развивающейся по ряду макроэкономических показателей, она оказывает огромное влияние на мировую экономику: «то, что покупает Китай, дорожает на мировых рынках, а то, что он продает — становится дешевле»³⁹.

Вообще-то терминологические эзерсисы, столь присущие китайским пропагандистским институциям, порой оказываются весьма рискованными. Так, в марте 2014 г. Си Цзиньпин сравнил Китай с пробуждающимся львом. Хотя он и поспешил добавить, что этот лев «мирный, добродушный и цивилизованный», однако данное сравнение усилило беспокойство в среде воспринимающих Китай как агрессивную растущую силу. Эксперты задались вопросом: «Видели ли вы мирного, цивилизованного и неагрессивного льва? Лев — это крупное, дикое и хищное животное, весьма похожее на Китай в его отношениях с другими странами»⁴⁰. С тех пор это сравнение Пекином более не употреблялось.

Относительно недавно в политологической инструментари КНР стал использоваться и термин «новая развивающаяся экономика» или «страна с растущей экономикой», который употребляется рядом с термином «развивающаяся страна».

Так, посол КНР в России Ли Хуэй в контексте БРИКС подчеркивал, что страны-участницы этой структуры должны прилагать усилия по развитию многополярности, по усилению роли ООН, содействовать развитию международного порядка в направлении большей справедливости и рациональности и защищать общие интересы *новых развивающихся экономик и развивающихся стран*⁴¹ (выделено мной. — Е.С.).

В современной политологической литературе термин «формирующаяся экономика», «страна с развивающимся (нарождающимся) рынком (экономикой)» (*emerging market/economy*) используется для обозначения государств, проводящих ускоренный курс на открытие внутреннего рынка и интеграцию в мировой финансовый рынок. Синонимом служит сокращенный термин «развивающиеся (нарождающиеся, формирующиеся) рынки». Представляется, что само богатство русского языка и обусловленная им множественность перевода способствуют активности терминологических изысканий в данном направлении.

Впервые термин *emerging markets* (EM) был применен Международной финансовой корпорацией (МФК) в 1987 г. для номинации

именно *развивающихся стран*: к этой категории были отнесены те из них, у которых внутренний финансовый рынок, прежде всего фондовый, недавно получил заметное развитие, что привлекло к ним большее, чем ранее, число иностранных инвесторов.

С тех пор МФК проводит систематический сбор сведений о состоянии и функционировании этих рынков и рассчитывает ежемесячный сводный «индекс формирующихся рынков»⁴² (*Morgan Stanley Capital International Emerging Markets Index (MSCI)*), в частности, для таких стран, как Китай, Индия, Египет, Кения, Индонезия, Малайзия, Марокко, Пакистан, Филиппины, Россия, ЮАР, Таиланд, Турция и целый ряд латиноамериканских государств, включая Аргентину, Бразилию, Венесуэлу, Мексику, Чили, Колумбию. Индекс рассчитывается и для «классических» развивающихся государств (то есть тех, которые ранее назывались странами «третьего мира»), и для стран с переходной экономикой. Парадоксальным образом к последним иногда относят и экономически малоуспешные Зимбабве, Намибию, Кот-д'Ивуар, Ботсвану, Гану и др.⁴³

Итак, в этой интерпретации термин «формирующийся или развивающийся рынок» означает развивающуюся страну, обладающую особыми характеристиками. В качестве одной из ключевых характеристик называется рост внутренних и зарубежных инвестиций (портфельных и прямых)⁴⁴, потенциально приносящих повышенную отдачу, но и сопряженных с дополнительными рисками⁴⁵.

Существуют и иные трактовки *emerging market*. Например, такая простая, как страна с «экономикой низкого или среднего подушевого дохода». Некоторые эксперты дипломатично обозначают все менее развитые по сравнению с США, ЕС и Японией страны Азии, Африки и Латинской Америки как «формирующиеся (развивающиеся) экономики»⁴⁶.

Есть и такое определение: страна, приступившая к осуществлению программ экономического развития и реформ, начавшая открывать свои рынки, укреплять позиции на мировой арене и обладающая высокими темпами экономического роста⁴⁷. (Китай полностью соответствует этому описанию.)

К этой категории относят и государства с переходной экономикой (страны бывшего Советского Союза и Восточного блока). Переходность обуславливает нестабильность этих рынков, поэтому инвестиции в соответствующие страны тоже отличаются повышенной рискованностью⁴⁸.

Некоторые специалисты предпочитают давать весьма незамысловатое определение ЕМ: это те страны, которые являются «формируемися рынками» просто в силу высоких темпов их экономического роста (к этому числу можно отнести все государства с темпами роста выше, чем у США, ЕС и Японии, поэтому такое определение не видится научно перспективным). А также ввиду того, что они все более явственно становятся конкурентами развитых стран, о чем предупреждалось в докладе *Goldman Sachs* еще в 2003 г. (Это — иная крайность, ибо число таких стран резко ограничено и их состав постоянно меняется.)

Высказывается мнение и о том, что ЕМ особенно не отличаются от остальных рынков: они просто стартуют с менее развитой базы развития и быстро нагоняют «передовиков» за счет ускоренной индустриализации⁴⁹.

В последнее годы этот термин употребляется для описания тех крупнейших развивающихся стран (РИК, Южная Корея, Мексика, ряд арабских стран Аравийского полуострова), которые играют растущую и даже стимулирующую роль в глобальной экономике и в международных политических структурах⁵⁰.

В *российской политологии* под *emerging markets* предлагается понимать страны, экономика которых в настоящий момент динамично развивается, однако пока не достигла того уровня, чтобы страну можно было отнести к «странам с развитым рынком» (англ. — *developed markets*). Это несложное, но надежное универсальное определение.

При этом рекомендуется не путать понятия «страны с развивающимися рынками» и «развивающиеся страны». Причины этому называются такие: термин «развивающиеся рынки» — экономический и данный статус присваивается какой-либо стране в соответствии с экономическими критериями, а термин «развивающиеся страны» — политический, ибо так обозначают все государства, в которых наблюдаются недостаточно высокий уровень жизни, незрелые политические институты, ограниченная степень политической и экономической либерализации, слабые гарантии прав человека⁵¹.

Однако, на наш взгляд, эта аргументация не совсем корректна: термин «развивающиеся страны» был политизирован советской исследовательской школой. Сейчас в мировой политологии он принадлежит именно экономическому понятийному своду. (Как уже указывалось, международные экономические институты прямо обусловливают принадлежность к РМ величиной ряда страновых макропоказателей).

В *англоязычной политологической литературе* наиболее широко распространено такое определение: «формирующиеся рынки» (*emerging markets*), также известные как «формирующиеся экономики» (*emerging economies*) или *развивающиеся страны (developing countries)* — это те страны, которые проявляют инвестиционную активность, отличающуюся большей продуктивностью»⁵².

Они вступают на путь индустриализации для отхода от традиционного экономического уклада, основанного на сельскохозяйственном производстве и сырьевом экспорте, к экономике открытого рыночного или смешанного типа. Значение этих стран в том, что они могут оказывать влияние на состояние глобальной экономики в целом. Так, мировые финансовые системы стали более сложными благодаря Азиатскому финансовому кризису 1997—1998 гг.⁵³

В *Kumae* термин «новая развивающаяся экономика», или «страна с растущей экономикой», четкой официальной трактовки пока не получил. Сейчас он употребляется в КНР там, где надо объединить в одну смысловую группу «классические» развивающиеся страны и те, которые, не принадлежа развитому «Северу», демонстрируют высокие темпы развития или обладают некими атрибутами развитой страны (чаще всего — БРИКС).

Напрашивается предположение, что Китай внедрил термины «новая развивающаяся экономика» или «страна с растущей экономикой» в свой дипломатический язык в качестве эвфемизма для обозначения более экономически успешных стран из среды развивающихся государств. Это можно обосновать так: «формирующиеся экономики» входят в «Группу 20 (G20)», которая функционирует наряду с G7. На долю G20 (за вычетом России) приходится почти 50 % мирового экспорта, промышленного производства и активов МВФ. Само создание G20 вскоре после разразившегося Азиатского экономического кризиса 1997—1998 гг. было вызвано осознанием полезности подключения крупных развивающихся стран к управлению глобальной экономикой и международной финансовой системой»⁵⁴.

* * *

Итак, можно уточнить, что «формирующаяся экономика», или «формирующийся (развивающийся) рынок», — есть феномен, обладающий следующими определяющими характеристиками:

1. Это не просто сфера отношений и/или деятельности субъекта международных отношений. Это территориальное образование,

имеющее определенные политические, культурные и исторические границы и главное — обладающее государственным суверенитетом. Проще говоря, — страна или государство.

2. Национальный доход (НД) per capita этой страны не превышает нижнее значение среднемирового уровня (по классификации Всемирного банка, он может быть ниже 4,035, но выше 1,026 тыс. долл.)⁵⁵

3. Страна обладает видимой экономической и политической стабильностью и/или конвертируемостью валюты и/или доступностью ценных бумаг для иностранных инвесторов⁵⁶.

4. Она отличается высокими темпами экономического развития, обусловленными как раз стремлением преодолеть недостаточный уровень подушевых НД и ВВП. Так, в 2015 г. экономический рост развитых стран (G7) составлял 2,53 %, «классических» развивающихся стран — от 4,33 до 5,86 %, Китая — 6,9, Индии — 7,3, ЮАР — 3,1 %. (Этот год оказался особенно непростым для России с отрицательным значением прироста ее ВВП — 3,9 и Бразилии — 3,1 %.)⁵⁷

4. Наблюдается лабильность внутренней ситуации ввиду высокой зависимости от переменчивых условий внешней торговли и просчетов внутренней политики. (Что сейчас четко прослеживается в Бразилии.)

5. При всем стремлении открыть свои инвестиционные рынки, имеет место незрелость рынков капитала, главным образом — рынка ценных бумаг. Она ведет к высокой рискованности как операций на фондовой бирже, так и долгового менеджмента государства. Однако в случае удачи высокие риски окупаются повышенной прибылью.

6. При благоприятном развитии событий доходность инвестиций превышает средний мировой уровень по отрасли благодаря высоким темпам экономического роста в стране.

Многие из указанных стран применяют стратегию экспортно ориентированного производства. Имея сравнительно узкий потребительский рынок у себя дома, они экспортируют товары по конкурентоспособным ценам в развитые страны. Компании-производители и экспортеры, естественно, оказываются более доходными, что ведет к повышению биржевой стоимости их акций. Это также обуславливает большую доходность корпоративных облигаций, компенсирующую повышенную рискованность развивающихся рынков⁵⁸. Данные обстоятельства, в случае грамотного государственного инвестиционного регулирования, объясняют особую привлекательность формирующихся рынков для инвесторов.

Следует отметить, что не все государства с формирующимися рынками являются «прорывными странами» (*breakout nations*).

Это еще один, новый термин для обозначения стран, не входящих в категорию развитых, но активно стремящихся к этому. «Прорывные страны» — весьма немногочисленная «высшая лига» «субразвитого» мира, обладающая небольшим внешним долгом, хорошей динамикой рынка рабочей силы и низкой коррупционностью управленческих структур⁵⁹.

И, видимо, не каждую *emerging nation* следует понимать как «восходящую державу» (а ведь такой перевод с английского тоже широко используется). Согласно мнению немецкого исследователя Р. Каппела, критериями, отличающими «восходящую державу» от других энергично развивающихся стран, являются не только численность населения, наличие ресурсов, (абсолютная) величина ВВП, позиции национальной валюты в мировой экономике, объемы производства товаров народного потребления, но (и это главное) — уровень развития технологий и инноваций. Для некоторых экспертов именно этот критерий стал основным⁶⁰. Думается, что по этому показателю только страны БРИК можно назвать «восходящими державами».

Логично предположить, что «новая развивающаяся экономика» как проекция с англоязычного термина «*emerging market*» (или «*emerging market economy*») обозначает финансовые рынки в странах, характеризующихся относительно низким уровнем ВВП *per capita*, видимой экономической и политической стабильностью, конвертируемостью валюты и доступностью ценных бумаг для иностранных инвесторов⁶¹. Если так, то здесь синонимами служат термины «формирующиеся экономики (рынки) и/или с натяжкой — «растущие» и даже (несмотря на мнение Р. Каппела) «восходящие державы».

Эмфаза в массиве развивающихся стран пока еще немногочисленной группы «новых развивающихся экономик» («формирующихся рынков», «растущих держав») реально свидетельствует о таких сдвигах в мировой социально-экономической ситуации, когда становится необходимой ревизия и самой практики международных отношений, и соответствующего понятийно-терминологического аппарата.

Но даже если «новые развивающиеся экономики» — это в китайской политологии все лишь переведенное заимствование англоязычного термина, то все равно оно являет собой лишь частный случай более общего понятия «развивающиеся страны».

А раз так, то Китай, видимо, уже не устраивает его номинация как «простого» развивающегося государства и он продолжает искать пути вхождения в первый состав мировых «действующих лиц и исполнителей». Симптоматично, что в 2013 г. Китай устами председателя КНР

Си Цзиньпина назвал себя не только развивающейся страной, но и «влиятельной крупной державой»⁶².

При этом Китай продолжает решительно отрицать свою принадлежность к числу развитых государств и тем более — сверхдержав. Попытки причислить КНР к категории развитых государств воспринимаются Пекином как стремление поссорить и разлучить Китай с его союзниками по развивающемуся миру⁶³.

Отчасти это можно объяснить соображениями, озвученными еще Дэн Сяопином: «Станешь лидером — испортишь дело. У гегемонистов весьма скверная репутация, и у лидера третьего мира она тоже будет не лучше. Это не любезная отговорка, а подлинно политический расчет», — говорил «отец китайских реформ»⁶⁴.

* * *

Итак, в свое время, обжегшись на неудачных для себя альянсах с Москвой (1960-е годы) и Вашингтоном (конец 1970-х — начало 1980-х годов), Пекин решил отказаться от коалиций с «сильными мира сего»⁶⁵, понимая, что самостоятельность и независимость его внешней политики принесет ему и такой дивиденд, как позитивизация его имиджа в развивающихся странах.

С начала 1980-х годов КНР и подчеркивает возрастание веса развивающегося мира в международной политической жизни, полагая, что «коллективный подъем развивающихся стран» уже стал характерной чертой современности. Однако Пекин полностью отдает себе отчет в том, что РМ как *идеологическое сообщество*, спаянное общим прошлым и синдромом «общего врага», существовал только в установках середины XX в. Сейчас он, как было показано в этой главе, не является однородным массивом стран, по воле истории задержавшихся на подступах к инновационному пути развития.

Минули времена расцвета Движения неприсоединения, а схожесть исторических судеб и внешнеполитических задач являются пусть важным, но уже недостаточным основанием для долгосрочного стратегического партнерства.

С учетом этого Пекин проявляет четко дифференцированный подход к развивающимся странам не только на региональном или континентальном, но и на индивидуально-страновом уровнях. В КНР учитывают, что складывающаяся разнородность РМ, являясь залогом его диалектического развития в борьбе и единстве противоположностей, несет в себе и немалый конфликтный потенциал, порождаемый

соперничеством развивающихся государств на мирохозяйственной арене: на финансово-инвестиционных, технологических, производственных площадках и рынках рабочей силы.

Итожа вышесказанное, можно сделать вывод о том, что, по-прежнему называя себя развивающейся страной или государством «Юга», Китай обосновывает свое участие в мировой жизни по обеим координатам — и «Север—Юг», и «Юг—Юг», не ограничиваясь одним «Востоком» или даже «Севером» (если учесть периодическое участие КНР в работе G7). В силу этого, «замах» международного присутствия КНР, будучи не навязанным силой, но фундированным исторической логикой и практическими усилиями, оказывается более широким, нежели у любого другого государства.

Дуализм глобального статуса Китая как развивающейся страны и одновременно — авторитетной мировой державы является тем ключевым фактором, который определяет и определяет специфику отношений КНР с «глобальным Югом».

Примечания

¹ Официальный сайт МИД КНР. URL: <http://www.fmprc.gov.cn/rus/xwfw/fyrt/h/lxjzhzhdh/t1218276.shtml>

² Доклад Ху Цзиньтао на XVIII съезде Коммунистической партии Китая. URL: <http://ua.china-embassy.org/rus/xwtd/P020121228789374643581.pdf>. С. 16.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 24, 25.

⁵ Полный текст доклада, с которым выступил Ху Цзиньтао на 18-м съезде КПК /1/. URL: <http://russian.people.com.cn/31521/8023974.html>

⁶ Госсовет КНР: Китай не сверхдержава, а развивающаяся страна. URL: <http://vognebroda.net/gossov-et-knr-kitay-ne-sverhderzhava-razvivayushchayasya-strana>

⁷ МИД КНР: подготовка международного форума идет по плану. URL: <http://russian.cctv.com/2016/08/04/VIDECKNlgcbIxM720qnGHaNT160804.shtml>

⁸ *Stone Fish, Isaac*. Is China Still a 'Developing' Country? // Foreign Policy. 25.09.2014. URL: <http://foreignpolicy.com/2014/09/25/is-china-still-a-developing-country/>

⁹ Приводится по: *De Persio, Greg*. Is China a developed country? URL: <http://www.investopedia.com/ask/answers/113015/china-developed-country.asp>

¹⁰ URL: <http://bcs-express.ru/novosti-i-analitika/kitay-lidruet-v-reytinge-razvivayushih-sya-stran>

¹¹ См., напр.: Developing or Developed? A China Debate by the Numbers. URL: <http://cogitasia.com/developing-or-developed-a-china-debate-by-the-numbers>; а так-

же: *Lampton, David M.; Wallace, Jeremy; Conrad, Bjorn*. Is China A Developed Country? // Center for Strategic and International Studies. URL: <http://chinapower.csis.org/is-china-a-developed-country>

¹² *Stone Fish, Isaac*. Op. cit.

¹³ МИД КНР: Китай по-прежнему является развивающейся страной // Жэньминь жибао on-line. URL: <http://russian.people.com.cn/31521/7289075.html#>

¹⁴ Китай призывает международное сообщество стремиться к равноправному, открытому и всестороннему развитию — Си Цзиньпин. URL: http://russian.news.cn/2015-09/27/c_134664463.htm

¹⁵ *Yiping Huang*. China Is a Special Developing Country. URL: <http://www.nytimes.com/roomfordebate/2015/07/27/can-china-stand-on-its-own/china-is-a-special-developing-country>; Жэньминь жибао on-line. URL: <http://russian.people.com.cn/31521/7289075.html#>

¹⁶ Исследование бедности в Китае. Черта бедности, оценки, противоречия // Мир экономики. Интернет-журнал. 21.10.2014. URL: <http://worldofeconomy.ru/index.php?newsid=1277>; *Борисполец К.П.* Указ. соч. С. 314 (сноска).

¹⁷ Выступление Чрезвычайного и Полномочного Посла КНР в РФ Ли Хуэя в ИДВ РАН 28.09.2015 г. URL: <http://orkd.ifes-ras.ru/index.php?mact=News,cntnt01,detail,0&cntnt01articleid=200&cntnt01origid=15&cntnt01returnid=15>

¹⁸ *Yiping, Huang*. Op. cit.

¹⁹ China's external debt at \$1.68 trillion in June. URL: <http://www.marketwatch.com/story/chinas-external-debt-at-168-trillion-in-june-2015-09-30>

²⁰ *Коркунов И.* Китай на пути интеграции в глобальную экономику. URL: http://vasilievaa.narod.ru/7_5_03.htm

²¹ Там же.

²² *Нуракшиева М.* МЕР USAID. Макроэкономический Проект USAID Опыт членства Китая в ВТО. Сентябрь 2015. С. 16—17.

²³ *Yiping, Huang*. Op. cit.

²⁴ Цит. по: URL: <http://foreignpolicy.com/2014/09/25/is-china-still-a-developing-country/>

²⁵ Contemporary International Relations. Beijing, 2000. № 11. P. 2; Wu Hongying, Dao Shulin. China vs. the Third World// Contemporary International Relations. Beijing, 2001. № 9. P. 7—8.

²⁶ *Kaneda, Hideaki*. Op. cit.

²⁷ Азия и Африка сегодня. 2012. № 5. С. 2.

²⁸ *Тан Шунин*. Указ. соч. С. 36.

²⁹ China's African Policy. January 2006. URL: <http://www.focac.org/eng/zt/zgdfzzcwj/t230479.htm>

³⁰ Beijing Review. 1998. № 52. P. 8.

³¹ См., например: Официальный сайт МИД КНР. URL: <http://www.fmprc.gov.cn/rus/xwfw/fyrth/lxjzhzhdh/t1132381.shtml>

³² *Heath, Timothy*. China's Big Diplomacy Shift. URL: <http://thediplomat.com/2014/12/chinas-big-diplomacy-shift/>, а также: URL: <http://praa.org/?p=17462>

³³ Цит. по: *Сафронова Е.И.* КНР и развивающиеся страны // Китайская Народная Республика: политика, экономика, культура. 1998. М., 2000. С. 203.

³⁴ РИА-Новости. URL: <http://ria.ru/analytics/20150306/1051257093.html#ixzz3sF5isblk>; Официальный сайт Посольства КНР в РФ. Интервью Чрезвычайного и Полномочного посла КНР в РФ г-на Ли Хуэя «Независимой газете». URL: <http://ru.china-embassy.org/rus/gdxw/t1278488.htm>

³⁵ Сайт посольства КНР в Беларуси. URL: <http://by.china-embassy.org/rus/zt/zfbps/t868717.htm>

³⁶ Азия и Африка сегодня. 2012. № 5. С. 3.

³⁷ Официальный сайт МИД КНР. URL: <http://www.fmprc.gov.cn/rus/xwfw/fyrth/lxjzhzhdh/t1218276.shtml>; Китай обещает бороться с изменениями климата. URL: http://www.bbc.com/ukrainian/ukraine_in_russian/2014/09/140924_ru_s_china_climate

³⁸ *Stone Fish, Isaac*. Op. cit.

³⁹ *Yiping Huang*. Op. cit.

⁴⁰ URL: <http://foreignpolicy.com/2014/09/25/is-china-still-a-developing-country/>

⁴¹ Официальный сайт Посольства КНР в РФ. Интервью Чрезвычайного и Полномочного посла КНР в РФ г-на Ли Хуэя «Независимой газете». URL: <http://ru.china-embassy.org/rus/gdxw/t1278488.htm>

⁴² Экономика Африки в условиях рыночных преобразований / отв. ред. И.О. Абрамова, Е.В. Морозенская. М., 2010. С. 26.

⁴³ Характеристики формирующейся рыночной экономики стран Африки. URL: <http://www.webeconomy.ru/index.php?page=cat&newsid=1161&type=news>

⁴⁴ *Reem Heakal*. What Is An Emerging Market Economy? // Investopedia. URL: <http://www.investopedia.com/articles/03/073003.asp#ixzz4AQHas7lb>

⁴⁵ Definition of emerging markets. URL: <http://lexicon.ft.com/Term?term=emerging-markets>

⁴⁶ What Are Emerging Markets? 5 Defining Characteristics. URL: http://useconomy.about.com/od/glossary/g/emerging_market.htm

⁴⁷ *Reem Heakal*. Op. cit.

⁴⁸ URL: <http://www.investopedia.com/articles/03/073003.asp#ixzz4AQHas7lb>

⁴⁹ *Khanna, Tarun & Palepu Krishna G.* How To Define Emerging Markets. URL: <http://www.forbes.com/2010/05/27/winning-in-emerging-markets-opinions-book-excerpts-khanna-palepu.html>

⁵⁰ Emerging Markets. URL: http://www.hedgefund-index.com/d_emerging.asp;
https://en.wikipedia.org/wiki/BRIMC#The_BRIC_term

⁵¹ URL: <http://q-trading.ru/index.php/dictionary/119-e/189-dictionary-emerging-market.html>

⁵² URL: http://useconomy.about.com/od/glossary/g/emerging_market.htm

⁵³ Ibidem.

⁵⁴ *Мальшева Д.* Развивающиеся страны в меняющемся мире. URL: <http://svo.m.info/entry/268-razvivayushiesya-strany-v-menyayushemsya-mire>

⁵⁵ World Bank Country and Lending Groups. URL: <https://datahelpdesk.worldbank.org/knowledgebase/articles/906519>

⁵⁶ Финансовый глоссарий. URL: http://financial_glossary.academic.ru/319

⁵⁷ Данные страновых и международных статистических агентств.

⁵⁸ URL: http://useconomy.about.com/od/glossary/g/emerging_market.htm

⁵⁹ Ibidem.

⁶⁰ URL: <http://spbu.ru/news-spsu/23615-professor-nemetskogo-instituta-globalnykh-i-regionalnykh-issledovaniy-r-kappel-prochital-v-spbgu-lektsiyu-o-voskhodyashchikh-derzhavakh> (кэш-страница).

⁶¹ Финансовый глоссарий. URL: http://financial_glossary.academic.ru/319

⁶² Интервью Председателя Китайской Народной Республики Си Цзиньпина перед первым государственным визитом в качестве главы КНР в Казахстан. URL: http://www.inform.kz/ru/kitay-krupneyshiy-torgovyy-partner-kazahstana-a-kazahstan-zanimaet-vtoroe-mesto-sredi-torgovykh-partnerov-kitaya-v-regione-sng-predsedatel- knr-si-czin-pin_a2586319

⁶³ *Сафронова Е.И.* Китай и «третий мир»: брак по расчету // Азия и Африка сегодня. 2012. № 5. С. 3.

⁶⁴ *Дэн Сяопин.* Избранное. В 3 т. Внешняя политика Китая. URL: http://russian.china.org.cn/china/archive/dxp/txt/2004-08/13/content_2126185.htm

⁶⁵ Подробнее см.: *Бажанов Е.* Запутанный треугольник Россия—Китай—США. URL: <http://www.inosmi.ru/foreast/20100725/161548909.html>

Заключение

ВЫВОДЫ И ОБОБЩЕНИЯ

Как бы то ни было, но КНР постоянно подтверждает свою принадлежность «семье развивающихся стран».

При первом приближении существует соблазн объяснить это тем, что несмотря на обретение 35 лет назад действенной модели социально-экономического развития, которая к тому же проявляет способность к самосовершенствованию¹, достижение высоких в абсолютном выражении экономических показателей, обеспечение таких темпов прироста ВВП, которые могут стимулировать перспективные программы социального и хозяйственного роста, а также создание основ экономического механизма саморазвития, КНР *с экономических позиций* справедливо идентифицирует себя в качестве развивающейся страны (указанные в гл. II критерии 1—6, 8, отчасти 9 и положения раздела 5.1 служат иллюстрацией этому). Посему причисление Китая к развивающемуся миру имеет место не только ввиду причин конъюнктурно-политического свойства, но отражает действительное положение вещей.

Однако при более пристальном рассмотрении вопроса становится понятным, что основная причина притязаний Китая на статус «развивающейся страны» — это не только стремление проявить объективистскую скромность в дефиниции своего геополитического положения и использовать этот статус во благо внутренних и внешних интересов. Это и намерение сохранить исторически сложившийся круг партнеров, формирование которого началось еще в 1950-х — 1960-х годах, несмотря на весь драматизм наблюдавшейся тогда в КНР ситуации.

Китай учел то обстоятельство, что лидерство глобального уровня не достигается в одиночку. Любому мировому силовому «узлу» необходима поддерживающая среда, государства-сателлиты. Руководство КНР еще в 1970-е—1980-е годы осознало, что к лидерству на региональной и/или глобальной арене надо идти со своей «командой», в окружении партнеров и контрагентов, сотрудничество с которыми освящено временем, обычаем и общностью не одного лишь экономического свойства. Развиваясь сам, Китай одновременно стал культури-

вировать и внешнюю партнерскую среду, причем делая это целеустремленно и последовательно².

На протяжении десятилетий КНР приучала своих партнеров из РМ (составляющих большинство в ООН) к мысли о том, что всю эту группу государств связывают особые узы — узы сходства текущих задач по модернизации и оптимизации экономического развития. Тем самым подтверждалась идея Пекина об «общности исторических судеб», «аналогичности исторического опыта» и совпадение задач народов Китая и РМ в борьбе за мир, развитие и новый международный порядок, против «гегемонистского вмешательства и контроля».

Китай дорожил и дорожит своими отношениями с развивающимися странами еще и потому, что на фоне менее развитых стран КНР легче проявить свои политико-экономические преимущества и лидерские качества, а также доказывать действенность китайской модели социально-экономического развития. К тому же государства, входящие в круг признанных лидеров мирового сообщества, крайне ревниво относятся к каждому новому претенденту на ранг великой державы или нового мирового «узла» экономического влияния.

Благодаря ряду характеристик развитой страны, КНР получила признание со стороны РМ в качестве естественного, органичного лидера развивающихся стран: им показалась конструктивной идея Пекина о том, что КНР является главным защитником РМ на международной арене, поскольку все его беды и заботы Китаю близки и понятны.

С 1980-х — 1990-х годов Пекин стал регулярно призывать развитые страны выполнить их обещания по содействию развивающимся государствам, увеличить объемы официальной «помощи развитию» и прямых инвестиций, принять реальные меры по облегчению долговой проблемы и улучшению условий торговли для стран РМ. В развивающемся мире нашло благоприятный отклик и то пафосное обстоятельство, что КНР усмотрела в нем некий «противовес гегемонии США»³.

С 1990-х годов Пекин стал отводить развивающемуся миру роль мощного резерва и действенного фактора в формировании многополюсного миропорядка. В качестве широкого поля для кооперации Китая и остального РМ было названо сотрудничество по вопросам прав человека, разоружения, реформирования ООН, защиты окружающей среды, свободы торговли, международных финансов, морского права и т. д.

Пекин учел и то, что развивающийся мир обладает богатейшими, столь необходимыми КНР ресурсами. Так, страны «черной» Африки располагают крупнейшими запасами нефти, цветных металлов и редкоземельных элементов, а в Китае, как ожидается, к 2020 г. остро ска-

жется нехватка хрома, марганца, бокситов, платины, урана, а главное — нефти. В свою очередь, государства РМ стали обширными рынками сбыта китайских техники и технологий вспомогательного уровня. На рубеже веков Китай интенсифицировал работу по созданию совместных предприятий в странах Латинской Америки и Юго-Восточной Азии — наиболее экономически успешных регионах РМ⁴.

В связи с вышеизложенным, видится немаловажным отметить следующее⁵:

1. Сотрудничество КНР с развивающимся миром являет собой самостоятельное, зрелое и при этом — обращенное в будущее направление китайской внешней политики, отличающееся гибкостью в расстановке приоритетов (от идеологических в 1950-х — 1960-х годах, мирохозяйственных с 1980-х годов и до геополитических и геоэкономических с 2010-х годов).

2. Педальруя свой статус «развивающейся страны», КНР однозначно подтверждает сделанный ею выбор «ближнего круга поддержки».

3. Немалое значение для КНР сотрудничества с РМ заключается в том, что оно являет собой средство и этап на пути достижения Китаем признанного глобального лидерства, ценность коего для Пекина обусловлена особенностями китайского государственного менталитета. Уже можно сказать, что политико-экономическое лидерство КНР в развивающемся мире — как промежуточная ступенька на пути обретения лидерства общемирового — не только достигнуто, но и признано. Внешнеполитическое преимущество для Китая состоит здесь в том, что для развивающихся стран такой лидер является «своим», вызревшим в самом «чреве» развивающегося мира и посему пользующимся большим доверием.

4. В диалоге с РМ Пекин практически со времени своего вступления в ООН исходит из установки на взаимную поддержку и необходимость унификации позиций по различным мировым и региональным проблемам. И в отношении большинства развивающихся государств хотя бы на декларативном уровне Китаю это удается.

5. КНР обрела искусство оперативно использовать в своих интересах новые мировые тенденции и явления. Следует согласиться с мнением российского исследователя А.В. Виноградова, полагающего, что после радикальной ломки системы МО в 1991 г. во многих регионах мира, в частности Латинской Америки и Южной Африке, начались процессы региональной консолидации не только на экономической, но и на цивилизационной основе⁶. Думается, что Китай сумел извлечь пользу из этого обстоятельства, давшего ему «готовую» базу

для создания структур взаимодействия с РМ уже не в двустороннем, а в межрегиональном и межорганизационном форматах.

Так, в 1993 г. КНР была принята в Межамериканский банк развития, соответственно в 1993 г. и 1994 гг. — стала наблюдателем при Экономической комиссии ООН для Латинской Америки и Карибского бассейна (*CEPAL*) и при Латиноамериканской ассоциации интеграции (*ALADI*); установила официальные отношения с интеграционными региональными группировками Общий рынок Южной Америки (*MERCOSUR*), Андское сообщество наций (*Comunidad andina, CA*) и Карибское сообщество (*CARICOM*)⁷. Далее — в 2000 г. был основан форум «Китай-Африка», в 2005 г. — «Китай-Карибы», в 2007 г. — ежегодный институт совещаний предпринимателей «Китай — государства Латинской Америки» и уже совсем недавно — форум «Китай — CELAC (*Comunidad de Estados Latinoamericanos y Caribeños/Сообщество стран Латинской Америки и Карибского бассейна* — формирующийся региональный блок, основанный 23 февраля 2010 г. во время совместного саммита Группы Рио и Карибского сообщества).

Китай также не оставлял своим вниманием и межрегиональные кооперационные структуры с участием развивающихся стран. Так, в 2000-х годах Китай начал участвовать в работе Форума *Восточная Азия — Латинская Америка (FEALAC)*, где обсуждаются вопросы, связанные с международным финансовым кризисом, защитой окружающей среды, долговременным поступательным развитием и др. Китайская сторона всегда проявляла интерес к деятельности этого форума и выступала организатором ряда его мероприятий⁸.

6. На рубеже веков, когда соперничество КНР и США в международной жизни приняло очевидный характер, Пекин стал придавать сотрудничеству с РМ (на двустороннем и многостороннем уровнях) значение не только механизма формирования многополярной системы международных отношений, но и средства противостояния «вестернизации», то есть тем процессам глобализации, которые навязываются Западом.

Расширение присутствия КНР в развивающихся сегментах мира стало рассматриваться Китаем как некий паллиатив сдерживания США хотя бы на региональном уровне, поскольку маневровое пространство Вашингтона оказывалось ограниченным активностью другого международного «игрока». Можно сказать, что взаимодействие с РМ приобрело для Пекина значение аргумента в его диалоге с Западом.

7. Диалог с развивающимися странами был призван также минимизировать риски политической и экономической изоляции КНР со

стороны западных держав, поскольку он способствует созданию в лице РМ международных «сквозных коридоров» и «транзитных» пространств, пригодных для использования Китаем. Нарастивая свое взаимодействие с государствами «глобального Юга», Пекин стремился обеспечить благожелательное или хотя бы нейтральное отношение последних к своим довольно-таки агрессивным попыткам получить доступ к сырьевым, минеральным и энергетическим ресурсам и рынкам по всему миру.

8. С 1980-х годов китайская сторона настойчиво подтверждает тезис о взаимодополняемости экономик развивающихся стран и КНР, создающей базу для обмена и сотрудничества. Этот тезис стал протоидеологической основой взаимодействия на рубеже двух веков.

Китай старается подвести под взаимные связи с РМ надежную, экономически оправданную базу — фундамент для диалога на длительную перспективу. В КНР полагают, что в экономическом плане развивающийся мир, состоящий из 160 стран с населением более 5 млрд человек, является перспективнейшим рынком, а также выгодной инвестиционной сферой. (Например, в Африке средняя норма прибыли от капиталовложений является самой высокой в мире⁹.) Если в 1960-х — 1980-х годах Китай, преследуя цель укрепления своих политических позиций в РМ, часто шел на убытки в торгово-экономическом сотрудничестве с ним, то с 1990-х гг. он прокламирует стремление к равноправному *со-развитию* всех государств «Юга» (в том числе и КНР) на основе взаимовыгодности и конструктивного прагматизма.

Китай научился не ждать урегулирования внутреннего положения в беспокойных странах РМ — он активно работает в условиях нестабильности. После «ухода» из Африки распавшегося СССР, КНР стала первой страной, начавшей активно инвестировать в высокорискованную инфраструктурную сферу стран континента: США, например, создает на континенте экстерриториальные предприятия добывающей промышленности, которые не попадают под юрисдикцию страны-реципиента. Подобные предприятия выгодны США, но не местной экономике¹⁰.

9. С 1980-х годов Китай умело использует такой действенный механизм политического влияния, как «индивидуальные» дипломатические, военные и торгово-экономические отношения с каждой развивающейся страной-партнером. Пекин часто использует канал личных контактов своих лидеров с властителями стран РМ, что вызывает позитивную эмоциональную реакцию особенно у африканских руководителей.

10. Именно в РМ находят наибольший отклик успехи китайской общественной модели (политический авторитаризм плюс экономическая открытость внешнему миру) как образца по обеспечению экономического роста и преодолению бедности. Некоторые африканские руководители открыто говорят о своем намерении «ориентироваться на Восток».

Китайские дипломаты всячески (и успешно) стараются поддержать то мнение, что экспорт в РМ дешевой продукции из КНР имеет важное социальное значение, поскольку он способствует ликвидации нищеты в странах «глобального Юга». Можно сказать, что политическая задача Китая в развивающемся мире состоит в продвижении на практике его социально-экономического опыта.

Торгово-экономические отношения КНР с РМ осуществляются не только по линии ее (многочисленных) госкомпаний, но весьма активно — китайскими частными фирмами, поддерживаемыми государством. К концу 2010-х годов в одной только Африке действовали 900 частных предпринимательских единиц из Китая. Пекин побуждает частные фирмы инвестировать в РМ, обещая им налоговые и кредитные льготы.

Китай обуславливает осуществление им того или иного важного экономического проекта в развивающихся странах необходимостью привлечения именно китайской рабочей силы. Политика Пекина по экспорту рабочей силы за рубеж уже стал механизмом «китаизации» местных общин в принимающих странах. (По некоторым данным, в Африке сейчас трудятся свыше 600 тыс. китайских граждан¹¹, и, как известно, китайское лобби обладает немалой эффективностью при продвижении нужных Пекину инициатив.)

С 1990-х годов создание совместных предприятий в РМ стало расцениваться Пекином как механизм кооперации по линии «Юг—Юг». По нашим оценкам, в первом десятилетии нового века в развивающихся странах функционировало более 5 тыс. подобных СП (в ЛА, Африке и Азии).

Создание СП стало долгосрочной экономической политикой КНР относительно развивающихся государств. Оно обеспечивает Пекину постоянное экономическое присутствие в стране-«реципиенте», позволяет снизить транспортные расходы на доставку производственных компонентов, извлечь выгоду из дешевизны местной рабочей силы (особенно в Африке) и нейтрализовать ограниченность коммерческих возможностей принимающих государств.

11. Особенно интенсивно Китай стал наращивать свое хозяйственное присутствие в Африке, пользуясь тем, что континент «выпал» в 1990-х годах из поля внимания «сильных мира сего» и донныне остро нуждается в экономической модернизации и международном сотрудничестве. Свидетельством высокой значимости африканского направления для внешней политики КНР стало принятие правительством КНР документа «Африканская политика Китая» 2006 г., содержащего перечень основных принципов и направлений курса КНР на африканском континенте. Следует подчеркнуть, что Африка — это единственный регион РМ, в отношении которого правительством КНР была разработана подробная концепция многостороннего и долгосрочного курса.

12. С ростом потенциала Китая стали обостряться его экономические и даже политические противоречия с рядом развивающихся государств. Однако Пекин внимательно отслеживает факты возникновения проблем в его связях с развивающимся миром и прилагает действенные политические и финансово-экономические усилия для их ликвидации¹².

13. Китай с конца 1990-х — начала «нулевых» годов XXI в. прилагает удвоенные усилия по сохранению своих «завоеваний» в РМ, ибо ведущие страны Запада интенсифицировали активность по восстановлению их позиций в регионах «Юга». Старания Пекина, особенно в Африке и Латинской Америке, подстегиваются и тем, что в последнее время попытки по сближению с ними активизирует и другой азиатский гигант, давний конкурент Китая на мировой и региональной арене — Индия.

14. И КНР, и «глобальный Юг» заинтересованы в партнерстве по многим мировым проблемам, и эта взаимная заинтересованность создает предпосылку для политико-экономического сотрудничества КНР и РМ как на двустороннем, так и многостороннем уровнях.

Думается, что поступательная динамика контактов Китая с развивающимися государствами сохранится, как минимум, на среднесрочную перспективу. Ибо пока Китай не станет общемировым лидером, способным составить самостоятельный, полноценный «полюс» международных отношений, партнерство РМ будет представлять для него немалую политико-экономическую ценность.

* * *

В заключение видится небесполезным провести хотя бы лапидарное сравнение положения КНР и России в развивающемся мире, сложившееся на начало XXI в.¹³

И в Москве, и в Пекине осознают, что без участия развивающихся государств попытки формирования устойчивой и целостной системы международных отношений являются не только малоэффективными, но просто нелогичными. РМ перестает быть «задворками» планеты. В КНР еще 65 лет назад поняли значимость диалога с развивающимися странами; осознание этой значимости восстанавливается в России уже на иной, «деидеологизированной» основе.

Надо констатировать, что перед КНР, с ее однозначной принадлежностью Азии и потому лишенной колебаний касательно своих цивилизационно-географических предпочтений, не стоит дилемма «Восток или Запад», «Север или Юг», что значительно облегчает ей задачу обустройства своих геостратегических позиций¹⁴. Китаю здесь «повезло» больше, чем России, которая продолжает нелегкий поиск международных союзников.

Россия находится в худшем положении, чем Китай, в плане ее отношений с РМ еще и потому, что КНР никогда, даже в самые трудные годы, надолго не «уходила» из развивающегося мира. А вот Россия допустила в начале 1990-х годов серьезную ошибку, свернув контакты с РМ практически по всем направлениям. Особенно пострадали ориентированные на СССР африканские государства, даже те, которые имели с Советским Союзом договоры о дружбе и сотрудничестве¹⁵.

С середины 1990-х годов России пришлось выстраивать свои контакты с РМ, «обрушившиеся» в начале десятилетия, практически заново, ибо РФ выступала уже в качестве государства совсем иной социальной ориентации. 1996—2000 гг. были связаны с поисками оптимального соотношения российских приоритетов на мировой арене, а также попытками преодоления ошибок «вульгарно прозападной ориентации внешней политики¹⁶». Этот период характеризовался началом гармонизации внешнеполитических целей страны с экономическими возможностями для их достижения, постепенной активизацией разностороннего диалога с государствами развивающегося мира.

На конец 1990-х годов приходится рост торгово-экономического взаимодействия РФ со странами Африки и не только по экспорту, но и по импорту, при сохранении для России положительного сальдо торгового баланса. Началось восстановление партнерства в традиционных отраслях российско-африканского сотрудничества, включая добычу и переработку нефти и газа, строительство гидротехнических объектов, транспорт, рыболовство. Были заключены картельные соглашения в случае экспорта идентичной продукции (алмазов). Тогда

же были созданы десятки российско-африканских совместных предприятий.

Современный период отношений РФ с развивающимися государствами (с 2000 г.) связан с процессами внутренней стабилизации в России и более четкой артикуляцией государственных интересов страны на международной арене. Внешнеполитический курс РФ приобрел более прагматичный, экономически обусловленный, но и высокостатусный характер.

В диалоге с РМ на первый план вышли отношения с его наиболее политически и экономически развитыми «секторами» и государствами. Так, между Россией и латиноамериканскими странами идет наращивание политического сотрудничества и кооперации в торгово-экономической, научно-технической, военно-технической и других областях. Этот процесс поддерживается активизацией делегационного обмена на самом высоком уровне.

Важной задачей в развитии российско-африканских экономических связей стало приведение их уровня в соответствие с уровнем политического диалога. Для этого ведется работа по эффективизации деятельности межправительственных комиссий по торгово-экономическому и научно-техническому сотрудничеству¹⁷, включающему реализацию совместных проектов в области добычи природных ископаемых, топливно-энергетического комплекса, поставок российской продукции, а также в сфере здравоохранения, образования и культуры. Восстановлена добыча с участием российских структур африканских бокситов. Важность этого события иллюстрируется тем, что в советский период на гвинейских бокситах работало от 66 до 75 % алюминиевой промышленности СССР¹⁸.

Многообещающей сферой российско-африканских отношений остается военно-техническое сотрудничество (в зависимости от наименования, к началу XXI в. доля советского вооружения составляла от 35 до 70 % африканского импорта оружия¹⁹). По нашим оценкам, эти цифры справедливы и сейчас).

Однако ведущее положение на африканских рынках оружия уже заняли Великобритания, Франция, США, Германия и Китай. Помимо собственной продукции, КНР продает странам Африки советские военные артикулы, уже снятые с производства в РФ, а также их модификации (Китай выпускает наиболее востребованные в РМ вооружения советского образца, а также запчасти к ним). Тем не менее, заинтересованность в закупках российских вооружений и авиатехники по-прежнему велика в Латинской Америке, в Африке и на Ближнем Востоке²⁰.

Ввиду особенностей современного развития РФ, которое, думается, можно определить как «контрастное», позиции России в РМ также имеют особую специфику. РФ, как и Китай, по ряду параметров и признаков еще можно сопоставить с высшим эшелонem государств «Юга». В этой обстановке Россия и развивающиеся страны (включая КНР) стоят перед аналогичными задачами социально-экономической модернизации на основе рыночных реформ, имеют ряд сходных интересов на мировой арене, что, в принципе, способно создать дополнительные условия для взаимопонимания и партнерства.

В ситуации, усугубленной антироссийскими санкциями, расширение политико-экономических связей с РМ обладает для России особым значением. Для реального восстановления позиций великой державы, РФ необходимо такое обширное мировое пространство, в котором наша страна выступала бы не как «сырьевой придаток», «вероятный противник» и вечная «угроза демократии», а самостоятельная, созидательная сила. После пертурбаций последних 25 лет новая Россия (как пока и Китай) наиболее полно может проявить свои лидерские качества только в среде не самых развитых стран Земли. Поэтому возрождение кооперации с РМ — это не просто экономически выверенный шаг, но и возможность для России создать свою «корпоративную среду», особый ненасильственный режим, альтернативный «экономической диктатуре Америки и культурной экспансии Европы»²¹.

Поскольку Китай уже немало преуспел в создании такой среды для себя, то восстановление присутствия России в развивающемся мире, видимо, будет сопряжено с дополнительными трудностями в виде соперничества с КНР за ареалы влияния. Это соперничество уже проявляется в Центральной Азии — традиционной зоне интересов России и особым регионом развивающегося мира²².

Причины *экономической* заинтересованности в диалоге с развивающимися странами у России и Китая аналогичны. В обеих странах понимают значение природных ресурсов РМ. Для России значима возможность экспорта продукции обрабатывающей промышленности, машинотехнических изделий и некоторых технологических разработок, которые востребованы на хозяйственно «подготовленных» и платежеспособных рынках ряда стран «Юга» (НИС Латинской Америки, ЮВА и Ближнего Востока), но не находят сбыта на Западе.

Импорт из стран РМ содействует решению задач продовольственного и сырьевого снабжения России и КНР. По-видимому, целесообразно поощрять частный российский бизнес, даже средний и малый, к сотрудничеству с развивающимся миром, предоставляя ему госу-

дарственные гарантии хотя бы в сфере юридического обеспечения (коль нет возможности дать гарантии безопасности в финансово-кредитной и налоговой сферах).

Следует использовать и то преимущество, что по сравнению с китайскими корпорациями, действующими в природоресурсной сфере, российские нефтяные компании имеют комплексный, многовекторный характер. Одна и та же компания способна осуществлять и разведку, и добычу, и переработку природных ресурсов, что способно дать ей дополнительную «фору» в соперничестве с более специализированными корпорациями из КНР. Для удачного внедрения российских компаний в экономику РМ следует учесть ошибки китайского бизнеса в развивающейся зоне: это принесет дополнительную выгоду российским предпринимателям и благотворно скажется на имидже России в среде мирового «Юга».

Поскольку Китаю в начале 1990-х годов по-своему удалось заполнить политико-экономический «вакуум» в развивающемся мире после ухода отсюда сверхдержав, то теперь «потеснить» его с занятых позиций стало весьма трудно (если вообще возможно). КНР обладает не только большими финансовыми возможностями для экономической экспансии в РМ, но и политической волей к этому, а также концептуальной базой в виде постоянно эволюционирующего тезиса об историческом единстве или сходстве судеб Китая и мирового «Юга».

У России нет концептуального обоснования ее возвращения в развивающийся мир, способного эффективно работать на ее позиции. Во многом России пока нечем ответить на успехи Китая в развивающихся странах. Однако можно усмотреть и позитивную сторону внедрения КНР в Африку и Латинскую Америку, если представить его как новое весомое усилие Китая по «мультиполяризации» международных отношений, которая приветствуется не только развивающимся миром, но и РФ.

Примечания

¹ Подробнее см.: *Борох О.Н.* Новые экономические концепции китайского руководства // Китайская Народная Республика: политика, экономика, культура. 2014—2015. М.: ИД «ФОРУМ», 2016. С. 88—94.

² См.: *Сафронова Е.И.* Отношения КНР с развивающимися странами и формирование нового мирового экономического порядка // Китай в мировой политике / отв. ред.-сост. А.Д. Воскресенский. М.: МГИМО(У), РОССПЭН, 2001. С. 419.

³ Сафронова Е.И. КНР, «третий мир» и имидж России в Китае // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. Вып. XIII (специальный). М.: ИДВ РАН, 2008. С. 198.

⁴ КНР: политика, экономика, культура в 2003. С. 275—278.

⁵ Здесь и далее см. подробнее: Сафронова Е.И. Отношения КНР с развивающимися странами и формирование... С. 418—419, 423—426.

⁶ Виноградов А.В. Указ. соч. С. 62.

⁷ Яковлев П. URL: <http://www.perspektivy.info/print.php?ID=67279>

⁸ См., в частности: Жэньминь жибао On-line. URL: <http://russian.people.com.cn/31521/6869564.html>

⁹ Китай в мировой и региональной политике. История и современность. Вып. XII. М.: ИДВ РАН, 2007. С. 115.

¹⁰ Там же.

¹¹ URL: <https://lenta.ru/articles/2014/12/15/africa/>

¹² Коммерсантъ. 31.01.2007.

¹³ Подробнее см.: Сафронова Е.И. Россия, Китай и «третий мир» на рубеже веков: возможно ли «второе дыхание» отношений? // Российско-китайские отношения. Состояние, перспективы. М.: ИДВ РАН, 2005. С. 204—228.

¹⁴ Подробнее: Китай в мировой политике. М.: МГИМО(У); РОССПЭН, 2001. С. 417—420.

¹⁵ См. Внешняя политика Российской Федерации. 1992—1999. М.: МГИМО(У); РОССПЭН, 2000. С. 314.

¹⁶ Давыдов В.М. Латинская Америка в мировой системе // Современные международные отношения и мировая политика / отв. ред. А.В. Торкунов. М.: Просвещение; МГИМО, 2004. С. 466.

¹⁷ С ЮАР, Гвинеей, Анголой, Намибией, Нигерией и Эфиопией.

¹⁸ Современные международные отношения и мировая политика / отв. ред. А.В. Торкунов. М.: Просвещение; МГИМО, 2004. С. 936; Поляков А. В чем заключаются национальные интересы России в Африке? // МФ «Адекс». 2003. № 3 (май—июнь).

¹⁹ Внешняя политика Российской Федерации... С. 326.

²⁰ Подробнее см., в частности: Сафронова Е.И. Россия, Китай и «третий мир» на рубеже веков... С. 224—228.

²¹ См.: Никольский С. Россия в Африке: возможно ли такое? URL: <http://his.1september.ru/article.php?ID=200101405>

²² Сафронова Е.И. Россия, Китай и «третий мир» на рубеже веков... С. 226.

Список использованных источников и литературы

Официальные и документальные материалы

1. IX Всекитайский съезд Коммунистической партии Китая. Документы. Пекин: Изд-во литературы на иностр. яз., 1969.
2. X Всекитайский съезд Коммунистической партии Китая. Отчётный доклад (документы). Пекин: Изд-во литературы на иностр. яз., 1973.
3. XII Всекитайский съезд Коммунистической партии Китая: Документы. Пекин: Изд-во литературы на иностр. яз., 1982.
4. XVII съезд КПК. Официальные документы: Политический доклад ЦК и Устав партии / Экспресс-информация. № 11. М.: ИДВ РАН, 2007.
5. Белая книга: Мирный путь развития Китая // Жэньминь жибао он-лайн. URL: <http://russian.people.com.cn/31521/3965733.html>
6. Всемирный доклад Human Rights Watch — 2006. URL: <http://www.hrw.org/russian/reports/2006/world/intro.html>
7. Выступление Ху Цзиньтао на встрече лидеров «Большой восьмерки» с руководителями развивающихся стран (08.06.2007 г., Хайлигендамм, ФРГ). URL: www.chinaembassy-canada.org/rus/wjdt/zyjh/t330306.htm
8. Выступление Чрезвычайного и Полномочного Посла КНР в РФ Ли Хуэя в ИДВ РАН 28.09.2015 г. URL: <http://orkd.ifes-ras.ru/index.php?mact=News,cntnt01,de tail,0&cntnt01articleid=200&cntnt01origid=15&cntnt01returnid=15>
9. Дипломатические контакты Китая. URL: <http://russian.cri.cn/chinaabc/chapter4/chapter40101.htm>
10. Доклад Ху Цзиньтао на XVII съезде КПК «Высоко неся великое знамя социализма с китайской спецификой, бороться за новую победу в деле полного построения среднезажиточного общества» // Жэньминь жибао Он-Лайн. URL: <http://russian.people.com.cn/31521/6290591.html>
11. Доклад Ху Цзиньтао на XVIII съезде Коммунистической Партии Китая URL: <http://ua.china-embassy.org/rus/xwdt/P020121228789374643581.pdf> и Жэньминь жибао Он-Лайн URL: <http://russian.people.com.cn/31521/8023974.html>
12. *Дэн Сяопин*. Внешняя политика Китая (Выдержки из избранных произведений). URL: http://russian.china.org.cn/china/archive/dxp/txt/2004-08/13/content_2126185.htm

13. *Мао Цзэдун*. Выдержки из произведений. Пекин: Изд-во лит-ры на иностр. яз., 1977. 85 с.
14. *Мао Цзэдун*. Избранные произведения. Пекин, 1964 г. Т. 4. С. 116.
15. Resolution on India, Russia, China Strategic Triangle. Приложение к информационному письму Посольства РФ в Индии от 28 декабря 1999 г.
16. *Castro, Fidel*. Nuestra lucha es la de America Latina y el Tercer mundo. Entrevista concedida al periodico El Dia de Mexico, el 8 de Junio de 1985. La Habana: Oficina de Publicaciones del Consejo de Estado, 1985. 26 p.
17. China's African Policy. January 2006. Документ правительства КНР. URL: http://english.people.com.cn/200601/12/print20060112_234894.html и URL: <http://www.focac.org/eng/zt/zgdfzccwj/t230479.htm>
18. Cooperation Plan (2015—2019) // China-CELAC Forum. 23.01.2015. URL: http://www.chinacelacforum.org/eng/zywj_3/t1230944.htm
19. Declaração dos BRIC em Brasília (em inglês)// O Globo (Rio de Janeiro). 16.04.2010.
20. Estudio Economico de America Latina y el Caribe. Santiago: Naciones Unidas CEPAL, 2010. P. 38.
21. Strengthening the Weakest Link: A Review of Certain Aspects of South-South Trade and Finance / UNCTAD. NY, 1986. IV. 57 p.
22. *Tang Jiaxuan*. Opportunities Overweigh Challenges, Hopes Outnumber Difficulties. Пресс-релиз МИД КНР. 1999 г.

Справочники

23. «Россия—ШОС». Справочник ПОЛПРЕД. Том IV. М.: Российско-китайский Центр торгово-экономического сотрудничества; МЭРТ, Совет послов; Асс-ция поддержки инвестиций и торговли, 2006. 176 с.
24. Китайская Народная Республика: политика, экономика, культура. М.: ИДВ РАН. Выпуски за 2000—2015 гг.

На китайском языке

25. Чжунго тунци няньзянь : [Статистический ежегодник Китая]. Бэйцзин: Чжунго тунци чубаньшэ. Выпуски за 2005—2010 гг.

На английском языке

26. China Commerce Yearbook. Beijing: China Foreign Economic Relations & Trade Publishing House. Отдельные выпуски за 2005—2010 гг.
27. Environmental Statistics in Central Asia: Progress and Prospects / Ballance R., Bishnu D.Pant / Asian Development Bank. Manila, 2003. March. 49 p.
28. Key Indicators of Developing Asian and Pacific Countries /Asian Development Bank. Manila, 2002. Volume XXXIII. 503+xii p.
29. World Bank Country and Lending Groups. URL: <https://datahelpdesk.worldbank.org/knowledgebase/articles/906519>
30. WTO. International Trade Statistics, 2006. Geneva, 2006. xiv+258 p.

Литература и ресурсы

На русском языке

31. *Абрамова И.О.* Развивающиеся страны в мировой экономике XXI века: формирование новой архитектуры международных экономических отношений // Проблемы современной экономики. 2011. № 1. С. 70—75.
32. *Бажанов Е.* Запутанный треугольник Россия—Китай—США. URL: <http://www.inosmi.ru/fareast/20100725/161548909.html>
33. *Боршшполец К.П.* Разрыв между Севером и Югом / Современные международные отношения и мировая политика / отв. ред. А.В. Торкунов. М.: Просвещение; МГИМО, 2004. С. 215—230.
34. *Борох О., Ломанов А.* Скромное обаяние Китая. URL: <http://www.polit.ru/research/2008/04/07/china.html>
35. *Борох О.Н.* Новые экономические концепции китайского руководства// Китайская Народная Республика: политика, экономика, культура. 2014—2015. М.: ИД «Форум», 2016. С. 88—94.
36. *Брагина Е.А.* Теневая занятость в экономике стран Юга как вызов развития // «Третий мир»: спустя полстолетия / отв. ред. В.Г. Хорос, Д.Б. Малышева. М.: ИМЭМО РАН, 2013. С. 98—111.
37. *Виноградов А.В.* Основы стратегического партнерства России и Китая в формировании нового регионального и мирового порядка// Китай на пути к возрождению. К 80-летию академика М.Л. Титаренко / отв. ред. С.Г. Лузянин. М.: ИД «ФОРУМ», 2014. С. 60—66.
38. *Виноградов А.О.* РФ—КНР: состояние и перспективы двусторонних отношений // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. Вып. XXI. М.: ИДВ РАН, 2016. С. 47—61.
39. *Володин А.Г.* Средний класс в незападных обществах — тенденции развития // «Третий мир»: спустя полстолетия / отв. ред. В.Г. Хорос, Д.Б. Малышева. М.: ИМЭМО РАН, 2013. С. 85—98.
40. *Востоков Д.* Внешняя политика КНР после IX съезда КПК // Опасный курс. Вып. II. М.: Политиздат, 1971. С. 276—295.
41. *Галенович Ю.М.* Из истории политической борьбы в КПК (1966—1969 гг.). М.: ИДВ АН, 1988.
42. *Галенович Ю.М.* Прав ли Дэн Сяопин, или Китайские инакомыслящие на пороге XXI века. М.: Изограф, 2000.
43. *Гао Вэньцин.* Концепция гармоничного развития Китая в начале XXI века. URL: <http://mgs.org.ru/2014/09/82/>
44. *Голобоков А.С.* Становление и развитие внешнеполитической доктрины Китая // Ойкумена. 2010. № 3. С. 117—124.
45. *Гурин М.В.* Нарастание тенденций многополярности в современном глобализирующемся мире // Научные проблемы гуманитарных исследований. 2012 г. Вып. 4. С. 239—245.
46. *Давыдов В.М.* Латинская Америка в мировой системе / Современные международные отношения и мировая политика / отв. ред. А.В. Торкунов. М.: Просвещение: МГИМО, 2004. С. 457—468.

47. *Дейч Т.Л.* Африка во внешнеполитической стратегии Китая (конец XX — начало XXI вв.): дис. ... докт. ист. наук. М.: Ин-т Африки РАН, 2013.
48. *Дейч, Т.Л.* Африка в стратегии Китая. М.: Ин-т Африки РАН, 2008;
49. Дрейпер П. Подъем Китая и его последствия для Южной Африки. URL: http://www.project-syndicate.org/print_commentary/draper2/Russian.
50. *Емельянов А.Л.* Россия в Африке // Современные международные отношения и мировая политика / отв. ред. А.В. Торкунов. М.: Просвещение; МГИМО, 2004. С. 927—938.
51. *Забелло Я., Мажаров И.* Удар ниже Мексики. Китай решил посягнуть на традиционную зону американских интересов — Латинскую Америку. URL: http://www.chinadata.ru/china_lat.htm
52. *Каспарук В.А.* Китай — Латинская Америка: между экспансией и глобальным сотрудничеством // Политические изменения в Латинской Америке. Вып. № 10. Воронеж: ВГУ, 2012. С. 13—19.
53. Китай в мировой политике / отв. ред. А.В. Торкунов; ред.-сост. А.Д. Воскресенский. М.: МГИМО(У); РОССПЭН, 2001.
54. *Кондрашова Л.И.* Китайская мечта о национальном возрождении. М.: ИЭ РАН, 2014.
55. *Коркунов И.* Китай на пути интеграции в глобальную экономику. URL: http://vasilieva.narod.ru/7_5_03.htm
56. *Костриков С., Тарасов И.* Третий мир: понятие и реальность // МЭ и МО. 1990. № 11. С. 21—32.
57. *Красильщиков В.А.* Латинская Америка: трудное избавление от зависимости // «Третий мир»: спустя столетия / отв. ред. В.Г. Хорос, Д.Б. Малышева. М.: ИМЭМО РАН, 2013. С. 199—215.
58. *Красильщиков В.А.* Развитие России и стран Латинской Америки: факторы сходства и различия // Мировая экономика и международные отношения. 2004. № 4. С. 73—81.
59. *Кулик Б.Т.* Советско-китайский раскол: Причины и последствия. М.: ИДВ РАН, 2000.
60. *Лившин С.В.* Глобализация и китайско-африканский диалог. М.: ОГНИ, 2002.
61. *Лузянин С.* Китай в Африке: новый колонизатор или спаситель? URL: <http://old.mgimo.ru/news/experts/document234816.phtml>
62. *Лузянин С.* «Китайская мечта» дает надежду всем странам. URL: <http://russian.people.com.cn/31519/8439562.html>
63. *Лунев С., Широков Г.* Складывание новой мировой системы и Россия // Pro et Contra. 2002. № 4. С. 26—46.
64. *Лунев С.И.* Дифференциация стран Востока в современном мире // «Третий мир»: спустя столетия / отв. ред. В.Г. Хорос, Д.Б. Малышева. М.: ИМЭМО РАН, 2013. С. 64—85.
65. *Малышева Д.Б.* Юг и Восток в формирующемся многополярном мире // «Третий мир»: спустя столетия / отв. ред. В.Г. Хорос, Д.Б. Малышева. М.: ИМЭМО РАН, 2013. С. 129—143.

66. *Малышева Д.Б.* Развивающиеся страны в меняющемся мире // Свободная мысль. 2012. № 7—8. С. 180—192.
67. *Мамаева Н.Л.* Китайская Народная Республика: 60 лет партийно-политических преобразований. КПК и КПСС некоторые направления сравнительного анализа // Проблемы Дальнего Востока. 2009. № 5. С. 39—56.
68. *Никольский С.* Россия в Африке: возможно ли такое? URL: <http://his.lseptember.ru/article.php?ID=200101405>
69. *Нуракишева М.* МЕР USAID. Макроэкономический Проект USAID Опыт членства Китая в ВТО. Сентябрь 2015. С. 16—17.
70. *Островский А.В.* Китайская модель перехода к рыночной экономике. М.: ИДВ РАН, 2007.
71. *Пантин В.И., Лапкин В.В.* Динамика различных политических и социально-экономических моделей в современном мире: попытка прогноза // «Третий мир»: спустя полстолетия / отв. ред. В.Г. Хорос, Д.Б. Малышева. М.: ИМЭМО РАН, 2013. С. 153—160.
72. *Портяков В.Я.* Внешняя политика Китайской Народной Республики в XXI столетии. М.: ИДВ РАН, 2015.
73. *Портяков В.Я.* Перспективы дальнейшего возвышения Китая и его возможные геополитические последствия // Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества. Материалы III международной научно-практической конференции / отв. ред. Д.В. Буяров. Благовещенск, 2013. С. 216—222.
74. *Рогожин А.А.* Глобализация и регионализация в Азии (внешнеторговый аспект) // «Третий мир»: спустя полстолетия / отв. ред. В.Г. Хорос, Д.Б. Малышева. М.: ИМЭМО РАН, 2013. С. 46—64.
75. *Рогожина Н.Г.* Экология и развитие // «Третий мир»: спустя полстолетия / отв. ред. В.Г. Хорос, Д.Б. Малышева. М.: ИМЭМО РАН, 2013. С. 111—129.
76. *Сафронова Е.И.* К вопросу о многополярности структуры международных отношений // Тезисы докладов XI Международной конференции «Китай, китайская цивилизация и мир». М.: ИДВ РАН, 2000. Ч. 1. С. 21—25.
77. *Сафронова Е.И.* К вопросу о роли преемственности и традиций в построении современного политико-экономического курса КНР относительно развивающихся стран // Новые акценты и тенденции во внешней политике Китая. Информ. бюллетень. М.: ИДВ РАН, 1994. С. 87—104.
78. *Сафронова Е.И.* Китай и «третий мир»: брак по расчету// Азия и Африка сегодня. 2012. № 5. С. 2—5.
79. *Сафронова Е.И.* Китайская концепция «гармоничного мира» в аспекте развивающихся стран // Тезисы докладов XVII МНК «Китай, китайская цивилизация и мир». Ч. 1. М.: ИДВ РАН, 2008. С. 164—167.
80. *Сафронова Е.И.* КНР и развивающиеся страны // Китайская Народная Республика: политика, экономика, культура. 1998. М., 2000. С. 202—210, 214—226.
81. *Сафронова Е.И.* КНР, «третий мир» и имидж России в Китае // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. Выпуск XIII (Спецвыпуск). Гл. IX. М.: ИДВ РАН, 2008. С. 197—222.

82. *Сафронова Е.И.* Некоторые современные проблемы отношений «Север—Юг» и позиция КНР // Восток—Россия—Запад. Исторические и культурологические исследования. М.: ПИМ, 2001. С. 702—713.
83. *Сафронова Е.И.* Отношения КНР с развивающимися странами и формирование нового мирового экономического порядка // Китай в мировой политике. М.: МГИМО(У); РОССПЭН, 2001. С. 398—428.
84. *Сафронова Е.И.* Политика и международный имидж КНР в странах Африки и Латинской Америки: небесполезный опыт для России // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. Вып. XII. М.: ИДВ РАН, 2012. С. 105—144.
85. *Сафронова Е.И.* Россия, Китай и «третий мир» на рубеже веков: возможно ли «второе дыхание» отношений? // Российско-китайские отношения. Состояние, перспективы. М.: ИДВ РАН, 2005. С. 204—228.
86. *Сафронова Е.И.* Эволюция позиции КНР по проблеме установления нового международного экономического порядка // Вопросы экономики. История, внешней и внутренней политики стран Дальнего Востока. Ч. 2. М.: ИДВ АН, 1986. С. 75—85.
87. *Сафронова Е.И., Уянаев С.В.* От «мирного возвышения» к «гармоничному миру»: эволюция концептуального обоснования внешнеполитического курса КНР в начале XXI в. // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. Выпуск XIII (Спецвыпуск). Гл. V. М.: ИДВ РАН, 2008. С. 115—134.
88. «Третий мир»: спустя полстолетия / отв. ред. В.Г. Хорос, Д.Б. Малышева. М.: ИМЭМО РАН, 2013. 262 с.
89. *Фомичева М.В., Красильников А.С.* Китай и Африка (Подрывная деятельность маоистов в Африке). М., 1976. 263 с.
90. *Хорос В.Г.* Вместо послесловия // «Третий мир»: спустя полстолетия / отв. ред. В.Г. Хорос, Д.Б. Малышева. М.: ИМЭМО РАН, 2013. С. 9—28.
91. *Хорос В.Г.* Центро-периферийные отношения за полвека: основные тренды изменений // «Третий мир»: спустя полстолетия / отв. ред. В.Г. Хорос, Д.Б. Малышева. М.: ИМЭМО РАН, 2013. С. 9—28.
92. *Чжан Юйсинь.* Внешняя политика Китая в контексте трансформации системы международных отношений. Автореф. дис. ... М.: МГУ, 2007.
93. Экономика Африки в условиях рыночных преобразований / отв. ред. И.О. Абрамова, Е.В. Морозенская. М.: Ин-т Африки РАН, 2010.
94. *Эльянов А.Я.* Развивающиеся страны в тенетах глобализации // «Третий мир»: спустя полстолетия / отв. ред. В.Г. Хорос, Д.Б. Малышева. М.: ИМЭМО РАН, 2013. С. 29—46.
95. *Яковлев П.* Латинская Америка в глобальной стратегии Пекина. URL: http://www.perspektivy.info/book/latinskaja_amerika_v_globalnoj_strategii_pekina_2010-11-02.htm

На китайском языке

96. *Hideaki Kaneda.* Чжунго вэньти : [Китайский вопрос] / Association of newspapers around the world. URL: <http://www.project-syndicate.org/commentary/kaneda8/Chinese>

97. Ван Ичжоу. Цюаньцю чжэнчжи юй Чжунго вайцзяо: [Глобальная политика и китайская дипломатия]. Бэйцзин, 2003.

98. Ли Аньшань. Вэй Чжунго чжэнмин: чжунгодэ фэйчжоу чжаньлюэ юй гоцзя синсян : [Стратегия Китая в Африке и имидж государства] // Шицзе цзинци юй чжэнчжи. 2008. № 4.

99. Ло Цзяньбо. Фэйчжоу итихуа юй чжун-фэй гуаньси: [Интеграция Африки и китайско-африканские отношения]. Бэйцзин, 2006.

100. Лю Гогуан (ред.). Чжунго цзинци тичжи гайгэ-дэ моши яньцзю : [Исследование модели реформы экономической системы в Китае]. Бэйцзин: Чжунго шэхуэй кэсюэ чубаншэ, 1988.

101. Сунь Пучжун. Фанькун хэцзо юй Чжун-Мэй гуаньси: [Сотрудничество против терроризма и китайско-американские отношения] // Гоцзи вэньти яньцзю. 2005. № 2. С. 15—18.

102. Су Чжэнсин. Ладин мэйчжоу — игэ шэнци фэнбо, фуёю цзанлиды далу: [Латинская Америка — бурлящий жизненными силами континент с богатым потенциалом] // Хунци. 1986. № 16. С. 28—31.

103. Тан Жэнью, Ху Чуньму. Лунь цюаньцюхуа гуйцзе-дэ «фу цян и жо» : [О проблеме глобализации «поддерживать сильного и притеснять слабого»] // Шицзе цзинци юй чжэнчжи. 2000. № 4. С. 44—46.

104. Тан Шитин. Цзай лунь Чжунго-дэ да чжаньлюэ : [И вновь о большой стратегии Китая] // Чжаньлюэ юй гуаньли. 2001. № 4. С. 29—37.

105. Ху Аньган. Чжунго: синь фачжань гуань:[Китай: новый взгляд на развитие]. Чжэцзянь, 2004.

106. Цзян Шэнфу. Нань-нань хэцзо хэ нань-бэй таньпань : [Сотрудничество Юг—Юг и переговоры Север—Юг] // Цзилинь дасоэ шжхуй кэсюэ сюебао. Цзилинь, 1983 № 4. С. 22—27.

107. Чжоу Гуаньтань. Чжун-фэй цзяотун маньби : [Записки о китайско-африканских связях]. Бэйцзин, 2003.

108. Чжу Вэньтин. Фэйчжоу гоцзя миньчжухуа цзиньчэн яньцзю : [Изучение процессов демократизации стран Африки]. Бэйцзин, 2003.

109. Шэнь Фуэй. Чжунго юй Фэйчжоу: чжун-фэй гуаньси эрцянь нянь : [Китай и Африка: два тысячелетия китайско-африканских связей]. Бэйцзин, 1990.

На английском и иных языках латинского алфавита

110. Barnett A. Doak. Uncertain Passage. China's Transition to the Post-Mao Era. Wash.: The Brookings Inst., 1974. 387 p.

111. Berger Mark T. After the Third World? History, Destiny and the Fate of Third Worldism // Third World Quarterly. 2004. Vol. 25. No. 1. P. 9—39.

112. Braeckman, Colette. La Chine applique en Afrique sa propre stratégie de développement // Le Soir. 2011. 31 Mai. URL: <http://blog.lesoir.be/colette-braeckman/2011/05/31/la-chine-applique-en-afrique-sa-propre-strategie-de-developpement>

113. Castilho, C. China y el Tercer Mundo // Cuadernos del Tercer Mundo. Mexico, 1983. a.6 . № 59. P. 67—71.

114. Chaliand G. Third World: definitions and descriptions. URL: http://www.thirdworldtraveler.com/General/ThirdWorld_def.html

115. *Cho, Young & Jeong, Jong*. China's Soft Power: Discussions, Resources, and Prospects // *Asian Survey*. 2008. No.3. Pp. 453—472.
116. *Cüneyt Basaran*. Bir efsane çöküyor mu? (Миф разрушается?). URL: <http://www.haberturk.com/yazarlar/cuneyt-basaran/1123219-bir-efsane-cokuyor-mu>
117. Definición de Tercer Mundo. URL: <http://www.definicionabc.com/politica/tercer-mundo.php>
118. DePersio, *Greg*. Is China a developed country? URL: <http://www.investopedia.com/ask/answers/113015/china-developed-country.asp>
119. Dussel Peters, *Enrique*. El nuevo ritmo latino de China// *La Nacion* (Costa Rica). 12 de Diciembre 2004. URL: http://www.nacion.com/ln_ee/2004/diciembre/12/pais.html
120. *Elkan W*. Introduction to Development Economics. Bungay: The Chaucer Press Ltd., 1978. 230 p.
121. *Gallagher K. P., Myers M*. China Keeps Credit Flowing to Latin America's Fragile Economies // *The Financial Times*. 27.02.2015. URL: <http://blogs.ft.com/beyond-brics/2015/02/27/guest-post-china-keeps-credit-flowing-to-latin-americas-fragile-economies/>
122. *Halpern A.M.* Chinese Foreign Policy — Success or Failure? Canberra, Australian Nat. Univ., 1966. 17 p.
123. *Heath, Timothy*. China's Big Diplomacy Shift. URL: <http://thediplomat.com/2014/12/chinas-big-diplomacy-shift/>
124. *Hinton Harold C*. China's Turbulent Quest. An Analysis of China's Foreign Relations since 1945. N.Y.: The Macmillan Co., 1970. 352 p.
125. *Isabel Rodriguez Aranda, I. Y Leiva Van de Maele D*. El soft power en la política exterior de China: consecuencias para América Latina // *Polis. Revista Latinoamericana*. URL: <https://polis.revues.org/9179>
126. *Khanna, Tarun & Palepu Krishna G*. How To Define Emerging Markets. URL: <http://www.forbes.com/2010/05/27/winning-in-emerging-markets-opinions-book-excerpt-khanna-palepu.html>
127. *Lampton, David M.; Wallace, Jeremy; Conrad, Björn*. Is China A Developed Country? // Center for Strategic and International Studies. URL: <http://chinapower.csis.org/is-china-a-developed-country>
128. *Li Anshan*. African Studies in China in the 20-th Century: A Historiographical survey // *African Studies Review* 2005, 48.1.
129. *Magnier, Mark*. U.S. Is Watching China's Latin American Moves. URL: <http://articles.latimes.com/2006/apr/15/world/fg-china15>
130. *Munro R.H*. China's Waxing Spheres of Influence // *Orbis*. 1994. Vol. 38. № 4. P. 25—41.
131. *Niquet, Valérie*. La stratégie africaine de la Chine France-Diplomatie URL: http://www.diplomatie.gouv.fr/fr/IMG/pdf/0805_LaStrategieafricainedelaChinedeValerieNiquet.pdf
132. *Randall, Vicky*. Using and Abusing the Concept of the Third World: Geopolitics and the Comparative Political Study of Development and Underdevelopment // *Third World Quarterly*. 2004. № 25. P.43.
133. *Reem, Heakal*. What Is An Emerging Market Economy? / *Investopedia* URL: <http://www.investopedia.com/articles/03/073003.asp#ixzz4AQHas7Ib>

134. *Rocha, Manuel*. China en transformación: la doctrina del desarrollo pacífico // Foro Internacional. 2006. No. 4. P.706,
135. *Scarborough, Rowan*. China role in West worries Pentagon // The Washington Times. URL: <http://www.washtimes.com/national/20050406-114055-9788r.htm>
136. *Smit, Niko*. The Continued Relevance of the 'Third World' Concept. URL: <http://www.e-ir.info/2013/03/26/the-continued-relevance-of-the-third-world-concept>
137. *Starr J. B.* Conceptual Foundations of Mao Tse-tung's Theory of Continuous Revolution // Asian Survey. 1971. No. 6. P. 610—628.
138. *Stone Fish, Isaac*. Is China Still a 'Developing' Country? // Foreign Policy. 25.09.2014.
139. The Changing Nature of Asian-Latin American Economic Relations / Ed. by *German King, José Carlos Mattos, Nanno Mulder, Osvaldo Rosales*. Santiago: United Nations ECLAC, 2012. 198 p.
140. *Vann, Carole*. Tribune des droits humains, l'Afrique en manque de stratégie face à l'arrivée massive des Chinois, Nouvel Observateur. URL: <http://rue89.nouvelobs.com/chinatown/2010/05/09/lafrique-en-manque-de-strategieface-a-larrivee-massive-des-chinois-150726>
141. *Weber, Heloise*. Reconstituting the 'Third World'? Poverty Reduction and Territoriality in the Global Politics of Development // Third World Quarterly. 2004. № 25. P. 187—206.
142. *Yiping, Huang*. China Is a Special Developing Country. URL: <http://www.nytimes.com/roomfordebate/2015/07/27/can-china-stand-on-its-own/china-is-a-special-developing-country>
143. *Zeeshan Aleem*. Why You Shouldn't Call Poor Nations 'Third World Countries'. URL: <http://mic.com/articles/107686/why-you-shouldn-t-call-poor-nations-third-world-countries>

Официальные и информационно-аналитические интернет-ресурсы

144. Информационный портал Forbes.ru. URL: <http://www.forbes.com>
145. Китайский информационный Интернет-центр. URL: <http://www.china.org.cn>
146. Официальный сайт посольства КНР в Беларуси. URL: <http://by.china-embassy.org>
147. Официальный сайт посольства КНР в России. URL: <http://ru.china-embassy.org/rus>
148. Официальный сайт Посольства КНР в ЮАР. URL: <http://www.chinese-embassy.org.za>
149. Официальный сайт МИД КНР. URL: <http://www.fmprc.gov.cn>
150. Сайт агентства Синьхуа. URL: <http://www.russian.xinhuanet.com> и URL: <http://russian.news.cn>
151. Сайт информационно-аналитического агентства Channel NewsAsia. URL: <http://www.channelnewsasia.com>

152. Сайт информационно-аналитического агентства Project-syndicate. URL: <https://www.project-syndicate.org>

153. Сайт международного радио Китая. URL: <http://russian.cri.cn>

154. Сайт телеканала Chinese Central Television (CCTV). URL: <http://russian.cctv.com>

Периодические издания

155. Азия и Африка сегодня.

156. ИТАР-ТАСС (сводки).

157. Коммерсантъ.

158. Компас. ИТАР-ТАСС.

159. Красная Звезда.

160. Латинская Америка.

161. Мир экономики. Интернет-журнал.

162. Мировая экономика и международные отношения.

163. Московские новости.

164. Научные проблемы гуманитарных исследований.

165. Независимая Газета.

166. Ойкумена (Регионоведческие исследования).

167. Проблемы Дальнего Востока.

168. Проблемы современной экономики.

169. РБК daily.

170. РИА-Новости.

171. Российская газета.

172. Свободная мысль.

173. Гоцзи вэньти яньцзю.

174. Гуаньминь жибао.

175. Дуннань цзунхэн.

176. Жэньминь жибао.

177. Ляован.

178. Хунци.

179. Чжаньлюэ юй гуаньли.

180. Шицзе цзинци юй чжэнчжи.

181. Asian Survey.

182. Beijing Review.

183. Contemporary International Relations.

184. Foreign Policy.

185. Third World Quarterly.

Summary

SAFRONOVA, E.I.

China and Developing Countries: History and Conceptual Basis of Relations (1949—2013) (in the case of Africa and Latin America)

The monograph examines history, conceptual basis and practice of the contacts between China and developing countries (in the case of Africa and Latin America) for the period from the establishment of the PRC to the years of 2012—2013, which crowned the rise to power of the 5th generation of Chinese leaders. Particular attention is paid to the theoretical substantiation of mutual relations, because, by virtue of the reasons given in the monograph, it has tangibly determined nature and special characteristics of the interaction.

The book also presents the author's attitude towards the «developing country» and «developing word» definitions, as well as factors that led to the emergence of the Developing World as a great global phenomenon. Some issues of the maturing and the tuning of China's maintained status as a developing country are also considered.

Keywords: China, PRC, developing countries, developing world, international relations, foreign policy of China (PRC), Africa, Latin America, «three worlds» theory, «South—South» cooperation, Russia's foreign policy.

Об авторе

Елена Ильинична Сафронова — ведущий научный сотрудник Центра изучения и прогнозирования российско-китайских отношений Института Дальнего Востока РАН. Окончила факультет международных экономических отношений МГИМО МИД СССР. Кандидат экономических наук. Автор более 140 опубликованных научных работ политологической и международно-экономической тематики.

Научное издание

Сафронова Елена Ильинична

**КНР — развивающиеся страны:
история и концептуальная база отношений
(1949—2013)
на примере Африки и Латинской Америки**

Выпускающий редактор *Е.В. Белилина*
Компьютерная верстка *И.В. Кондратьевой*
Оформление *Т.В. Иваншиной*

Подписано в печать 13.02.2017. Формат 60×90/16.
Печать офсетная. Гарнитура «Таймс». Усл. печ. л. 8,0. Уч.-изд. л. 8,4.
Бумага офсетная. Тираж 300 экз.
Заказ №

Издательский Дом «ФОРУМ»
127282, Москва, ул. Полярная, д. 31в
E-mail: forum-books@mail.ru